

Татарстан Фәннәр академиясенең

Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

Общетюркская и татарская средневековая археология:
научные проблемы и достижения

№ 1

Казан — 1997

Содержание

Слово главного редактора	3
Александр Алексин, Лев Гумилев Каспий, климат и кочевники Евразии	7
Леонид Кызласов Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы	24
Светлана Плетнева Древние болгары в восточноевропейских степях	32
Евгений Казаков Об этнокультурных компонентах народов Восточной Европы в Волжской Булгарии (по археологическим материалам)	64
Нина Кокорина Основные тенденции развития культуры Волжской Булгарии в золотоордынский период (по данным керамики)	81
Герман Федоров-Давыдов Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге	92
Марк Крамаровский Золотоордынский город Солхат-Крым: к проблеме формирования городской культуры (новые материалы)	105
Светлана Червонная Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму	111
Имре Баски Тамги и этнические названия (Вклад тамго-знаков в этногенез татар)	135
Сведения об авторах	163
Список сокращений, используемых в журнале	164

Слово главного редактора

Уважаемый коллега! Дорогой читатель!

Вы берете в руки новый журнал “Татарская археология” — один из серий периодических научных изданий гуманитарного профиля, которую начал издавать Институт истории Академии наук Татарстана (в серию также входят “Панорама-форум”, “Tatarica” и “Finno-Ugrica”). Раньше у нас не было подобных изданий, посвященных проблемам древней и средневековой истории Татарстана и татарского народа, его материальной и духовной культуры, вопросам этнокультурных и иных связей с другими народами и государствами. Публикации в общественно-политических и литературных журналах носили в основном научно-популярный или очерковый характер и были лишены глубины анализа проблемы и научного аппарата; т.н. секторальные сборники, выходившие нерегулярно и малыми тиражами, не могли решить проблему.

Республика Татарстан с ее столицей Казанью — крупным научным центром, родиной востоковедения в России — давно заслуживала права издания отраслевых гуманитарных научных журналов. Такая возможность представилась в результате начавшихся в последние годы реформ в обществе, демократизации мышления, свободы печати. К тому же непосредственным толчком к учреждению подобных средств научной информации послужило образование в начале этого года самостоятельного Института истории АНТ.

История татарского народа и его предков ограничивалась в недавние времена узкими рамками Татарской АССР, где проживала (и теперь проживает в Республике Татарстан) лишь четвертая часть нации. Остальная, преобладающая часть татар — одного из больших тюркоязычных народов Евразии — оставалась, практически, за пределами исследования и пропаганды своей подлинной истории. Соответственно находились почти взаперти целые периоды истории — ряд поздних татарских ханств, кроме Казанского (Крымское, Сибирское и др.), Золотая Орда-Улус Джучи, предшествовавшие Степь половецкая, отдельные каганаты (Тюркский, Кимакский и т.д.), древнетюркский период, куда уходит своими глубокими корнями и татарский народ.

Перечисленные периоды истории татар и других тюркоязычных народов имеют достаточно богатую научно-источниковедческую базу. Помимо большой категории средневековых письменных источников, накоплен солидный археологический материал, особенно по эпохам Дешт-и-Кипчак и Золотой Орды. Да и более ранние периоды представлены весьма интересными археологическими, в том числе и эпиграфическими памятниками. Естественно, предстоит еще большая работа по сбору и осмыслению нового материала.

Весь круг проблем и имеющихся источников, кратко перечисленных выше, позволяет уверенно говорить об археологии всего татарского народа, а не только Татарстана. Археология последнего, бесспорно, также найдет в журнале достойное освещение.

Итак, круг научных проблем и историко-археологических периодов, вошедших в тематику “Татарской археологии”, довольно широк — начиная с первых этнических образований и кончая формированием народности, от раннетюркского мира с его предысторией до последних столетий позднего средневековья. Собственно археология, нумизматика, эпиграфика, да и язык эпитафий тюркского этноса, в основном, татарского народа и его предков, а также первобытная археология Татарстана, Среднего Поволжья и Приуралья — вот основная тематика нашего журнала.

Редакция “Татарской археологии” обращается к коллегам-археологам, представителям смежных наук — присыпать в журнал свои материалы: статьи, заметки об отдельных находках, рецензии на изданные работы по вышеуказанной проблематике. Будем рады и благодарны вам. Редакция гарантирует публикацию работ, если их выводы даже не согласуются с нашим мнением.

Желательный объем присыпаемых работ — до 1—1,5 а. л. Материалы в двух экземплярах могут быть отпечатаны на машинке через два интервала или на принтере с приложением дискеты. Сноски — в конце текста. Иллюстрации — не более 10 штук в черно-белом исполнении — в одном экземпляре.

Сотрудничать в нашем журнале в качестве и авторов, и членов редколлегии дали согласие С. А. Плетнева, Л. Р. Кызласов, Г. А. Федоров-Давыдов, С. М. Червонная, М. Г. Крамаровский, Е. П. Казаков — крупные специалисты по археологии, искусству и истории раннего и позднекочевого мира Евразии, Волжской Булгарии, Золотой Орды, татарского Крыма и Татарстана. Их ценные исследования и предлагаем вашему вниманию в первом номере журнала: здесь же — статья булгароведа-керамиста Н. А. Кокориной о новых элементах булгарской материальной культуры, соответственно, и этнических компонентах домонгольского и золотоордынского периодов.

Редакция сочла необходимым переиздание двух работ, опубликованных в разное время в нашей стране и за рубежом. Одна из них — исследование венгерского ученого Имре Баски о татарских тамгах Добруджи на могильных камнях. Другая — совместная статья ленинградского геолога А. А. Алексина и незабвенного Л. Н. Гумилева о Каспии, климате и кочевниках Евразии. Статья была опубликована в 1963 г. в первом (и в последнем) томе трудов восстановленного Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (общество было создано в 1878 г. и прекратило свое существование в конце 20-х годов

нашего столетия. Несколько измененное в 1962 г. название — Общество истории, археологии и этнографии). Названная выше статья, а вместе с ней и том трудов были запрещены, изъяты, в основном, потому, что авторы статьи назвали Китай южным соседом кочевого мира (откуда идут и далекие корни татар). Это был период, хотя и хрущевской “оттепели”, но “холодной войны” с Китаем. Только сейчас, через 35 лет, работа А. А. Алексина и Л. Н. Гумилева попадает к читателю.

Первый номер нашего журнала мы посвящаем Обществу археологии, истории и этнографии, которому меньше чем через год исполняется 120 лет.

Равиль Фахрутдинов,
доктор исторических наук

Вниманию читателя предлагаем фотографию участников секции археологии восстановительного съезда Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (при восстановлении — Общество истории, археологии и этнографии), проходившего в апреле 1962 г. Многих присутствовавших тогда на съезде, на секции уже нет в живых — нет наших учителей, коллег, наших старших товарищей по работе. Но они с нами, мы их свято чтим...

Пусть эта фотография, которая была сделана 35 лет тому назад, останется страницей в истории той большой науки, которая объединяет нас и по сей день!

Слева направо:

первый ряд (сидят) — Ш. Ф. Мухамедьяров, А. Б. Булатов, Н. В. Трубникова, В. Ф. Каховский, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, А. Халиков, З. А. Акчурин, Л. Н. Гумилев, А. А. Алексин, М. Г. Сафаргалиев;

второй ряд — (?), Н. Д. Аксенова, С. В. Морозова, Т. А. Хлебникова, Е. А. Халикова, В. Д. Дмитриев, В. Т. Сиротинко, Г. А. Архипов, М. Р. Полесских, Г. В. Юсупов, И. Д. Воронин;

третий ряд — Э. И. Кучеренко, И. С. Вайнер, Г. А. Федоров-Давыдов, Р. Г. Фахрутдинов, Р. С. Габышев, (?), Г. Н. Айплатов, Е. П. Казаков, М. А. Усманов, А. Г. Мухамадиев, Г. Р. Ишмуратова, (?), Ф. С. Фасеев.

А. А. Алексин, Л. Н. Гумилев.
Каспий, климат и кочевники Евразии

Мы рассматриваем нашу работу как первый опыт применения историко-географического подхода к археологии.

1. Жизнь кочевых народов Евразии протекала на грани двух физико-географических зон: гумидной, располагавшейся к северу от сухих степей, и аридной, примыкавшей к ним с юга. Даже незначительные планетарные изменения климата, вызывавшие изменения физико-географических условий в этих зонах, не могли не отражаться на историческом развитии их обитателей. При перемещении физико-географической зональности к северу пустыня наступала на степи, иссушала их и делала привычные условия жизни в них невозможными, а обратное смещение этих зон преобразовывало полупустыни в цветущие пастбищные угодья. Но зато на северные лесостепные пространства наступали леса, превращая их в сплошное “таежное море”.

Оптимальные условия для кочевых культур, базировавшихся на натуральном хозяйстве, возникали при определенной степени увлажнения, выше и ниже которой условия жизни ухудшались. Основным источником существования в те времена являлось разведение рогатого скота и лошадей, добывавших зимой себе корм из-под снега тибеневкой. Увеличение влажности и, соответственно, снегового покрова приводило к гибели скота и оскудению скотоводческих хозяйств.

Проследить указанные климатические смещения на основе исследований геоботанических, зоологических и геологических не представляется возможным вследствие трудности установления точных датировок. Но история народов, живших натуральным хозяйством, чутко реагировала на малейшие изменения экономических возможностей, которые были тесно связаны с ландшафтом. Исторические источники позволяют нам проследить судьбы народов степной и лесостепной зон Евразии, начиная с IV—III в. до н.э., а следовательно, и тех колебаний климата, с которыми они были связаны.

Мы не ставим себе задачи объяснить причины климатических колебаний, но констатируем факты и даты этих изменений. Имеющийся материал подтверждает периодические смещения на юг или на север климатических ландшафтных зон, служивших ареной деятельности кочевых народов. При этом отчетливо проявляются факты гетерохронности увлажнения аридной и гумидной зон, причем смещение циклонических путей выражается многими сотнями и даже тысячью километров (В. Ю. Визе, 1940; В. Н. Абросов, 1962).

Как известно, Аральское море и озеро Балхаш питают реками аридной зоны, а водосбор Волги, дающей свыше 80% от общего стока в Каспий, полностью расположен в зоне гумидной. Поэтому уровни, с од-

ной стороны Арала и Балхаша, а с другой Каспия, являются великолепными показателями увлажнения той или другой зоны.

Согласно предлагаемой В. Н. Абросовым (1962) точке зрения, уровень обоих бассейнов связан с расположением путей циклонов, несущих влажные массы воздуха от азорского максимума в глубины евразийского континента. Южный путь циклонов направлен к Тянь-Шаню. Изливающиеся там дожди орошают Джунгарию, Семиречье и наполняют Балхаш, Иссык-Куль и Аральское море. Северный путь приносит осадки в бассейн Волги, вследствие чего поднимается уровень Каспия. Иногда возникает и еще более северный путь, когда осадки выпадают в Фенноскандии и в бассейнах Белого и Карского морей. Тогда наблюдается понижение уровня и в Каспии и в Араle, хотя северо-иранская ветвь циклона приносит незначительное количество осадков на Памир и, питая Амур-Дарью, замедляет усыхание аридного бассейна (см. схему на рис. 1 и табл. 1). Л. С. Берг отмечает, что “когда уровень Каспия стоял низко — условия для судоходства в Арктике были благоприятными” (Л. С. Берг, 1947, стр. 90).

Таблица 1.

Зависимость климатических условий Евразии от местоположения постоянного центра действия атмосферы

Местоположение постоянного центра действия атмосферы и пути циклонов в связи с уровнем Каспия и стоком Аму-Дары	1. Северное	2. Среднее	3. Южное
Климатические условия в арктической зоне	Влажно	Засушливо	Засушливо
Климатические условия в гумидной зоне	Засушливо	Влажно	Засушливо
Климатические условия в аридной зоне	Засушливо	Засушливо	Влажно
Уровень Каспия	Низкий	Высокий	Низкий
Сток Аму-Дары	Повышен	Понижен	Повышен

Проверка этой точки зрения, проведенная нами на историческом и археологическом материале, за 2500 лет, подтвердила ее правильность. Данная концепция имеет колossalное значение для интерпретации исторических событий и не меньшее значение приобретает обратный ход мысли, когда путем дедукции мы получаем объяснения для многих исторических ситуаций.

2. В теплый и сухой суббореальный период в южной Сибири на границе тайги и степи развились палеометаллические культуры (Г. Ф. Дебец, 1948, стр. 53). Наступление холодного периода и продвижение леса на юг подорвало их экономические возможности, и культура их стала клониться к упадку. Зато для обитателей монгольской степи увлажнение и появление лесных островков явилось благом, и степное хозяйство в средине н. э. процветает (Г. Ф. Дебец, 1948, стр. 118). Это увлажнение в южных районах Центральной Азии во II тыс. н.э. прекратилось.

Однако археологические находки показывают, что там, где теперь пустыня, расположенная на сухом русле Конче-Дарьи, недалеко от Лобнора, некогда были цветущие поселения, например, Харо-Хото и Шань-Шань. Китайские военные реляции II в. до н.э. указывают численность отбитого у хуннов скота. У хуннов предгорий Алашана отбито столько, что надо полагать, там было большое скотоводческое хозяйство на большой площади пастбищных угодий, нежели в IX—XX веках (Г. Е. Грумм-Гржимайло, 1933; Л. Н. Гумилев, 1960).

3. Вопрос об усыхании степей Центральной Азии вызвал острую полемику. За усыхание в исторический период высказались Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. В. Павлов, В. А. Смирнов, В. М. Синицын и А. В. Шнитников, против — Л. С. Берг, К. К. Марков и др. (Э. М. Мурзаев, 1952, стр. 184).

Доводы сторонников теории усыхания не были опровергнуты Л. С. - Бергом достаточно убедительно, но Э. М. Мурзаев приводит некоторые интереснейшие указания, позволяющие по-иному поставить и решить этот вопрос.

“Недавние исследования Чжоу-Ке-чжена, извлекшего метеорологические записи из китайских летописей за последние 2000 лет, показали, что можно говорить только о пульсации климата Китая. Но никак не о его тенденции к аридному типу” (Э. М. Мурзаев. 1952, стр. 188). И. А. Ефремов, занимавшийся изучением палеонтологии Гоби, пишет: “Нужно отметить признаки более сложного хода процесса опустынивания Гобийских районов, чем это предполагалось до сих пор. Наступление аридного климата представляется нам совершившимся недавно. Этот процесс, нужно думать, происходил двумя этапами, с промежутком сравнительного увлажнения между ними” (цит. по Э. М. Мурзаеву, 1952, стр. 189).

Необходимо отметить, что все перечисленные нами исследователи, говоря об усыхании, не учитывали отмеченной В. Н. Абросовым гетерохронности увлажнения аридной и гумидной зон, и поэтому не достигли окончательных результатов. Введение принципа гетерохронности увлажнения с добавочным коррективом на возможное перемещение путей циклонов в арктическую зону позволяет на историко-археологическом материале проследить климатические колебания с гораздо большей точностью.

Работы, проведенные нами в бассейне Каспийского моря в 1959—1961 гг., дали недостававшие данные для представления о сменах периодов увлажнения и усыхания гумидной и аридной зон, что позволило перенести проблему усыхания Средней Азии в новую плоскость. Скудость исторических сведений дает возможность лишь наметить опорные точки колебаний уровня Каспия, но принятая нами точка зрения гетерохронности увлажнения позволяет заполнить интервалы между этими точками и получить стройную картину климатических изменений на исследуемой нами территории.

4. Попытки некоторых ученых (С. А. Ковалевский, А. В. Комаров; см. Б. А. Аполлов, 1956, стр. 211—213) доказать, опираясь на сведения античных авторов, высокий уровень Каспийского моря в 1 тыс. до н.э., достигавший будто бы абсолютной отметки +1,33 м, подвергнуты справедливой критике Л. С. Бергом (1949, стр. 208—212). Равно наши полевые исследования показали, что на территории Калмыкии, которая при положительной отметке моря была бы покрыта водой, на поверхности лежат фрагменты керамики эпохи бронзы и даже палеолитические отщепы. Это дает основание заключить, что за последние 15 тыс. лет уровень Каспия так высоко не поднимался.

В IV—II веках до н.э. уровень Каспийского моря был весьма низок, несмотря на то, что, по данным эллинистических авторов, вода Аму-Дарьи протекала в Каспийское море через Узбой. Об этом говорит сотрудник Александра Македонского историк Аристобул (В. В. Бартольд, 1902, стр. 11). То же мнение высказывает мореплаватель Патрокл в III в. до н.э. Мнение Патрокла принимают Плутарх, Эратосфен и Страбон (В. В.-Бартольд, 1902, стр. 13). Евдокс сообщает, что при впадении Аму-Дарьи в Каспий имеются водопады. Подобные сведения встречаются и у Полибия. Хотя и в менее категорической форме (В. В. Бартольд, 1902, стр. 15). Иордан без тени сомнения утверждает, что есть “другой Танаис. Который, возникая в Хринских горах, впадает в Каспийское море” (Иордан, 1960, стр. 74). “Хринские горы”—это место, где обитали фрины, северо-западная ветвь тибетцев, живших на восточных склонах Памира (Л. Н. Гумилев, 1959, стр. 56). Тем самым устанавливается, что “Хринские горы” являются Памиром, а река “Другой Танаис”—Аму-Дарьей с Узбоем и Актамом. Эти сообщения заставили А. В. Шнитникова предположить, что в середине первого тысячелетия до н. э. уровень Каспия был высок (А. В. Шнитников, 1957, стр. 264—266). Однако его мнению противоречит следующее: воды Аму-Дарьи могли попасть в Узбой только через Сарыкамышскую впадину. Площадь Сарыкамышской впадины вместе с впадиной Асаке-Аудан настолько велика, что испарение там должно было быть громадным. Это объясняет нам, почему русло Узбоя по своим габаритам было способно пропустить не более 100 м³ воды в сек.; явно недостаточно, чтобы поднять уровень Каспия.

На карте Эратосфена, составленной во II в. до н.э., четко показаны контуры Каспия (Дж. О. Томсон, 1953). Северный берег его расположен южнее¹ параллели. Такие контуры Каспийского моря соответствуют береговой трассе (ныне находящейся под водой) на абсолютной отметке минус 36 м (имеется в виду отметка тылового шва террасы, выше которого поднимается уступ более высокой террасы). Действительно, Узбой в это время впадал в Каспийское море, так как его продолжение — русло Актам — ныне прослеживается по дну моря на абсолютной отметке минус 32 м. Если бы это русло было более древним, то оно не могло бы так хорошо сохраниться, а было бы занесено золовыми и морскими отложениями. В более позднее время Каспийское море столь низко не опускалось (см. ниже) и условий для эрозии и меандрирования не было.

Итак, мы можем констатировать, что при относительном многоводье Аму-Дарьи уровень Каспийского моря в IV—II веках до н.э. стоял на отметке не выше минус 36 м. Это значит, что по принятой нами климатической схеме в данную эпоху шло интенсивное увлажнение аридной зоны. Действительно, во II веке до н.э. хунны заводят в Джуングарии земледелие (Л. Н. Гумилев, 1960). В это же время китайские военные реляции говорят об огромных стадах, которые хунны пасли в пределах Монгольского Алтая, а усуни в Семиречье. Царство Кангюй, расположенное в восточной части Казахстана от Тарбагатая до среднего течения Сыр-Дарьи, также представляется в то время богатым скотоводческим государством, способным выставить 200 000 всадников. Река Чу на китайской карте того времени показана вытекающей из Иссык-Куля и впадающей в широкое озеро; ныне же Иссык-Куль не сообщается с рекой Чу, а последняя теряется в песках. Все это говорит о повышенной увлажненности и относительно густой населения этих районов в то время.

Наши соображения подтверждаются геологическими исследованиями. Линзы торфа около русла Актам, перекрытые морскими отложениями, датируются 1 тыс. до н.э. и по характеру растительных остатков указывают на значительное похолодание климата сравнительно с современным (В. Г. Рихтер, С. К. Самсонов, 1961). Пресноводные отложения обнаружены на дне Красноводского залива на отметке минус 35 м (В. Г. Рихтер, 1961). Сам факт накопления торфа указывает, что климат Средней Азии был более влажным, чем современный.

Но уже во II в. до н.э. путь прохождения циклонов смещается к северу. В то же время альпийские проходы становятся труднопроходимыми из-за роста ледников (А. В. Шнитников, 1957, стр. 278). Племена кимзов и тевтонов, жившие до этого в низовьях Рейна, были вынуждены покинуть свою страну вследствие наводнений и обрели геройскую смерть под мечами легионеров Мария. К началу I века н.э. хуннское земледелие погибло, а скотоводство сократилось и могущество хуннов оказалось сломленным.

Начиная с I века до н.э. в китайских хрониках отмечаются холода и засухи в северных степях, выходящие за пределы обычных. Победившие хуннов сяньбийцы овладели Халхой, но не заселили ее, а распространились по южной окраине Гоби, вплоть до восточного Тянь-Шаня. Но и там они ютились около зеленых горных склонов и у некоторых непересыхающих озер, например, Баркуля (Л. Н. Гумилев, 1961). Очевидно, аридизация климата сделала невозможными прежние методы ведения хозяйства.

Л. С. Берг ("Вопросы географии", 1951, стр. 68—69), отмечая, что Балхаш имеет соленость значительно меньшую, чем должно бы иметь бессточное среднеазиатское озеро, предположил, что "Балхаш некогда высыхал, а в дальнейшем опять наполнился водой. С тех пор он еще не успел осолониться". Наши данные позволяют датировать высыхание большей части Балхаша III веком н.э. На китайской карте эпохи Троцарствия (220—280 гг.) на месте Балхаша показано небольшое озеро, соответствующее его наиболее глубокому месту. Уровень Иссык-Куля был также понижен (Л. С. Берг, 1908, стр. 403).

В эту эпоху население степной зоны значительно сокращается, усуну уходят в горный Тянь-Шань; сменившие их юебань — потомки хуннов — населяют склоны Тарбагатая, а некогда богатый Кангюй сходит на нет. Не было никаких внешнеполитических причин, которые бы могли вызвать ослабление этих народов, и это дает основание предположить, что главную роль здесь играл физико-географический процесс аридизации климата. В это же время по сведениям, сообщаемым Аммианом Марцеллином, Аральское море превратилось в "болото Оксийское", т. е. весьма обмелело (А. В. Шнитников, 1957, стр. 269).

Согласно нашей концепции, усыханию аридной зоны должно было соответствовать столь же резкое увлажнение зоны гумидной. К сожалению, состояние римской науки III в. было далеко не блестящим, и поэтому прямых географических сведений о северных странах не сохранилось. Однако один факт подтверждает нашу точку зрения. В III веке готы выселились из южной Скандинавии на южный берег Балтийского моря, к устью Вислы, и распространялись в восточноевропейской лесостепи, одновременно подчинив себе степи до Черного моря. Исходя из того, что готское натуральное хозяйство было тесно связано с условиями гумидного ландшафта. Мы можем допустить, что в III веке ландшафт, заселенный готами, был тоже достаточно влажным и не так уж сильно отличался от скандинавского.

И действительно, в это время из Восточной Европы через греческие порты Ольвию, Херсонес и другие вывозилось огромное количество хлеба, потреблявшегося Римской империей. Следовательно, путь циклонов проходил через центральную часть Восточной Европы, что долж-

но было вызвать увлажнение бассейна Волги и повышение уровня Каспийского моря.

Тут на помощь приходит изучение донных отложений залива Карабогаз-Гол, характер которых определяется уровнем Каспия относительно высотной отметки бара, отделяющего залив от моря. По мнению В. Г. Рихтера (1961), очередная трансгрессия падает на конец I в. и сменяется незначительной регрессией около IV в.²

В самом деле, с IV века в Азии началось интенсивное увлажнение. Пустыни поросли травой, размножились стада копытных. Кочевое население получило возможность хозяйственного роста, определившего быстрый прирост населения. Сложившийся в середине VI века великий тюркский каганат охватывал полосу степей от Хингана до Дона. Мы не можем посчитать количество населения на этой территории, но оно несомненно было большим, так как тюркские ханы являлись достойными соперниками Ирана, Византии и даже Китая. Богатство и изобилие, царившее в это время в Центральной Азии, достаточно хорошо обрисованы Г. Е. Грумм-Гржимайло (1933), выводы которого пытались оспаривать Л. С. Берг (1947). Это полемика заслуживает того, чтобы на ней остановить наше внимание.

5. Л. С. Берг указывал, что мелкозем степей и пустынь при малейшем увлажнении покрывается буйной растительностью, и не считал возможным говорить о прогрессивном усыхании. Приписывая несомненные факты превращения культурных земель в пустыни деятельности человека. Однако деятельность человека в период великого тюркского каганата, несмотря на почти постоянные войны, отнюдь не повлияла отрицательно на расцвет кочевого скотоводства великой stepи и оазисных культур бассейна Тарима и Среднеазиатского Междуречья.

Любопытно, что этот период расцвета совпадает с периодом низкого стояния Каспия на отметке минус 32 м. Когда же в X веке произошло очередное поднятие уровня Каспийского моря, связанное, согласно нашей концепции, с перемещением увлажнения в гумидную зону,³ то мы снова видим выселение кочевых племен из современной территории Казахстана на юг и на запад. Курлуки в середине X века из Прибалхашья переселяются в Фергану, Кашгар и современный южный Таджикистан (Б. Х. Кармышева, 1960). Печенеги покидают берега Аральского моря еще в начале X века и уходят в южное Поднепровье; за ними следуют торки или гузы, распространяющиеся между Волгой и Уралом. Это выселение не очень большого масштаба, но оно показательно своим совпадением с также небольшим изменением уровня Каспия, что подтверждает правильность принятой нами гипотезы. Нет оснований связывать эти передвижения с крупными политическими событиями, потому что в то же самое время на территории восточной Монголии,

лежащей за пределами действия атлантических циклонов, история уйголов имела совсем иной оборот.

В середине IX века енисейские кыргызы разгромили Уйгурское ханство. Жестокая война повела к обезлюдению Центральной Монголии. Но как только кидани заставили кыргызов отступить обратно за Саяны, Монголия быстро заселилась татарами, керайтами, найманами и другими монгольскими племенами. Богатая зеленая степь привлекла к себе людей и не превратилась в пустыню, несмотря на кровопролитнейшую войну.

В начале XIII века в Монголии было много островов леса, и юный Темучин, впоследствии ставший Чингиз-ханом, прятался в них от врагов. Чащи эти были столь густы, что пробраться внутрь их можно было лишь по тропинкам, известным только местным жителям. Ныне в Монголии столь буйной растительности нет.

На китайской карте уже Танской эпохи, составленной в IX веке, Балхаш показан большим озером с контурами, напоминающими впадину бассейна Балхаш-Алакуль (К. В. Курдюмов, 1951, стр. 129). Об этом озере папский посол Плано Карпини (Путешествие в Восточные страны, 1957, стр. 218) писал, что когда он ехал в Монголию, в ставку великого хана Мангу, то дорога в течение 7 дней шла вдоль моря. Мы не беремся утверждать, что Балхаш и Алакуль в то время сливались, но факт трансгрессии Балхаша несомненен. Реки Сары-су и Чу, в настоящее время теряющиеся в песках, в IX веке образовывали обширные озера (китайская карта эпохи Тан, Н. Я. Бичурин, 1953).

Подъем моря в X веке до отметки минус 29 м был не последним. Гораздо более губительным для береговых культур был подъем к началу XIV века, когда по словам итальянского географа Марино Сануто (1320 год), “море каждый год прибывает на одну ладонь и уже многие хорошие города уничтожены” (Л. С. Берг, 1949, стр. 220). Неджати сообщает, что уже около 1304 г. порт Абескун был затоплен и поглощен морем (Б. Дорн, 1875, стр. 8). Казвини в 1339 г. также отмечает подъем уровня Каспийского моря, объясняя это тем, что Аму-Дарья, изменив свое течение, стала впадать в Каспий, в связи с чем “по необходимости вода затопила часть материка для уравнения прихода и расхода” (В. В. Бартольд, 1897, стр. 6). Нет сомнения в том, что в конце XIII века уровень Каспийского моря поднимался; но Л. С. Берг сомневается, чтобы он превысил аналогичные, по его мнению, поднятия уровня в XVIII веке, т.е. до отметки минус 23,0 м (Л. С. Берг, 1949, стр. 221, 267).

Однако, по словам арабского географа Бакуи, в 1400 г. Каспийское море затопило часть Баку и вода стояла у мечети, т.е. на отметке минус 20,72 м, что Б. А. Аполлов считает маловероятным (Б. А. Аполлов, 1956, стр. 225—226).

Но наши полевые исследования позволяют считать, что в этот период Каспийское море достигало отметки минус 19 м. Изучение поверхности Прикаспийской низменности показывает, что тюркская кочевническая керамика VII—XII вв. часто обнаруживается в котловинах выдувания по древним тропам у колодцев, но она никогда не была найдена ниже абсолютной отметки минус 19 м. Это объясняется тем, что ниже указанной отметки она перекрыта донными морскими отложениями. Вместе с тем сам Л. С. Берг отмечает, что осадки с каспийскими моллюсками *Gardium edule* L. доходят до отметки минус 20,7 м. Этот уровень он датирует более ранним временем, чем трансгрессия XIII века (Л. С. Берг, 1949, стр. 268). Полученные нами данные позволяют приурочить уровень на отметке минус 19 м именно к XIII веку. Подобно тому, как раковины *Gardium edule* показывают подъем воды, керамика тюркского времени отмечает береговую линию конца XIII века, ниже которой она не может быть обнаружена на поверхности почвы, так как ее перекрывают либо пойменные, либо морские отложения.

Наши археологические работы 1961—1963 гг. подтвердили это предположение. Все открытые нами хазарские памятники группируются в центральной части дельты, между Сумницей Широкой и Старой Волгой. Наиболее населенной была южная часть современной центральной дельты, где нами проведены раскопки на бэровских буграх Степана Разина, Казенном, Корне и Барапьем, в районах Зеленгирском и Тузуклевском. Хазарская керамика, как гончарная, так и лепная, находит аналогии в керамике восточного Кавказа. Но самым веским доказательством является находка поселения раннехазарского времени на расстоянии 15 км от берега, в Иголкинском банке. В выкидах при углублении фарватера, на мелководье нами найдена лепная окатанная волнами керамика, сходная с хазарской, и кости животных. Абсолютная отметка слоя, откуда брался выкид — минус 29,6 м. Поскольку поселение располагалось на ровной местности, то, при наличии ветровых нагонов высотой до 2 м, надо считать уровень Каспийского моря во время жизни этого поселения равным минус 32 м, что соответствует VI в.

Итак, большая часть средневековой Хазарии до сих пор находится под водой, а меньшая была затоплена во время трансгрессии XIII—XIV вв. Только наличие бэровских бугров помогло найти материальные памятники культуры “прикаспийских Нидерландов”.

Неоднократно предполагалось, что походы монголов в XIII веке были вызваны нехваткой пастищных угодий. Это ставилось в связь с предполагаемым прогрессивным усыханием Центральной Азии (см. К. К. - Марков, 1961). Против этой концепции выступил Л. С. Берг (1947), и в целом он был прав, так как начало XIII века является кульминационной точкой увлажнения Центральной Азии. Как указал еще Г. Е. Грумм-Гржимайло (1926, 1933), характер походов Чингиз-хана и его преемни-

ков не имел ничего общего со стихийным выселением из засушливых районов, которые мы описывали выше для эпохи III и X веков. Здесь мы видели организованные походы немногочисленных, но великолепно обученных войсковых соединений. Монгольские ханы XIII века решали внешнеполитические задачи военным путем, и именно изобилие скота и людей давало им средства для решения этих задач. Количество монголов, выселившихся в завоеванные земли, было ничтожно. Например, хан Батый из общего числа войск в 200 000 человек имел монголов только 4 000. В Восточном Иране для занятия ключевой позиции между Балхом и Гератом была послана 1 000, потомки которых до сих пор носят название хезарейцы от персидского слова хезар, что значит тысяча. Военные поселения в южном Китае были также численно ничтожны (В. С. Стариakov, 1961). Подавляющее большинство монгольских воинов вернулось на свою родину. Это доказывает, что усыхание степей не имело никакого отношения к войнам XIII века.

Колоссальный подъем уровня Каспийского моря в конце XIII века был связан, по нашим представлениям, с перемещением зоны максимального увлажнения с Тянь-Шаня на Среднюю Волгу. Оптимальные климатические условия в аридной зоне должны были смениться на песчаные. Действительно, к началу XIV века монгольское кочевое хозяйство переживает острый кризис. Военные возможности монгольских ханов династии Юань резко сокращаются. К 70-м годам XIV века китайцы сбрасывают монгольское иго и у монгольских ханов не оказывается ни сил, ни средств для сопротивления. Наши соображения подтверждают исследования И. Е. Бучинского (1954, стр. 82, 83), который отмечает на территории тогдашней России с XIV века учащающиеся грозы, дожди, наводнения и прочие явления, связанные с усилением циклонической деятельности.

6. Путь циклонов продолжал смещаться на север. Это было сопряжено с более обильным накоплением осадков в Альпах, в Гренландии, что вызвало наступательное движение ледников (А. В. Шнитников, 1957, стр. 272, 280). Максимум осадков стал выпадать севернее водосбора Волги, что обусловило резкое понижение уровня Каспийского моря. Так, например, на картах 1500 г. помещен остров Чечень, высшая отметка которого минус 23,83 м (Б. А. Аполлов, 1956, стр. 227). Уровень продолжал падать свыше 60 лет. В 1558 г. английский путешественник А. Дженинсон (1937) дал определение широты новой Астрахани и устья судоходного притока Волги. Широта Астрахани по современным изменениям не совпадает с измерениями Дженинсона на 46 градусов, что можно объяснить неточностью его приборов. Очевидно, та же ошибка фигурирует и при втором измерении. Следовательно, относительная разница измеренных двух точек по расстоянию и по долготе правильна, т.е. край дельты в 1558 году отстоял от новой Астрахани на 75,6 км по меридиа-

ну. В настоящее время на этой широте море глубиной около 1 м. Значит, уровень моря в то время был на абсолютной отметке минус 29,0 м.

Близкая отметка установлена нами по положению башни шаха Аббаса, пристроенной к дербентской стене в 1587 г., когда уровень моря понизился. По этому поводу Б. А. Аполлов (1951, стр. 138) пишет: “В то время шедший однажды с севера караван остановился у стены на ночлег, чтобы утром, когда откроют ворота, идти дальше через город. Однако утром привратники убедились, что каравана нет, верблюды обошли стену в воде. После этого Аббас I приказал соорудить в море, там, где глубины достаточно, чтобы их не могли пройти верблюды, большую башню и соединить ее с берегом стеной”.

Остатки этой башни обнаружены нами на современном урезе воды на отметке минус 28 м в виде стены, перпендикулярной основной дербентской стене. Цоколь ее состоит из больших тесаных камней, уложенных непосредственно на скальном дне моря, на отметке минус 28,5 м. Очевидно, башня шаха Аббаса была надстроена на кладке сасанидского времени. Поэтому уровень моря в период надстройки башни может быть принят не выше современного. Сам Б. А. Аполлов принял за остатки башни большой развал дербентской стены на абсолютной отметке минус 31,2 м (Б. А. Аполлов, 1951, стр. 138). При обследовании этого места в аквалахах мы убедились по характеру кладки, что это не башня XVI века, а развал стены VI века. Итак, для 1587 г. мы устанавливаем абсолютную отметку уровня Каспийского моря около минус 28,0 м.

Очевидно, за истекшие со времени путешествия А.Дженкинсона 30 лет море поднялось на 1 м и продолжало подниматься дальше, так как в 1623 г. московский купец Федор Афанасьевич Котов писал: “Сказывают того города (Дербента) море взяло башен с тридцать, а теперь башня в воде велика и крепка” (Б. А. Аполлов, 1951, стр. 138). Эти данные указывают на эпизодичность понижения Каспия в XVI веке и, следовательно, обратного смещения пути циклонов к югу, в бассейн Волги.

Наши данные подтверждаются тем, что на рубеже XV—XVI вв. часть Аму-Дары стекала по Узбою. В это время Сарыкамышская впадина была наполнена водой и по берегам образовавшегося пресного озера цвели многочисленные туркменские поселения с орошаемыми угодьями (С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко, 1954; А. С. Кесь, 1957; В. - Г. Рихтер, С. К. Самсонов, 1961). Многоводье Аму-Дары находит объяснение в том, что при северном направлении циклонов возникает небольшое ответвление потоков влажных масс воздуха, так называемая северо-иранская ветвь циклонов. Она питает истоки Аму-Дары и делает ее более многоводной, но не влияет на общее климатическое состояние аридной зоны, которая в XVI веке продолжала усыхать.

Вот тут мы видим, как кочевники снова покидают родные степи и выселяются на окраины: монголы — в Тибет, узбеки — в Мавераннахр, калмыки — на нижнюю Волгу (Г. Е. Грумм-Гржимайло, 1933). Теперь уже нет организованных походов, направлявшихся железной рукой хана; теперь переселяются племена со своими вождями в поисках пастищ и водопоев для скота. Только благодаря этому России удалось установить дружеские отношения с пришедшими в 1605 г. калмыками, стремившимися не к завоеванию, а к мирному сосуществованию. Это усыхание было началом конца срединно-азийской кочевой культуры, так как циклоны в XVIII и XIX вв. приносили влагу в гумидную зону⁴, а к XX в. переместились в арктическую. Уровень Каспия снова стал понижаться и снова поднялся уровень Аральского моря (Л. С. Берг, 1951, стр. 67), очевидно, за счет северо-иранской ветви циклонов, но центрально-азиатские степи постепенно превращались в пустыню.

В эту эпоху только из-за недостатка воды были покинуты такие крупные города, как Харо-Хото и целый ряд оазисов Восточного Туркестана (Г. Е. Грумм-Гржимайло, 1933). Богатые охотничьи угодья на склонах Монгольского Алтая превратились в безлюдные пустыни, казахские озера в низовьях рек Сары-Су и Чу высохли, а стада кочевников в Монголии и Джунгарии сократились.

В свете результатов проведенных нами археологических исследований в низовьях Волги представляет особый интерес новейшая геологическая история жизни Каспийского моря. В послехвалынское время новокаспийская морская равнина, примыкающая с востока и с запада к дельте реки Волги, служит тем основанием, на которое ложатся современные отложения Волги. К северу от дельты, вверх по течению реки, дельтовые протоки врезаются в новокаспийские морские осадки, так же как они врезаются еще выше по течению в более древние верхне- и нижнехвалынские отложения.

Изучение пойменных отложений Волги и Ахтубы, а также обнаруживаемой в них датируемой керамики позволяет детализировать стратиграфию новейших каспийских отложений.

В качестве примера ниже приводится разрез отложений Волго-Ахтубинской поймы в районе селения Селитряного.

1. Современный пойменный аллювий — темный гумусированный наилок современных паводков. В основании слоя обнаружены черепки татарского периода XIII—XIV вв. Мощность слоя 0,8 м.

2. Древний пойменный аллювий, в верхней части с погребенным гумусовым слоем. Мощность слоя 0,6 м.

3. Пойменный аллювий, состоящий из тонкой супеси. В основании слоя обнаружены черепки тюркского периода VII—XI вв. Мощность слоя от 0,2 до 0,8 м.

4. Русловый аллювий, состоящий из тонкого серого песка. Мощность видимая 0,7 м.

5. Пойменная фация древнего аллювия, состоящая из более грубой супеси, чем пойменный аллювий слоя 3. Мощность слоя 1,2 м.

6. Русловый аллювий, состоящий из мелкого серого песка. Мощность видимая 1,0 м.

Хронологические данные приведенного выше разреза пойменных отложений позволяют сопоставить современный пойменный аллювий слоя первого с современной береговой линией Каспийского моря. В основании этого слоя обнаружена керамика XIII—XIV вв., следовательно, этот слой образовался за последние 500—600 лет.

Слой второй перекрывает отложения слоя третьего и содержит значительно больше гумуса. Поэтому мы сопоставляем его с наиболее высоким уровнем Каспийского моря, который достигал абсолютной отметки минус 19 м. На этих отметках прослеживается на северном побережье Каспийского моря береговая линия, ниже которой отсутствует тюркская керамика VII—XI вв. Морские отложения этой трансгрессии налегают на курганы на протоке Бушма.

Слои третий и четвертый приведенного выше разреза относятся нами к периоду низкого стояния Каспия, т.е. ко времени расцвета Хазарского каганата. Эти слои сопоставляются с уровнем Каспийского моря минус 32 м.

Слои пятый и шестой нами относятся к периоду, отличающемуся от предшествовавшего времени низкого стояния уровня Каспийского моря более высоким уровнем, и сопоставляются со слабо выраженной береговой линией моря, расположенной на отметке минус 25 м. Этот период, очевидно, следует датировать доисторическим временем.

Итак, мы видим, что исторические сведения и археологические находки позволяют внести в четвертичную геологию абсолютные датировки, недостижимые никакими другими методами. Это безусловно имеет значение для изучения вопросов неотектоники и скоростей современных геологических процессов.

Раскрытие исторических и физико-географических законов и их взаимосвязей позволяет, с одной стороны, по-новому рассмотреть многие исторические события, и, с другой — установить степень влияния на эти события географической среды. Примененный нами метод исторических исследований в сочетании с методом пространственного географического анализа природных условий, раскрытие взаимосвязей этих двух естественно-исторических комплексов позволили рассмотреть развитие кочевых народов Евразии на фоне естественной природной обстановки и различить политический характер исторических событий от событий, связанных с изменениями физико-географических условий.

Рассмотрение исторических фактов в указанном аспекте показывает, что географическая среда, определяющая естественную обстановку, играла колоссальную роль в ходе исторического развития народов лесостепной зоны Евразийского континента и иногда являлась решающим фактором в судьбе могущественных государств. Иной раз таланты и могущество правителей не могли спасти от гибели их народы, а в других случаях заурядные ханы оказывались в силах поддержать могущество своих орд. Конечно, таланты и мужество вождей при прочих равных условиях имели большое значение, но судьбы народов лесостепной зоны Евразии решали дожди и зеленая трава.⁵

* * *

По техническим причинам некоторые рисунки, имеющиеся в оригинале, в данном издании не приводятся (*Ред.*).

Примечания

- 1 Номер параллели отсутствует в издании. Это, очевидно, 46 или 480.
- 2 Ниже он предполагает, что в конце VI в. уровень находился на высотах порядка минус 25 м, ссылаясь на Б. А. Аполова (1956, стр. 218), установившего абсолютную отметку дербентских каменоломен. Б. А. Аполов допустил, что каменоломни находились на урезе воды, но это произвольно и не точно. Наши наблюдения в Дербенте в 1961 г. показывают, что уровень Каспия не поднялся к концу VI века выше отметки минус 32 м — минус 33 м. Эта отметка установлена нами при исследовании подводной части Дербентской стены путем водолазных работ с применением аквалангов.
- 3 Антевс, Хентингтон и Джонс отметили в 1000 г. значительное увеличение атмосферных осадков (Б. А. Аполов, 1956, стр. 219). Это относится к гумидной зоне.
- 4 В XVIII веке отмечено еще одно поднятие уровня, которое А. В. Вознесенский приравнивает к абсолютной отметке — 17,6 м. Однако Л. С. Берг, разобрав сведения Татищева, доказал, что высота подъема была лишь 23,7 м (там же, стр. 250—253) и, следовательно, эта трансгрессия не могла иметь значения для нашей темы, тем более, что она продолжалась всего два года — с 1742 по 1744 гг.
- 5 Абросов В. Н. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон. Известия ВГО, № 4, 1962.

Литература

- Аполов Б. А. Доказательство прошлых низких стояний уровня Каспийского моря. Вопросы географии, Москва, 1951.
- Аполов Б. А. Колебания уровня Каспийского моря. Труды Института океанологии. Т. XV, М., 1956.
- Бартольд В. В. Хафизи-Абру и его сочинения. Сб. статей учеников проф. Розена. СПб, 1897.
- Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях р. Аму-Дары с древнейших времен до XVII века. Научн. результаты Аральской экспедиции, вып. 2, Изв. Туркест. отд. Русск. Геогр. Об-ва, т. IV, 1902.
- Берг Л. С. Аральское море, СПб, 1908.
- Берг Л. С. Климат и жизнь, М., 1947.
- Берг Л. С. Очерки по физической географии. М.-Л., 1949.
- Берг Л. С. Беседа со студентами географического факультета Московского университета. Вопросы геогр., сб. 24, М., 1951.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III, М.-Л., 1953.

- Бучинский И. Е. Очерки климата русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954.
- Визе В. Ю. Климат морей современной Арктики. М.-Л., 1940.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий за исторический период. Изв. РГО, 1933.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II, Л., 1926.
- Гумилев Л. Н. Терракотовые фигурки обезьян из Хотана. Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XVI, Л., 1959.
- Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
- Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа. Сб.“Страны и народы Востока”, т. II, М., 1961.
- Гумилев Л. Н. Хазарское захоронение и место Итиля. Сообщ. Гос. Эрмитажа, т. XXII, 1962.
- Дебец Г. Ф. Палеантропология СССР, М., 1948.
- Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. Англ. путешеств. в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
- Дорн Б. Каспий. О походе древних русских в Табаристан. СПб, Приложение № 1 к Запискам АН, т. 26, 1875.
- Иордан. О происхождении и действиях гетов. Перев. с латинского и комментарии Е. Ч. Скргинской. М., 1960.
- Кармышева Б. Х. Этнографическая группа “турки” в составе узбеков. “Сов. этногр.”, № 1, 1960.
- Кесь А. С. К вопросу о верхней четвертичной истории системы Аму-Дарья — Сарыкамыш — Узбой. Тр. по изучению четвертичного периода, т. XIII, 1957.
- Курдюмов К. В. О колебаниях озера Алакуль (в историческом и геологическом прошлом). Вопр. геогр., сб. 24, М., 1951. Лоция Каспийского моря. 1959.
- Марков К. К. Высыхает ли Средняя и Центральная Азия? Вопр. геогр., сб. 24, 1951.
- Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика, М., 1952.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957.
- Рихтер В. Г. Донные отложения залива Кара-Богаз-Гол как индикатор колебаний уровня Каспийского моря. Бюллетень Моск. Об-ва исп. Природы. Отд. геологии, т. XXXVI(I), 1961.
- Рихтер В. Г., Самсонов С. К. К последним страницам геологической истории Каспия. Изв. АН СССР. Серия географическая, № 6, М., 1961.
- Стариков В. С. Монголы в Юннани. Матер. по этнографии, I, Л., 1961.
- Толстов С. П., Кесь А. С., Жданко Т. А. История Сарыкамышского озера в средние века. Изв. АН СССР, сб. географ., № 1. 1954.
- Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953.
- Шнитников А. В. Ритм Каспия в поствюorre. Докл. АН СССР, т. 94. № 4. 1954.
- Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. Зап. геогр. об-ва СССР, т. XVI. Новая серия. М.-Л., 1957.

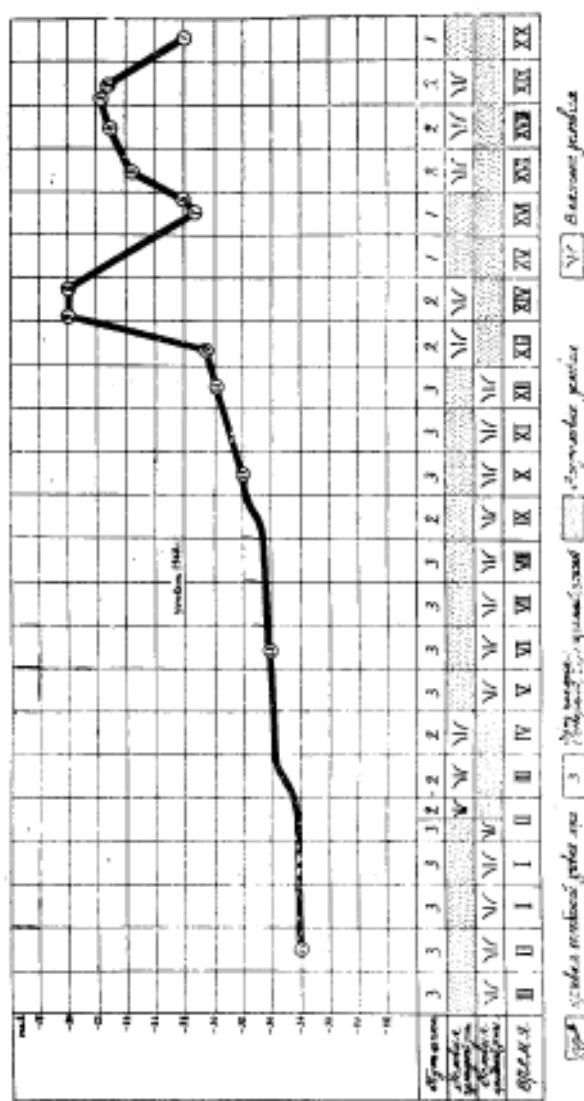

FIG. 1.

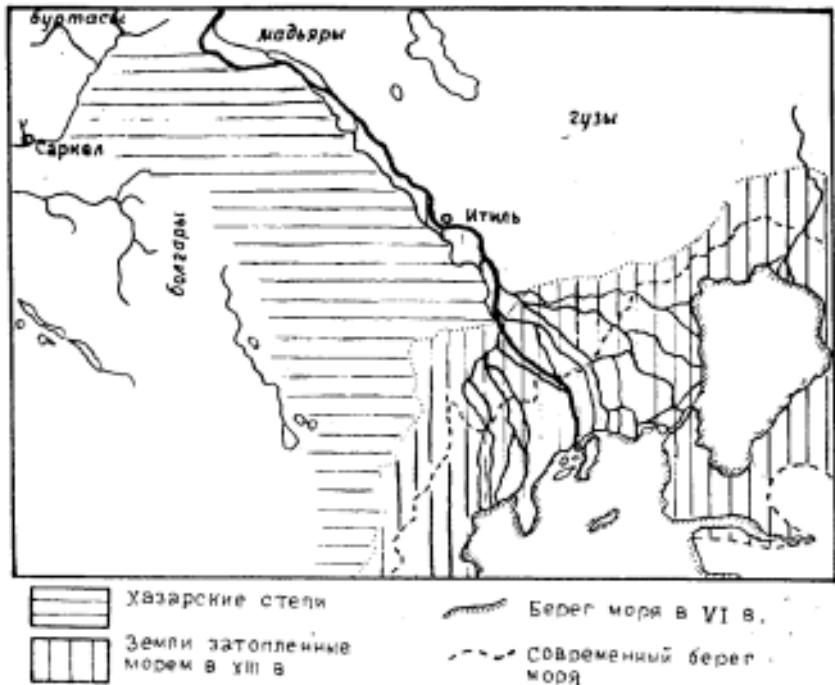

Рис. 2. Карта Волжской Хазарии VI—XI вв.

Л. Р. Кызласов

Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы

Существо и смысл исторических событий наука выясняет с помощью первоисточников: письменных, археологических, этнографических и других. Для ранней истории тюркоязычных народов из письменных источников наиболее важны: прямые (внутренние), оставленные самими тюрками и косвенные (внешние), составленные обитателями других стран, близко общавшимися с тюркоязычными племенами. Прямыми источниками являются памятники, написанные древнетюркскими руническими письменами,¹ а также — на используемых тюрками международных письменностях (согдийской, арабской, персидской, сирийской, китайской и других). Из косвенных источников важны: китайские династийные хроники,² арабские и персидские географические сочинения, сведения сирийских и византийских писателей и историков. Продуктивность научного подхода создает возможность изучения древнейшего периода в истории тюркоязычных народов и в то числе такого явления, как Первый Тюркский каганат. Это государство впервые объединило в середине VI века все племена и народности, населявшую Великую степь Евразийского материка. Образование древнетюркского государства, на просторах от китайской стены до Черного моря и от Аму-Дарьи до верховий Ишима, привело также впервые к широкому распространению по Евразии тюркской речи.³

Важнейшим результатом столь высокой исторической активности алтайских тюрок в VI—VII вв. является общеизвестный факт — после Первого Тюркского каганата в Евразийской степи и на смежных с нею горных и равнинных землях неизменно возникали многие государства, возглавлявшиеся тюркскими народами. Можно сказать, что этническая карта расселения современных тюркоязычных народов (исключая Турцию) сложилась под мощным воздействием этнических процессов, впервые возникших внутри населения Первого Тюркского каганата.

Совокупность известных ныне источников свидетельствует, что в раннем средневековье тюркоязычный мир был почти таким же ярким, культурно многообразным и антропологически очень разнородным, каковым он предстает перед нами и в настоящее время. Конечно, сравнение это достаточно условное, ибо временные изменения были весьма значительны. Ведь только глядя с европоцентристских позиций все древние тюркоязычные племена кажутся кочевыми, а их культуры — одинаковыми. Подменять терминами “древние тюроки” (“древнетюркская культура”, “древнетюркское время”) самоназвания всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур ненаучно. Древние тюроки — это та этническая группа, которая сама себя в VI—

VII вв. называла тюрк (“тюрк бодун”), и только культуру этого народа следует называть древнетюркской, а время существования Первого и Второго Тюркских каганатов в VI—VIII вв. — древнетюркским временем. На самом деле, древние тюркоязычные племена и их языки существовали задолго до начала VI в., когда на страницах истории впервые появилась небольшая этническая группа, называвшая себя “тюрк”. Судя по письменным источникам, группа эта в V и в начале VI вв. обитала на Южном Алтае.

Следовательно, можно полагать, что наиболее древние тюркоязычные племена и народности скифского и гунно-сарматского времени (VII в. до н.э. — IV в. н.э.) тюрками себя не называли и едва ли знали это имя. Археологам предположительно известно, что в гунно-сарматское время, около рубежа н.э., тюркоязычными были этнические общности, имевшие различное происхождение, разный антропологический состав и своеобразные археологические культуры, с характеристиками, значительно, отличающимися друг от друга. Существовали конкретные тюркоязычные этнические группы и народности, взаимодействующие как между собою, так и с другими соседними иноязычными этносами. Происходили процессы схождения (ассимиляции и диффузии) и процессы расхождения (“отпочкования” и далекие миграции). Предугадать или предвидеть этнические процессы невозможно, но вполне возможно фиксировать их направленность и объяснить их.

Но гунны, например, вторгнувшиеся в Европу за 200 лет до тюрков, не были, как оказалось, ни тюрками, ни монголами. Как ныне установлено известным алтайистом и тюркологом Г. Дёрфером, гунны говорили на языке вымершей языковой семьи,⁴ также, впрочем, как и последовавшие за ними в Европу авары (авары или обры).

Историкам известно также, что средневековые тюркоязычные народности и племена: уйгуры, азы, чики, кыргызы-хакасы, кимаки-йемеки, карлуки, кыпчаки, татары, курыканы, ягма и другие — тюрками себя не называли. Они имели различное происхождение, разные языки, наречия и диалекты внутри тюркской языковой семьи. Им были присущи значительные различия, как в социально-экономическом развитии, так и в материальной культуре. Только при взгляде со стороны, в арабской географической литературе IX—X вв. слово “тюрк” появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства, как в орхонских надписях и китайских летописях. В особенности отмечаются (Истархи, 9) пять народов, которые говорили на одном языке и могли понимать друг друга: тугузгузы, хирхизы (киргизы), кимаки, гуззы, т.е. огузы, и харлухи, т.е. карлуки.

Только высокообразованные уйгурские авторы VIII—XIII вв. называли не себя, а письменный язык своих сочинений тюркским (ты́ккид, ты́рк тилинид).⁵ Но это объясняется тем, что уйгуры бережно сохраняли высоко-

культурный стиль авторов — создателей литературного (мы бы сейчас сказали: “каганского” аристократического) языка Второго Восточно-тюркского каганата (682—745 гг.). Этот выработанный, древний тюркский письменный стиль, через каганат караханидов, был затем передан и сохранен до так называемой чагатайской письменности, которая по тем же причинам продолжала называться по древнему — “тюрки”.

Здесь же следует сказать, что термин “тюрк” в эпоху Тюркских каганатов, продолжая сохранять этническое значение (“тюрк бодун”), одновременно стал политическим и географическим (“Тюристан”) термином. После крушения древнетюркского государства этническая группа с именем “тюрк” сохраняла и свои погребальные обычаи (трупоположения с конем) и свое имя. По сообщению китайских хроник, “они удерживали свое имя” и “томились” под властью уйгуров. В середине X в. о тугю (турках — Л.К.) сообщают путешественник Ху Цяо и придворная хроника, которая добавляет, что “к этому времени тугю были крайне слабы”.⁶ Фахрэддин Мубаракшах, в начале XIII в., также выделяет особое племя, называвшее себя “тюрк”.⁷

Не исключено, что термин “тюрк” сохранил свое этническое значение у каких-то осколков “тюрк бодуна” до современности. Возможно, это этнические группы “тюрк”, до сих пор проживающие в Средней Азии.⁸ Вопрос о вторичном заимствовании этнонима “тюрк” — “тюрклер” азербайджанцами и турками должен быть рассмотрен особо.

Возвращаясь к названным выше средневековым тюркоязычным народностям, заметим, что антропологический тип их представителей также был далеко не однороден. Подчеркивая общее преобладание европеоидности в физическом типе ранних тюрок в эпоху Первого Тюркского каганата, следует сказать, что в восточной части Евразийской степи, — этой общей колыбели многих народов, известны ученым и смешанные, метисные типы населения. Это, так называемые, уральский и южносибирский типы. Но в эту эпоху среди тюркоязычных народов совсем не было еще чистых монголоидов.

Археологам известны определенные различия в верованиях, а следовательно, и в погребальных сооружениях средневековых тюркоязычных народов. Например, нет ничего общего между кыргызско-хакасскими чаатасами VI—IX вв., уйгурскими захоронениями в катакомбах под земляными курганами, курыканскими каменными “шатрами”, чикскими одиночными трупоположениями в ямах под округлыми каменными курганами и древнетюркскими погребениями по обряду трупоположения с конем под каменными насыпями.⁹ Зато общим для тюркоязычных народностей с III в. до н.э. (и, особенно, в VI—XII вв.) является наличие особых поминальных памятников. В то же время, поминальники разных племен отчетливо различались друг от друга особенностями и деталями их устройства. Для древних тюрков VI—VII вв. характер-

ны квадратные оградки, от которых на восток отходит ряд, состоящий из изваяния умершего и предстоящих каменных столбиков-балбалов (“по числу убитых врагов”). Эпитафий не было — государственным письмом являлось согдийское.

Полученные наукой данные не позволяют ныне соглашаться с голословными утверждениями некоторых авторов об “единой древнетюркской культуре”, о “древнетюркском едином обществе, как национально целом” или, даже “о древнейшем тюркском народе на берегах Орхона и Енисея в VI—VIII вв.”¹⁰

Как сложился Первый Тюркский каганат — нам известно по сведениям китайских хроник: Чжоушу (окончена в 629 г. и позднее дополнена из Бэйши), Суйшу (641—656 гг.) и Бэйши (659 г.). В IV — начале VI в. этническая группа “тюрк” (по кит. тугю или туцзюэ) находилась в подданстве каганата центральноазиатских жуаньжуаней (получивших в Европе имя аваров, у славян — обров, у самих тюрок — apar). Обитали первозванные “тюрки” на южном склоне Алтая и по основной своей производственной специализации были отнюдь не кочевниками-скотоводами, а оседлыми рудокопами-шахтерами, железоплавильщиками (на современном языке — металлургами) и кузнецами. Их производственная специализация была чрезвычайно дефицитной и выгодной в условиях Центральной Азии. Дело в том, что в этой области (занимаемой ныне Республикой Монголия) не было, как нет и теперь, месторождений железной и медной руды. Ближайшие месторождения имеются только на Саяно-Алтайском нагорье, где и до рубежа нашей эры уже обитали различные тюркоязычные этнические группы.

Отсюда ясно, что вся экономика и вооружение армий государства народа apar (по-китайски: жуаньжуаней), который владел в ту пору центральноазиатскими просторами, целиком зависела от производительности металлургов-тюрков, обитавших оседло прямо на рудных месторождениях Алтая. Поэтому дань с них aparы взымали железом и предметами, изготовленными из железа. Особое место занимало производство наступательного и оборонительного вооружения, а также конского снаряжения.

Тюрки, по рассказу византийского посла Зимарха, посетившего в 568 г. ставку кагана на Эктаг-Алтае, имели свои железные рудники и сырьедутные горны для плавки руды. Они широко торговали выплавленными железными крицами-полуфабрикатами, развозившимися в разные стороны. Предлагалось купить крицы и греческому послу.¹¹

По данным китайских источников, опубликовавших две легенды, записанных от древних тюрков, первоначально лишь 100 семейств называли себя именем “тюрк” (кит. тугю). 100 семейств — это около 500 душ. По второй легенде, только некоему Надулу-шаду, по избранию его вождем, люди дали титул “Тюрк”. Происходило это в общине рода, называвшего себя Ашина.

При правителе Бумыне (по кит. Тумынь) орда тюрков-металлургов усилилась и окрепла. В 533 г. тюрки-тугю впервые пришли на китайскую границу, чтобы купить хлопчатку и шелковые ткани. Так они вступили во взаимоотношения с Китаем и их имя тюрки (тугю) сразу было занесено в дворцовую хронику, т.е. впервые попало на страницы истории.

В 545 г. император династии Северная Чжоу отправил к тюркам посланником согдийца Аньнопанью. Хроника Суйшу рассказывает: “В орде начали поздравлять друг друга, говоря: ныне прибыл к нам посланник из великой державы: скоро и наше государство возвысится”.¹² Бумын в ответ в 546 г. отправил в Китай послов со своими дарами. Так появилась международное признание.

В это время мимо их орды шли войною на притеснителей апarov (жуаньжуаней) отряды взбунтовавшегося другого тюркоязычного племени по имени “телэ”, числом свыше 50 000 кибиток. Бумын своим войском сумел остановить их и присоединил орду телэ к своему войску и народу. После этого, “полагаясь на свою силу и многочисленность, он просил брака у жужаньского государя. Но тот послал нарочного с таким ругательным ответом: “Ты, мой плавильщик! Как же осмелился сделать такое предложение?” Тогда смелый Бумын попросил брака у Западного Дома Вэй и получил согласие. В 551 г. женился на китайской царевне Чан-лэ.

В начале 552 г. Бумын разгромил в бою основные силы апarov-жуаньжуаней. Их каган Анахуань покончил самоубийством, а народ стал разбегаться в разные стороны. Большие отряды апarov-аваров бежали на запад и прошли по Причерноморью через Карпаты в Венгрию. Вся степь к северу от Аму-Дарьи, Тянь-Шаня и пустыни Алашань стала принадлежать тюркам. В том же 552 г. Бумын (Тумынь) возложил на себя титул Иль-кагана, а супругу свою возвел в достоинство Катун. По неписанным законам того времени, в Великой степи мог быть лишь один каган. Поэтому только после смерти кагана жуаньжуаней и, следовательно, после гибели жуаньжуаньского каганата, в 552 г. в Центральной Азии воцарился первый тюркский Бумын-каган и его Катун. Так возник и начал свою недолговременную, но славную, историю Первый Тюркский каганат (552—630 гг.). За двадцать пять лет первое государство тюрок, как мы уже говорили, достигло огромных размеров. По свидетельству историков династии Тан (Таншу, 1045—1060 гг.), третий тюркский Мухан-каган (553—572 гг.) “на западе разбил Иду (эфталитов — Л. К.), на востоке прогнал Кидань; на севере покорил Цигу (чиков Тувы — Л. К.), и привел в трепет все владения, лежащие за границею (т.е. от Великой китайской стены на север — Н. Я. Бичурин). С востока от Корейского залива на запад до Западного моря до 10 000 ли, с юга от Песчаной степи (пустыня Алашань — Л. К.) на север до Северного моря

(т.е. далеко за Байкал к Ледовитому океану — Н. Я. Бичурин), от пяти до шести тысяч ли, — все сие пространство земель находилось под его державою. Он сделался соперником Срединному царству (т.е. Китаю — Л. К.)”.¹³

Разгромив в Средней Азии мощное государство эфталитов, войска алтайских тюрков вошли в контакт с не менее могучей державой — Ираном, управляемым династией Сасанидов. Около 567 г. Иран и тюрки поделили по договору Среднюю Азию. Все земли от р. Аму-Дарьи к востоку и северу достались тюркам, а к западу и югу — отошли к Ирану.

Продолжая западный поход, в погоне за аварами, тюрки обогнули с Севера Каспийское море и вышли к Северному Кавказу.

Византийская империя, с владениями которой тюркские войска столкнулись в Причерноморье, была вынуждена в 576 г. сдать им все прикаспийские и крымские города бывшего Боспорского царства.

576 г. является бесспорной датой первого появления тюркоязычной речи и ее носителей в Восточной Европе.¹⁴ Встречающиеся поныне в литературе ошибочные мнения о более ранней датировке этого явления чаще всего основаны на желательных предположениях, а не на твердых фактах, установленных наукой. Не все еще, к сожалению, осведомлены и убеждены в том, что гунны, как и северо-кавказские племена, не владели тюркской речью, но дело обстояло именно так.

В создании Первого Тюркского каганата участвовали, конечно, не только сравнительно немногочисленные его инициаторы из этнической группы алтайских тюрок, но уже с 546 г. и тюркоязычная народность телэ (50 000 кибиток-семейств, по 5 душ в каждом, составляют около 250 000 человек). О телэ в хронике Таншу сказано : “Тукюэцы (т.е. тюрки — Л. К.) их силами геройствовали в пустынях севера”. А затем, по мере расширения территории каганата, государство, как снежный ком, обрастало новыми тюркоязычными и иноязычными племенами, расселявшимися по евразийским степям. Одними из первых (по данным Чжоушу) в 554—554 гг. тот же Мухан-каган, после разгрома эфталитов (иду) в Средней Азии и отгона на восток киданей, “на севере покорил Цигу”, т.е. владение тюркоязычных чиков, обитавших в Тувинской котловине (по второй древнетюркской легенде это были ближайшие родственники алтайских тюрков — тугю). Из других сородичей тугю важно отметить “ку-кижи” — “лебединцев”, потомки которых поныне живут в долине р. Лебедь на Северном Алтае. С Алтая же вышли и такие активные строители Первого каганата, как тюркоязычные тюргеши и карлуки. Впоследствии, в VII и VIII вв., они создали свои государства на территории Семиречья.

Самоназвание “тюрк”, употреблявшееся в начале VI века небольшой (“сто семейств”) алтайской этнической группой, уже в середине VI в. преобразовалось в политический термин, который стал известен почти всему населению Евразии. Мы не должны ставить в прямую связь со

слагавшимся в Первом Тюркском каганате “тюрок бодун’ом” все тюркоязычные народы раннего средневековья. Среди них находились этносы, возникшие в несравненно более раннее время, чем сама группа “тюрок”. К ним относились, например, телэ (или чилэ, из которых вышли уйгуры, дубо, курыкане, теленгиты, байырку и др.) и гянь-гуни (кыргызы). Те и другие описываются в ранних китайских хрониках (с конца III — начала II вв. до н.э.) как народы, обитавшие под властью центральноазиатских гуннов. По данным хроник, телэ (предки уйголов) и кыргызы (хакасы) имели свою древнюю историю и свои собственные генеалогические легенды, свидетельствующие, что в происхождении своем они “не принадлежат к породе волков” (т.е. тюрок — Л. К.).¹⁵

В 581 г. Первый Тюркский каганат разделился на Западный (от Алтая до Крыма) с центром в Семиречье и Восточный (от Алтая до Великой китайской стены) с центром на р. Орхоне. В 630 г. оба эти государства распались и на их землях возникли иные государства. Но это уже другие, последующие страницы истории тюркоязычных народов.

* * *

В VI в. тюрки из центра Азии впервые устремились на запад, в Европу, к славянству, к финно-уграм и к грекам. Их никто не гнал. Напротив — они сами гнали перед собою аваров. Это было время тюркских географических открытий. Сначала — открытия удивительного степного берега, новых могучих рек, огромных морей и вечных гор, затем — открытия новых обжитых стран, неведомых городов и неслыханных дотоле народов. Алайские тюрки всегда считали, что там, на дальнем западе, где каждый вечер садится солнце, расположен вход в потусторонний подземный мир. Поэтому их неутомимые степные лошадки в 70-х годах VI века так и не доскакали до крайних пределов земли. Войско тюрков остановилось в причерноморских степях, отпустив убегавших на запад аваров. Может быть, враги сами найдут там свою погибель?¹⁶

Значение Первого Тюркского каганата для истории современных народов России состоит, в первую очередь, в том, что это государство в течение 80 лет служило прямым огромным мостом, соединявшим далекие глубины Азии с Европой. Во-вторых, как уже говорилось, оно впервые вывело из Азии на Северный Кавказ, в Поволжье и Причерноморские степи, и закрепило там, передовой массив людей — носителей тюркской языковой семьи. В-третьих, вышедшие на арену европейской истории тюркские народности Южной Сибири и центральной Азии создали культурные оседлые государства, такие как Хазарский каганат, Волжскую Булгарию на Каме и Волге, и Болгарское ханство на Дунае. В-четвертых, став с VI в. полноправными участниками восточноевропейской экономической и политической жизни, европейские тюркоязычные народы в течение долгих 14 столетий постоянно укрепляли свое актив-

ное взаимодействие со славянскими, финноязычными, кавказскими, романскими и прибалтийскими языковыми общностями.

Тюркоязычные народы всеми обстоятельствами своего исторического пути доказали, что Восточная Европа неотделима от Азии. В настоящее время славяне и тюроки являются тем евразийским становым хребтом, который держит всю современную Россию от стран Балтики и до Тихого океана. Доднесь вместе.

Примечания

- 1 Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951; Кызласов И. Л. Рунические памятники евразийских степей. М., 1994.
- 2 Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. Ч. 1. С. 196—300; Ср.: Liu Mau-tsai. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Tyrken (Т'у-кье). I.-II.Buch. Wiesbaden, 1958.
- 3 Кызласов Л. Р. Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.) // Вестник МГУ . Сер. IX. Исторические науки. 1960. № 1; Он же. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 30—42; Он же. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 18—55; Он же. Древняя Тува. М., 1979. С. 121—145.
- 4 Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Gentral Asiatic Journal. Wiesbaden. 1973. Vol. XVII. No. 1; Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960; Он же. Древняя Тува. М., 1979. С. 79—120. Ср.: Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- 5 Тугушева Л. Ю. Орхено-туркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 117—118; Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 584.
- 6 Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 329; Liu Mau-tsai. Op.cit. Bd. 1. S. 261—262, 390, 439. Ср.: Кызласов Л. Р. Древняя Тува. С. 142.
- 7 См.: Умняков И. "История" Фахэрддина Мубаракшаха // ВДИ, 1938, № 7. С. 115.
- 8 См.: Ярхо А. И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934) // Антропологический журнал, 1936. № 1. С. 55 и 59; Кармышева Б. Х. Этнографическая группа "турк" в составе узбеков // СЭ , 1960, № 1 ; Она же. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 72—77, 165—173.
- 9 Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- 10 См.: Кызласов Л. Р. Древняя Тува. С. 140—145.
- 11 Византийские историки. Перевод с греческого Спиридона Дестуниса. СПб., 1861, с. 376.
- 12 Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. -Л., 1950. Т. 1. С. 220—228.
- 13 Бичурин Н. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 229.
- 14 Византийские историки. Перевод с греческого Спиридона Дестуниса. СПб., 1861, с. 422, 423.
- 15 Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 30—33.
- 16 Византийские историки. С. 419, 462.

С. А. Плетнева

Древние болгары в восточноевропейских степях

Страшным испытанием для народов и стран Европы было гуннское нашествие, обрушившееся на донские степи в 70-е годы IV в. В настоящее время не вызывает сомнения тезис о том, что гунны, пришедшие в Европу, не были единоэтничны. В их военизированные объединения входили разнозыячие азиатские этносы, в основном, безусловно, тюрко- и угрозычные. Гуннская волна, хлынувшая в Европу, стремительно затопила всю степь вплоть до Дунайской Паннонии. Среди различных племен, этносов, союзов, очевидно, были и тюркоязычные болгары. Однако, убедительные свидетельства об этом этносе на территории Восточной Европы начинают появляться на страницах письменных источников лишь с V и даже VI вв.

Прежде чем рассмотреть эти и следующие за ними сведения о восточноевропейских болгарах, попытаемся разобраться в тех сообщениях и их современных истолкованиях, которые относят время появления болгар на исторической арене к более раннему времени. Так, некоторые болгарские ученые усматривают имя болгар в форме “пу-ку” или “бу-гу” в китайских источниках от I в. до н.э. до VIII в. н.э., опираясь на то, что и в наши дни болгары в китайском языке определяются двумя близкими иероглифами: ба-го”, “бао-гу”.¹ Если допустить, что такое сопоставление возможно, мы должны признать, что болгарский этнос образовался очень рано и вместе с гуннами во II в. направился на запад, вторгнувшись в донские степи в 374 г.

Ссылаясь на данные так называемого Анонимного хронографа, составленного в 354 г., а также на весьма спорные сообщения армянского историка Моисея Хоренского, писавшего свой труд в V в., исследователи болгарской истории пишут о первом появлении болгар на Северном Кавказе во II или же в IV вв. н.э.² А. В. Гадло, вслед за М. И. Артамоновым, очень убедительно доказал, что события с упоминанием болгар, о которых рассказал Моисей Хоренский, на самом деле относятся к V в. н.э.³ В том же V в. болгары выделились активностью и боеспособностью среди гуннских орд на Дунае (рис. 1). Гунны тогда только начали осваивать Паннонию и, видимо, болгары немало способствовали этому процессу. По сообщению Павла Диакона — лангобардского историка VI в., они неожиданно напали на лангобардов, убили короля Агельмунда, взяли в плен его дочь. Сын Агельмунда пошел в поход на болгар, но те вновь наголову разбили его войско.⁴

В конце V в., после смерти Аттилы и гибели его обширной державы, в которую составной частью входили и болгары, они в качестве наемников императора Византии Зенона воевали с готами и были побеждены последними (481 г.) , а, спустя семь лет, они снова воевали с готами,

объединившись с гепидами. В конце V и начале VI вв. болгары вместе с другими народами (в том числе и славянами) неоднократно разоряли Балканский полуостров, а в 514—515 гг. приняли участие в византийской междуусобице на стороне Виталиана, мечтавшего захватить престол. Интересно, что в те годы, когда в Империи бурлила междуусобная склока, на Армению и Малоазийские владения Византии был направлен грабительский поход родственных болгарам савиров, также в свое время входивших в гуннский союз и осевших к началу VI в. в восточном Предкавказье (рис. 1). М. И. Артамонов считал, что это не случайное совпадение.⁵ Все племена и этносы бывшего гуннского объединения, несмотря на громадные расстояния, разделявшие их, связаны были между собой и поэтому Виталиан и его болгарские союзники обратились за помощью к далеким восточным “родственникам”. Те, естественно, охотно откликнулись на призыв ворваться в богатые провинции и пограбить их.

Далее, на протяжении всего VI в. болгары как отдельное самостоятельное соединение, кочевавшее в Подунавье, несколько раз упоминались в источниках. Под 569 г. Павел Диакон поместил рассказ о том, что лангобардский король Альбоин привел из Паннонии в Италию какую-то орду болгар, а в 597 г. о болгарах уже как о подданных аварского кагана, участвовавших в его борьбе с Византией, писал византийский историк VI в. Феофилакт Симокатта.⁶

С VI в. начинают упоминаться в источниках болгарские соединения и в Восточной Европе. Сирийский автор середины VI в. Захарий Ритор дважды в своем сочинении написал об этом “народе”, причем дал ему в разных разделах различные, как-будто противоречащие друг другу характеристики. Так, в первом отрывке он сообщил, что “за Каспийскими воротами”, т.е. на землях современного Дагестана, живут “бургары со (своим) языком, народ языческий и варварский, у них есть города...”, во втором — перечне племен “живущих в палатах и существующих мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием” — он помещает и “бургар”. Для нас интересен весь список этих варварских, очевидно, родственных племен: “аунгур, аугар, савир, бургар, кутраган, авар, хазар, дирмар, сиригур, баграсик, кулас, абдел и эфталит”.⁷ Все это союзы племен и этнообразования, входившие в гуннский союз и в V в. в империю Аттилы. В VI и VII вв. они разбрелись по всей восточно-европейской степи. Список их можно и расширить, пользуясь другими (византийскими и латиноязычными) источниками. Однако, нам важно не количество их, а в данном случае существенное отметить тот факт, что далеко не все они остались заметный след в истории. Многие исчезли, упомянутые в одном или двух сочинениях даже без каких-либо характеристик их быта, экономики и политических взаимодействий. Болгары являются наиболее часто упоминаемым объединением и это нам дает

право говорить о том, что они были одним из самых сильных этносов в гуннском союзе, особенно активизировавшемся после распада империи, возглавляемой Аттилой. Что касается поселений, которые Захарий Ритор счел возможным назвать городами, то были ли это города на самом деле, мы не знаем, т.к. археологи не могут ни одно из городищ восточного Предкавказья, датирующихся VI—VII вв., считать собственно болгарскими, но вполне возможно, что какая-то часть болгар за несколько десятилетий жизни в кавказских предгорьях успела под влиянием местного населения осесть на землю. Возможно и то, что болгары просто захватили и обложили данью несколько существовавших до них крупных укрепленных поселений, которые Захарий поэтому и назвал “бургарскими”. Последнее представляется мне более вероятным из-за второго отрывка, в котором Захарий Ритор говорит о бургарах как о явных кочевниках, у которых не было и не могло еще быть городов.

Писавший в том же VI в. Иордан сообщает, что болгары живут в Причерноморье: “...тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья (свершившиеся) по грехам нашим”.⁸ В этой фразе раздраженно говорится об “известности” болгар, которая достигалась, конечно, их воинственностью и агрессивностью. Следовательно и в Причерноморье обосновалось сильная, ведущая завоевательно-грабительскую политику группировка болгар, постоянно нападавшая на своих соседей, чаще всего, по-видимому, на крымских готов, что и вызвало раздражение готского историка Иордана.

Наряду с болгарами, в непосредственной близости с ними в Причерноморских и Приднепровских степях кочевали орды родственных племен, из которых особенно известными, благодаря своей организованности и воинственности, были кутригуры и утигуры.⁹ В настоящей статье, касающейся только собственно болгарской группировки, мы не будем подробно останавливаться на их характеристике, отметим только, что все они были тесно связаны друг с другом. Византийцы в своих сочинениях нередко путали их и в этой путанице у ряда авторов болгары вообще исчезли со страниц сочинений, в которых основными действующими этносами стали кутригуры и утигуры, хотя судя по дальнейшим событиям, произошедшим в степях Причерноморья и Приазовья, болгары обитали на прежних местах кочевания, сохранив собственное этническое имя.

Представляется весьма вероятным, что уже в середине VI в. началось медленное слияние всех степных группировок в единое целое.¹⁰ Однако, этот процесс этнообразования и политического объединения был прерван приходом в Причерноморские степи авар, с которыми кутригуры заключили военный союз против утигуров. Несмотря на близкое родство с последними, кутригуры, желая, видимо, получить политическое господство над соседними ордами утигуров, натравили авар на эти орды и те отобрали у них огромную добычу, захваченную утигурами в Визан-

тии (559 г.).¹¹ Авары в своем стремлении к границам богатой Византии увлекли на запад с собой и значительную часть кутригуртов. Туда же, вместе с недавними врагами хлынули и утигуры, или, как их именуют в других источниках — оногуры. Эти передвижения находят подтверждение и в трудах значительно более поздних авторов, в частности Константина Багрянородного (Х в.), который писал, что болгары называвшиеся ранее уногундуры (оногуры, утигуры), заселяли во времена Константина все Балканы.¹²

В целом та же чрезвычайно путаная этническая картина представлена и в прикаспийских степях, и в Предкавказье. Там основными, постоянно упоминаемыми в источниках этническими группировками, были барсылы, савиры и хазары. Только в “Армянской географии” Анания Ширакаци указывалось, что рядом с хазарами и барсилами обитают буши и “булхи” (болгары?).¹³ По-видимому, в данном отрывке имелись в виду болгары, кочевавшие в восточной части Предкавказья, т.е. в Прикаспии (рис. 1). Однако, следует учитывать, что Ананий Ширакаци писал в конце VII в. и сведения его могли относиться и ко времени близкому написанию сочинения, а к тому времени этнogeография Предкавказья и всех восточноевропейских степей основательно изменилась. Итак, имя болгар было скрыто в определенный период истории другими более сильными племенными союзами и этническими образованиями. Тем не менее, болгары весь этот “глухой” хронологический отрезок, длившийся не более 50—70 лет, продолжали существовать, накапливая экономический, а следовательно, и политический потенциал, который дал им возможность вновь выйти на историческую арену уже в новом, более “высоком” качестве — политического объединения государственного типа.

Опираясь на полуоседлую экономику, изменялись, вероятно, и общественные отношения в болгарских ордах, тем более, что в Восточном Предкавказье они входили в государственное объединение, возглавляемое савирами и известное в источниках как “Царство гуннов”, а в Причерноморье — в Аварский каганат.¹⁴ Кроме того, с первых десятилетий VII в. на Восточную Европу начал распространять свою власть Западно-тюркский каганат, тесня или включая в свой состав попадающиеся ему на пути орды, союзы, объединения. Именно тогда авары стремительно отошли под наjjимом тюрок на Запад — в Подунавье, уведя с собой часть кутригуртов, утигуров и, вероятно, болгар. Савиры же полностью подчинились кагану, ведшему постоянные жестокие войны с закавказскими государствами: Албанией, Арменией и Грузией. В эти войны вовлекались все подчиненные и покоренные кочевые и полукочевые этносы степного Предкавказья, в том числе и болгары. Косвенным свидетельством этого может быть рассказ албанского историка Моисея Каганкатаца о штурме Дербента в 627 г.,¹⁵ в котором автор указывает на три типа “причесок”, характеризовавших воинов хазарского (тюркского) вой-

ска: длинные, распущенные волосы, волосы, заплетенные в косички, бри-тые головы. Первый тип — хазаро-туркский. Известно, что тюрки носи-ли длинные волосы.¹⁶ Второй тип — угорские и аварские воины заплете-ли отращенные волосы в косы.¹⁷ Третий тип — бритоголовые. Это были , видимо , болгары, что подтверждается более поздними источниками, в частности широко известным “Именником болгарских ханов”, в котором эти ханы определены как “князья с остриженными (т.е. бритыми — С.П.) головами”.¹⁸ Пожалуй, это первая этнографическая особенность болгар, попавшая в исторические сочинения.

Западнотюркский каганат распался в результате постоянных меж-доусобиц в начале 30-х годов VII в.¹⁹ На его руинах стремительно стали вырастать в степях новые государственные объединения, типо-логически близкие по социальному-экономическому уровню к Тюркскому каганату, в недрах которого они, по существу, и выросли.²⁰

В Прикаспийской низменности и восточном Предкавказье сформи-ровалось объединение хазар, выдвинувшихся в походах тюркского ка-гана и ставших после его гибели во главе многочисленных, тоже вовле-ченных в эти походы, кочевнических группировок. Наиболее крупной из них была савиро-болгарская (“бритоголовые”). Таким образом, болгар-ские орды с первых лет образования нового каганата стали в нем одной из самых сильных и влиятельных составных частей.

Владетель хазар, считая себя наследником тюркского кагана, взял себе тот же титул. Известно, что он был из могущественного правяще-го тюркского рода Ашина, остатки которого после междоусобия в своей державе, отошли к западу и обосновались в Прикаспии. В первые же годы овладения новыми кочевьями им удалось встать во главе форми-рующегося хазарского объединения. Видимо, вследствие этого запад-нотюркский род кагана и оставил за собой этот самый высокий среди степных владык титул.

Почти одновременно с Хазарским каганатом на восточных берегах Черного и Азовского морей, на Таманском полуострове и в Прикубанье образовалось еще одно кочевническое объединение, хорошо известное в письменных источниках под названием “Великая Болгария”.²¹ Она, как и Хазарский каганат стала формироваться еще в годы аварского и тюркского владычества. Мы уже говорили о слиянии разных кочевав-ших в бассейне Черного моря родственных болгарам этносов, происхо-дившем в конце VI — начале VII вв.

Историки уже давно обратили внимание на рассказ, сохранившийся в сочинении патриарха Никифора, писавшего во второй половине VIII в., в котором повествуется о прибытии в Константинополь примерно в 619 г. “гуннского” правителя Органы, а позже и его племянника (видимо, со стороны матери) хана Кубрата, которого большинство ученых считают будущим объединителем и организатором Великой Болгарии. Следует

сказать, что Никофор называл Кубрата “государем унногундуроров”,²² т.е., очевидно, утигуроров (оногуроров), кочевья которых располагались именно там, где помещалась, судя по данным Никифора и Феофана Исповедника, Великая Болгария. Где-то в том же регионе Приазовья кочевали и болгары, поскольку именно они дали новому объединению свое имя, а также освободившиеся от власти авар кутригуры, заселявшие степи Северного Приазовья (рис. 2).

Что же касается вопроса узко этнической принадлежности Органы и Кубрата, то оба они относились к роду Дуло. В “Именнике болгарских ханов” к этому же роду отнесены два гуннских властителя — сам Аттила (Авигохол) и его сын Эрнак (Ирник). После них в список включен Гостун из рода Ерми,²³ подчеркнуто названный не правителем, а только наместником. В. Златарский считал, что Гостун и Органа — одно историческое лицо. М. И. Артамонов, возражая Златарскому, полагал, что Гостун был наместником и воспитателем при маленьком Кубрате. После Гостуна все 10 ханов “Именника” от Курта (Кубрата) до Оумора (Омургата) относятся к роду Дуло. Весьма знаменательно включение в “Именник” двух могущественных гуннских вождей, ставших как бы родоначальниками болгарских ханов Великой и Дунайской Болгарий. Род Дуло, как и хазарский род Ашина, происходил из Западнотюркского каганата, однако, мы знаем, что в каганат входило огромное количество больших и малых этносов и социальных группировок самого различного происхождения, в том числе и гуннского. М. И. Артамонов и Л. Н. Гумилев считали даже возможным отожествлять Органу с гуннским ханом Моходу-хеу.²⁴

Как бы там ни было, но известно, что в Западнотюркском каганате род Дуло боролся за власть с родом Ашина. Таким образом, еще до образования новых объединений оба рода находились во враждебных отношениях. Возможно, именно поэтому старший представитель рода Дуло — Органа и отправился в Византию за поддержкой и, видимо, преуспел в этом. По данным Иоанна Никиусского (VII в.), Органа был хорошо известен в Византии. Сообщается, что при дворе императора он оставил заложника, в значительной степени обеспечивающего Византию его верность принятым на себя обязательствам, что было обычно в те времена. Этим заложником стал его племянник и наследник Кубрат.²⁵ Крещеный, воспитанный при византийском дворе этот молодой хан был, очевидно, образованным для той эпохи человеком. Как и его дядя, он получил титул патриция и сам император Ираклий до самой своей смерти оставался его личным другом. Кубрат был, вероятно, сильным и удачливым полководцем, умным политиком. Именно такие выдающиеся представители аристократических родов становились обычно в степях во главе формирующихся союзов и государственных объединений.

Таким образом, болгарские орды, несколько десятилетий бывшие под властью тюрок, включенные в союзы кутригиров и утигиров, ходившие в походы под аварскими бунчуками, освободились и под главенством энергичного руководителя объединили вокруг себя все ранее разбросанные по приазовско-причерноморским степям орды и этнические группировки. Следует отметить, что не только в племенном или даже этническом отношении эти группировки были весьма различны, но и язык их не был еще исключительно тюркским. Часть орд была угроязычной: видимо, не случайно окончания их самоназваний “гуры” — угры сохранились в византийских и латиноязычных сочинениях.²⁶ Однако, согласно данным “Нового списка армянской географии” (конец VII в.) ко всем собственным наименованиям этносов прибавлялось имя болгар: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Орхондор-Блкар-пришельцы, Чдар-Болкар.²⁷ Так же, как имя, вместе с ним, вероятно, внедрялся и начинал становиться общим и болгарский (турецкий) язык в пределах всей Великой Болгарии.

Дружеские и военные отношения Кубрата с Византией подкреплялись экономическими связями. Мы знаем во всяком случае один функционировавший тогда торговый порт, о котором писал византиец Феофан — Фанагорию. Разоренный неоднократно готами и гуннами этот античный город, по-видимому, стал возрождаться и понемногу отстраиваться именно в годы существования Великой Болгарии. Феофан писал, что помимо окружавших этот город многих народов, в самом городе живут еще и евреи.²⁸ Этот деятельный и торговый народ, безусловно, налаживал порванные торговые пути и коммуникации страны, заселенной “многими народами”, заинтересованными в торговле не только с Византией, но и с другими странами, занимавшими земли вокруг Черного моря. Интересно, что Феофан особенно подчеркивает изобилие разнообразной рыбы в водоемах Великой Болгарии (в море и Кубани). Рыбный промысел, изготовление дорогостоящего “рыбьего клея” были широко распространены среди кочевых народов, живших в бассейнах крупных восточноевропейских рек. В частности, об экспорте клея из Хазарского каганата в арабские халифаты писали многие восточные авторы (арабо- и персоязычные).²⁹ Возможно, что и из Великой Болгарии наряду с традиционными для воинственных кочевников поставками на восточные рынки рабов и скота, а также шкур и мехов, вывозили они из своей страны и “рыбий клей”.

Подавляющее большинство населения было кочевым, остатки стойбищ, по-видимому, весенних археологи обнаружили вдоль восточного берега Азовского моря, по берегам Кубани и ее притоков.³⁰ На Таманском полуострове помимо Фанагории, были, судя по материалам проводивших там разведки и раскопки археологов, и другие оседлые поселения, относящиеся ко времени существования Великой Болгарии.³¹ Это и

понятно — полуостров был центром этого государственного объединения. Поселения там, возможно, принадлежали собственно болгарам.

Источники ничего не говорят нам об общественных отношениях в этом объединении, хотя уровень экономического развития позволяет предполагать, что они находились на начальных ступенях формирования раннефеодальных отношений с сильными пережитками родового строя — так называемой “патриархальной вуалью”.³²

Подавляющее большинство государственных образований подобного типа довольно быстро распадалось и исчезало со страниц истории. Наиболее характерным примером является безусловно “империя” Аттилы: она была могущественной только в период жизни этого сильного и жестокого властителя. То же случилось и с Великой Болгарией. Хан-объединитель Кубрат умер примерно в 50-х — начале 60-х годов VII в.

Власть наследовали его сыновья. Кубрат, названный Феофаном “властителем ... Булгарии и котрагов ...”, оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе так, чтобы они властвовали над всем и не попадали в рабство другому народу”.³³ Устная болгарская традиция свидетельствует, что умирая Кубрат позвал сыновей к себе, велел принести связку гибких прутьев и приказал каждому переломить эту связку. Естественно, это оказалось невозможным, прутья остались целыми. Так Кубрат показал, что собранные вместе болгары будут непобедимы, распавшись, каждый прут будет легко сломан, а каждая выделившаяся орда может быть легко разбита и покорена соседями. Это, конечно, только легенда, но ясно только, что сразу после его смерти возникли центробежные тенденции в этом непрочном объединении. Очевидно, в Великую Болгарию действительно входило пять этнических групп (отсюда и сведения о пяти сыновьях), однако, по источникам, дошедшим до нас, мы знаем всего двух сыновей Кубрата: Батбая (Батбаяна, Баяна) и Аспаруха. Третье, сохранившееся у Феофана имя “Котраг” — название “соплеменного болгарам” племени (племенного союза) котрагов (кутригур), владевших, как говорилось, землями в северочерноморских степях.

Батбай и Аспарух, вместе с подвластными им ордами, кочевали в восточном Приазовье. Вот на них-то и обрушился прежде всего хазарский каган, сильно укрепивший к середине VII в. свое объединение. Каганату необходимо было расширить территорию. Особенно он был заинтересован в Причерноморье с его портовыми городами, близостью к богатому Крыму и к самой Византии. Уже разъединенные, видимо, к этому времени болгарские группировки, несмотря на громадное численное преимущество были разбиты и в значительной степени оттеснены с прежних кочевий. Об этом событии, произшедшем в 60-х годах VII в., многократно комментировавшемся исследователями, говорилось и в хронике Феофана, и в “Армянской географии”, и даже в письме ха-

зарского царя Иосифа (Х в.).³⁴ Из этого следует, что ему придавалось очень большое значение не только в хазарском государстве, но и во всех общавшихся с ним странах. Каганат сразу вырос вдвое как территориально, так и политически.

Что касается болгарского объединения, то хан Аспарух повел остатки своих разбитых орд в дальний западный поход — вдоль северного побережья Азовского и Черного морей в низовья Дуная. Они остановились сначала в дельте Дуная, в месте, которое называлось Угол (Огъл, Онгл), но территория эта была очень небольшая и явно не годилась для кочевания нескольких орд. Во время длинного пути орды Аспаруха, видимо, восстановили свою разрушенную войной и бегством экономику в основном за счет встречавшихся на пути и присоединяемых более слабых формирований. Необходимо было захватить достаточную для их кочевания территорию. Таковой были земли на правом берегу Дуная, слабо заселенные и граничащие с юга с богатыми провинциями Византийской империи, в которые можно было вторгнуться и при случае обогатиться грабежом или получить откуп. Здесь, в Подунавье, к болгарам Аспаруха присоединились пришедшие ранее отдельные болгарские же, а также утигуро-кутригурские соединения, а также орды, оставшиеся на Балканах еще со времен распада империи Аттилы. Кроме того, существеннейшим компонентом, вошедшем в новое формирующееся объединение Аспаруха, были занявшие часть этой обширной равнины славяне. Конфронтации между ними и болгарами не было, т.к. славянские поселения в ту пору были немногочисленны, располагались на берегах рек, нередко в старых, еще римских крепостях. Как и болгары, славяне также еще только появившиеся здесь, не были склонны заниматься производящим хозяйством — средства к жизни легче было получать от грабежа окраинных византийских земель. Подоспевшие болгарские орды были, очевидно, встречены славянскими вождями с благосклонностью прежде всего из-за их прекрасной военизированной организации. Глава этой организации — Аспарух был признан всем многоэтничным населением нижнего Подунавья, по-видимому, сначала в качестве ведущего военачальника, а потом и правителя.

Византийский император и его советники отлично понимали возникшую на их границе опасность. Как только император Константин IV Погонат справился с арабами, осаждавшими тогда Константинополь, он сразу же направил войска на первое стойбище Аспаруха — в местность Угол, но византийцы потерпели там поражение и тем самым создали Аспаруху славу очень сильного военачальника, открыв практически перед ним свою северную границу. В 679 г. Константин Погонат заключил с болгарами мир на условиях выплаты им ежегодной дани, а в 781 г. византийский двор признал существование болгарского государства.³⁵

Аспарух правил долго, уже при нем в государстве начала складываться своя внутренняя экономика: славяне занялись земледелием, а болгары по-прежнему кочевали. Симбиоз этих двух хозяйственных систем и воинственная наступательная политика аристократии за несколько десятилетий сделали Дунайскую Болгарию сильным и стабильным государственным образованием. Хан Аспарух умер на рубеже двух столетий — в 701 г. Ему наследовал его сын Тервел. Так род Дуло утвердился на болгарском троне. В правление Тервела молодая Болгарская держава достигла экономического и политического расцвета. С ней считались и Византийская империя, и соседний Аварский каганат, и крепнущий в восточноевропейских степях Хазарский каганат. В недрах Дунайской Болгарии началось сложение народа, который и в наши дни известен под именем “болгары”. Такова судьба уведенных Аспарухом из восточного Приазоавья разбитых хазарами болгаро-утигуро-кутригурских орд.

Однако, следует помнить, что подавляющее большинство побежденных болгар и входивших в их консолидацию этносов, возглавляемых, как полагают исследователи, старшим сыном Кубрата Батбаем, остались в Предкавказье и в восточноевропейских степях. Конечно, они были потеснены хазарами с их прежних, ставших уже привычными земель. По археологическим данным создается впечатление, что особенно сильно пострадали те группировки, которые обитали на Таманском полуострове. Представляется весьма вероятным, что основная часть болгар, перейдя Таманский пролив, начала активно осваивать крымские степи, а попутно, когда это было возможно и хватало сил — и крымские города или хотя бы их окрестности. Это были, видимо, собственно болгарские группировки (рис. 3). Прибытие их сильно изменило этническую карту Крыма.³⁶ Весьма существенно, что вплоть до X в., несмотря на многие смены крымских властей, болгары сохранили свое имя. В средневековых источниках, относящихся к X в. их называют “черными” или “внутренними” болгарами. Надо сказать, что локализация этих болгар, как почти все вопросы темного, слабо освещенного источниками восточноевропейского средневековья, вызывала многочисленные споры и гипотезы.³⁷ Совпадение данных письменных источников с археологически зафиксированными поселениями древних болгар в Крыму (VII–X вв.), позволяет нам присоединиться к тем ученым, которые помещают Черную (Внутреннюю) Болгарию в северном Причерноморье, в частности — в Крыму. В эпоху господства в юго-восточной Европе Хазарского каганата эти болгары, очевидно, находились в вассальной или податной зависимости от каганата, как и все остальные обитавшие в степях этносы и народности.³⁸ В X в. политическая обстановка в степях изменилась — Хазарский каганат под воздействием в основном внешних факторов (ряда тяжелых поражений со стороны венгров, печенегов, Руси) сильно ослабел и черные болгары настолько осмелели, что

в середине X в. византийский император Константин Багрянородный, весьма интересующийся расстановкой сил в Восточной Европе, писал в своем наставлении сыну: “Знай, что так называемая Черная Болгария может воевать с хазарами”.³⁹ Тогда же, по сведениям русской летописи, воевали болгары в “Корсуньской земле” (в окрестностях Херсонеса), бывшей тогда византийской провинцией.⁴⁰

В целом, и Дунайская Болгария, и Крым составили незначительную часть территории, занятой болгарами и родственными им группировками в юго-восточной Европе. Выше мы уже говорили, что в состав Хазарского каганата с самого начала его образования в Прикаспийских степях входило большое количество живших там болгар, объединенных ранее в союз, возглавляемый савирами. Вместе с савирами они были включены в новое объединение — хазарское. Большинство подданных кагана были не хазары, а объединенные ими различные этносы, орды, кочующие или оседающие в степях. Так, как мы видели, обстояло дело и в Великой Болгарии, где сами болгары не были большинством, Особенно ясно выявилось это в Дунайской Болгарии, где столкнулись разноязыкие этносы с различными экономическими системами. Тем не менее, там с первых десятилетий выявилось политическое преобладание в союзе меньшинства, т.е. болгар. Затем установилось равновесие и даже, как мы знаем, языком-победителем оказался в конечном результате славянский. Эти этнические процессы, основанные на своеобразной “этнической терпимости”, можно, благодаря многочисленным историческим примерам, считать определенной закономерностью этно-социального развития. Очевидно, в периоды формирующихся политических образований (от союзов племен до империй) важнее для определения человека и целых сообществ были не их этническая принадлежность, а политическая или даже скорее социально-политическая, т.е. принадлежность к стремительно крепнущему в образующемся государстве господствующему клану родовой аристократии, постепенно превращавшейся в раннефеодальный класс.

Следует помнить, что хазарское меньшинство было этнически близко родственным всем входившим в каганат ордам, в частности болгарам, с которыми они говорили на языке одной тюркской языковой группы. О близости этих языков писали в X в. Ал-Истахри и ибн-Хаукалъ и обычно их свидетельство является решающим в определении хазарского языка, хотя относительно его существовали и иные мнения. Что же касается болгарского языка, то благодаря упомянутому выше “Именнику” и некоторым дошедшим до нас словам в памятниках дунайской и Волжской Болгарий установлено, что этот язык относился к западной (огузо-печеженской) группе тюркских языков и близок к современному чувашскому языку.⁴¹

Основная масса хазар, несмотря на захват новых территорий хазарским каганом, продолжала кочевать на собственной территории — в северо-восточном Прикаспии (рис. 4). Все население более южных областей Прикаспия осталось на прежних местах поселений и кочевий. Их владетель Алп-Илитвер в 80-х годах VII в. вел свою собственную внешнюю политику, заключил сепаратный мир с Албанией и Арменией, а также принял вместе со своими соплеменниками и подданными христианство. Правда, чрезмерная самостоятельность князя, видимо, не понравилась хазарскому кагану. Он заставил того принимать участие в хазарских завоевательных походах, а также, в знак его вассальной подчиненности, взял в свой гарем дочь Алп-Илитвера.⁴² Описанные албанским историком Моисеем Каганкатваци эти события интересны тем, что они позволяют представить систему отношений хазарского кагана к покоренным им народностям. Включение савир в каганат было сравнительно мирным, поэтому не пострадала экономика савирского союза. Тем не менее, каган отнюдь не был склонен к поощрению самостоятельности побежденных и включенных в каганат различных политических соединений и решительно пресекал центробежные стремления.

Что же касается орд хана Батбая, вынужденных в значительной степени уйти из Приазовья и Прикубанья, то, видимо, во всяком случае в первое время после поражения, положение их было довольно тяжелым. Поэтому они стремились как можно дальше откочевывать от мест, захваченными хазарами и попавших под их власть, в которых хазары могли появиться в любое время года и потребовать выплаты дани или просто отобрать все: хозяйство, скот, детей.

Откочевки велись в северном направлении — на степные просторы нижнего Дона, Донца, Левобережья Днепра. Освоение новых земель проводилось, видимо, под главенством Батбая, оставшегося ханом массы болгарских орд. Разгром Великой Болгарии заставил болгар вновь перейти на первую (круглогодичную) стадию кочевания с кратковременными и непостоянными стойбищами.⁴³ Как и в Дунайской Болгарии от кочующих таким способом людей и стад не оставалось никаких памятников кроме случайно обнаруживаемых специально скрытых (от разграбления) захоронений и зарытых кладов-сокровищ. Одним из таких сокровищ, зарытых кем-то, принадлежавшим к роду Дуло, был знаменитый Перещепинский клад золотой и серебряной посуды, драгоценного оружия, украшений (рис. 5). Среди украшений особый интерес представляет два перстня с монограммами Органы и Кубрата.⁴⁴ Клад был найден у с. Малая Перещепина Полтавской обл.⁴⁵ Это говорит об очень глубоком северном проникновении болгар в степи и лесостепи Приднепровья (рис. 4). Там они столкнулись с многоэтничными остатками черняховского населения, также еще раньше оттесненными в эти районы гуннами, и приняли самое деятельное и непосредственное участие в

сложении культуры, получившей у археологов наименование “пеньковской” или пастырской”. Создателями этой культуры одни ученые считают антов,⁴⁶ подробную характеристику которых еще в VI в. дал Иордан, другие связывают ее появление с русами.⁴⁷ Феттих,⁴⁸ а за ним М. И. Артамонов⁴⁹ считали эту культуру кутригурской. Мне представляется, что эта большая (широко распространенная по лесостепи) и богатая культура полиглочна. В нее входили и “черняховцы”, и какие-то угорские этносы, и родственные уграм и болгарам тюркоязычные кутригуры и сами болгары. Культура в целом настолько неоднородна, что это дает основание говорить о ее полиглочности. Впрочем, несмотря на большое число работ, посвященных этой культуре,⁵⁰ она еще слабо изучена и большинство вопросов, встающих при ее исследовании, до сих пор остаются невыясненными.

Тем не менее в настоящее время факт откочевки болгар на северные рубежи степи (на кутригурские кочевья?) представляется установленным, благодаря счастливой находке Перецепинского клада, оставленного, вполне вероятно, самим Батбаем. Правящий род Дуло, неоднократно получавший драгоценные подарки от византийского императора, естественно, накопил громадные сокровища, часть которых и попала в клад. Зарыт он был, судя по находкам, где-то в конце VII в. в явно экстремальных обстоятельствах, возможно, во время военного столкновения с хазарами.

Клад позволяет нам также говорить о процессе накопления сокровищ в руках болгарской родовой аристократии, что является важнейшим признаком начала образования в обществе классовых отношений.

Очень важен вопрос и о первом проникновении выходцев из Великой Болгарии на Среднюю Волгу. Поскольку, как мы видели, в начале освоения новой территории болгары, как и все кочевники, не оставляли после себя никаких уловимых археологами следов, то мы можем логически предположить, что, если болгары достигли среднего течения Днепра и Донца, то они могли по степям дойти и до лесостепного Волго-Камья.

Так закончилась первая волна болгарских перекочевок. Каган Иосиф, писавший в середине X в. письмо испанскому еврею Хасдаю ибн-Шафруту о положении своего государства, весьма хвастливо упомянул о победе над болгарами, заявив, что последних было много “как песка у моря”⁵¹ Этим он подчеркнул значение победы, но болгар и близкородственных им орд было действительно много. Однако, не объединенные “в связку” они, как и опасался перед смертью Кубрат, были сломлены и на территории юго-восточной Европы вошли в сильное новое государство — Хазарский каганат.

Большую роль в передвижении крупных массивов населения по степи сыграли арабо-хазарские войны первой половины VIII в. Поднятые исламом на завоевание мира арабы в первые десятилетия VIII в. заня-

ли Албанию и Армению — земли южных соседей хазар, которые и сами были весьма склонны к постоянным грабительским походам в эти страны. Интересы грабителей столкнулись и арабы двинули свои железные войска на северного соседа.⁵²

Победа над хазарами была достигнута с трудом — только в седьмом большом походе. Арабы вытеснили хазар из предгорий Кавказа и Прикаспийской равнинны. Города и поселения были захвачены и разорены. Уже в период войн началось постепенное переселение обитавших там людей на север — в широкие и обильные земли донских степей.

Среди переселенцев были болгары, савиры, барсилы, аланы.

Хазарский каган основал новую столицу в низовьях Волги (Итиля). В арабских источниках этот город называется по разному, но чаще всего просто Итиль — по названию реки. Основная территория обитания собственно хазар (калмыцкие степи) осталась прежней. По существу, эти земли, пользуясь европейской терминологией, можно называть доменом кагана, по которому он кочевал со всем родом и многочисленной свитой.

Болгары, ушедшие из Предкавказья, очевидно, присоединились к тем болгарам, которые кочевали в Приазовье и Подонье под главенством рода Дуло. Бытовые и культурные памятники, датирующиеся второй половиной VIII в., археологи уже могут проследить в степях и с большей или меньшей долей вероятности отнести к болгарским или родственным им группировкам.⁵³

Следует сказать, что вместе с болгарами и другими тюркоязычными этносами с Северного Кавказа в лесостепные районы на берега Донца и Дона переселилось большое количество алан. Возможно, это переселение было вызвано, как и переселения других народностей, арабскими походами, в которых аланские племена несли тяжелые потери. Особенно тяжким для них оказался поход 724 г., после которого арабский военачальник Джеррах обложил алан подушной податью.⁵⁴ Ряд ученых предлагает другое объяснение переселения алан в лесостепь — на северные границы Хазарского каганата.⁵⁵ Они полагают, что часть алан была насильно перемещена каганом из кавказских предгорий. Сделано это было, во-первых, для того, чтобы ослабить довольно крепкое, несмотря на арабские погромы, объединение, входившее в состав каганата, и, во-вторых, для обороны северных рубежей от активизировавшихся в те годы славян, которых каган именно тогда подчинил и обложил данью.⁵⁶ Массовое переселение людей, занимавшихся земледелием и знавших его, привело к не менее массовому оседанию на землю, к освоению нового способа ведения хозяйства: земледелию и пастушеству, а вместе с тем и к развитию ремесленных производств. Это положило начало сложению культуры известной в науке под названием “салтово-маяцкая”.⁵⁷ Фактически эта многоэтничная культура сформировалась

и расцвела в пределах Хазарского каганата и мы имеем все основания считать ее государственной культурой каганата. Основную роль в процессе сложения этой культуры играла аланская, поскольку она принадлежала оседлому, давно уже земледельческому населению, однако в дальнейшем культура пополнилась и многими степными кочевническими элементами.

Одним из наиболее существенных компонентов любой культуры является письменность. Руническое тюркское письмо пришло в европейские степи вместе с тюркоязычным населением Западнотюркского каганата. Замечательно интересен тот еще не вполне понятый исследователями факт распространения на территории Хазарского каганата двух рунических письменностей, алфавиты которых не совпадают ни друг с другом, ни с орхонским письмом. И. Л. Кызласов, открывший это, называет одно письмо кубанским, а другое — донским (традиционно — по рекам).⁵⁸ Вполне возможно, что первое было болгарским, а второе — собственно хазарским, а сложение и употребление их началось еще в недрах совсем еще молодых государственных образований: Великой Болгарии и Хазарского каганата. Однако пока надписи не прочтены и трудно предполагать, на каком языке они заговорят. Не исключено, что это могут быть и древнеугорское и аланская наречия, но заимствование алфавитных начертаний весьма знаменательно: культура в степях складывалась, безусловно, богатая, развитая и явно синкретичная.

Передвижение населения, вызванное арабскими войнами можно считать второй волной болгарского переселения в восточноевропейские степи.⁵⁹ Трудно сказать, докатилась ли эта волна до Средней Волги (Волго-Камья). Некоторыми косвенными данными о появлении там родственных болгарам (а, возможно, и их самих) группировок мы располагаем. Это, в частности, существование там вплоть до современности этнонима “савир” в формах сувар, суваз, чуваш. Вероятно, убегая от арабских войск Марвана в 737 г. достигших Волги, часть беженцев из восточного Предкавказья дошла по берегу великой реки до пределов степных просторов — до Прикамья. Возможно, конечно, что они встретились там с какими-то болгарскими группами, откочевавшими сюда еще в период “первой волны”. Однако, материальные следы пребывания на данной территории древних болгар относятся к более позднему времени, о чем мы скажем ниже.

Основная масса болгарских и родственных им орд и этносов крепко обосновалась во второй половине VIII в. в Приазовье, Крыму и степях Донского бассейна. Сказанное не значит, что были какие-то определенные границы между алантами, хазарами и болгарами. Взаимопроникновение было постоянным, но поскольку болгары были численно преобладающей величиной, их памятники встречаются на аланских или хазарских землях много чаще, чем обратное явление. Отдельные курганные

захоронения хазар, отличающиеся оригинальной особенностью — квадратными ровиками вокруг могилы, археологи обнаруживают среди множества вскрываемых новостроочными экспедициями курганов, расположенных на землях с очевидным преобладанием болгарских памятников.⁶⁰ Видимо, хазары нередко ходили через степи в походы и за данью к соседям и хоронили убитых воинов не на земле предков, а там, где они погибли. Хазарские военные передвижения по донским и днепровским степям начались примерно в середине VIII в. и продолжались, судя по датировкам хазарских курганов, около 150 лет. Очевидно, именно хазары оставили на берегах Днепра замечательный, подобный древнетюркским, поминальный храм у с. Вознесенка, мировоззренческая идея которого аналогична идее, вкладываемой хазарами и рядовыми тюрками в сооружаемые ими подкурганные каменные оградки.⁶¹ Храм возведен в середине VIII в., видимо, в память одного из членов правящего тюркского рода Ашина.

Что же касается алан, то их захоронения в степях единичны и это не позволяет вообще говорить об их регулярном проникновении в степные пространства. Возможно, что переселенные в лесостепь властью кагана насильно, аланы не имели права отъезжать от отведенного им пограничья, где они обязаны были нести службу.

Помимо хазарских, в разных регионах, заселенных болгарами к концу VIII в., в настоящее время известны памятники, относящиеся культурно и этнически к иным (явно не болгарским) группам населения. Особенно это относится к местам, обжитым с глубокой древности, в частности, в Предкавказье, Причерноморье, Крыму, где рядом с болгарами обитали греки и готы, аланы, вайнахи и евреи. Последние бежали от преследований в христианской Византии.

Следует сказать, что вторая волна переселений и перекочевок болгар вновь затронула и Дунайскую Болгарию (рис. 4). Второй половиной VIII в. датируются там наиболее ранние праболгарские памятники. Именно тогда началось оседание праболгар на придунайской равнине. Почти в ее геометрическом центре была поставлена укрепленная ставка хана, признаваемая столицей Болгарии более 200 лет. Характерно, впрочем, что название свое она получила от живших там славян — “Плиска”, т.е. расположенная на плоском месте (на равнине). Материальная культура Дунайской Болгарии и болгар Хазарского каганата этого и последующих столетий так близка, что предположение о постоянном общении болгар между собой и о периодических “пополнениях” Дунайской Болгарии восточными сородичами представляется очень убедительным. Очень заметной нивелировка материальной культуры Дунайской Болгарии, “хазарских” болгар и формирующейся, совсем еще юной Волжской Болгарии стала в IX в. Связано это, видимо, с событиями, кото-

рые вызвали третью волну эмиграционных процессов в Хазарском каганате в начале IX в. (рис. 6).

В первые годы IX в. хазарский каган и его ближайшее окружение приняли по политическим причинам иудейскую религию.⁶² Еврейских купцов, связывавших каганат с восточными и западными рынками цивилизованных стран было, видимо, во всех торговых городах много. Они в значительной степени способствовали обогащению центральной власти и поэтому пользовались благосклонностью кагана. В то же время Халифат и Византия с двух сторон давили на Хазарию, навязывая ей свои религии, чтобы через “идеологию” утвердить свое влияние в этой стране. Известно, например, что Марван, разгромив войска кагана, заставил того перейти в мусульманство. Это унижение вызвало, очевидно, резко отрицательное отношение к исламу у хазарских властей. Иудаизм же не внедрялся насилием. Массы народа не восприняли новой религии и остались языческими. Однако среди знати в каганате начались жесткие разногласия, внешней причиной которых стало принятие чуждой религии главой государства. Болгарское большинство в каганате, естественно, неохотно мирилось с властью хазар, тем более, что во главе государства стоял каган, принадлежавший к враждебному болгарским аристократам роду. Характерно, что уже в VIII в. в каганате было зафиксировано двоевластие. В рассказе о первом принятии иудаизма хазарским царем Буланом, жившим в первой половине VIII в., царь Иосиф писал, что помимо Булана был еще “главный князь их”.⁶³ Обычно это сообщение трактовалось так, что над царем Буланом была власть более сильная, которую народ признает безоговорочно, т.е. значит тогда уже было двоевластие. Однако вполне допустима и несколько иная трактовка этого отрывка: Булан был хазарским царем, у него в подчинении находился другой народ, которым правил свой князь. Этим народом были, очевидно, болгары и савиры. Вот в этом и заключалась причина возникновения двоевластия. Соправители хазарских Ашина происходили из аристократов наиболее крупных этнических соединений, вошедших в каганат (вероятнее всего, что это были болгары). Следует сказать, что такая форма правления часто встречалась и в других полукочевых государствах Евразии и объяснялась она весьма обычной для степных объединений многоэтничностью и характерным захватом власти в стране сильным военизированным меньшинством, возглавляемым первоначально энергичными правителями. Ослабление последних вело к усилиению власти соправителя или к центробежным стремлениям и междуусобицам.

По-видимому, принятие иудаизма нарушило более или менее устойчивое равновесие в стране. Часть болгарских аристократов, по-прежнему, возможно, признававшая власть рода Дуло, который к тому времени прочно утвердился во главе крупного государства на Дунае, не пожелаила подчиниться хазарским властям и болгарскому (савирскому?) шаду,

изменившим вере предков. Началась смута, о которой рассказал в своем сочинении Константин Багрянородный. Это было так называемое восстание кабаров.⁶⁴ Длилась смута довольно долго, результатом ее явились новые переселения болгар на Дунай и в Волго-Камье. В письменных источниках об этих передвижениях нет никаких данных. О них можно говорить только благодаря археологическим материалам. Так, на ряде славянских поселений VIII в. в Дунайской Болгарии прослежен мощный, перекрывающий славянские наслоения слой IX в., материал которого аналогичен синхронному материалу на болгарских памятниках бассейна Дона.⁶⁵ Болгарские археологи пришли к выводу о каком-то новом пополнении болгарского этноса в IX в.⁶⁶ По всей вероятности, в те же годы активизировалось проникновение болгар в лесостепные районы, заселенные ранее аланами, что также прослежено археологами.⁶⁷ Тогда же новой волной хлынули болгары и на Волгу. Болгарские могильники и поселения в том регионе датируются, как правило, именно IX в., что и дает мне право говорить о заселении болгарами Волго-Камья в основном в этом веке.

Несмотря на переселения, значительная часть болгар осталась в Приазовье, Крыму и Донских степях. Это подтверждается археологически — подавляющее большинство обнаруживаемых там болгарских памятников относится к IX в.

В основном это обширные степные поселения с ярко выраженным следами оседло-земледельческой экономики, с гончарными мастерскими и некоторыми другими ремеслами. Болгарская (и хазарская) аристократия окружала свои аилы земляными, сырцовыми, каменными стенами. Иногда это были великолепные белокаменные укрепления, сложенные, как и крепости в Дунайской Болгарии,⁶⁸ из тщательно обработанных блоков. Таков, в частности, белокаменный замок, известный в археологической литературе под названием Правобережное Цимлянское городище.⁶⁹

Самому хазарскому кагану, судя по сведениям восточных авторов,⁷⁰ крепости строили исключительно из обожженного кирпича. Археологам удалось исследовать остатки одной из таких крепостей — знаменитый Саркел, выстроенный в 30-х гг. IX в.⁷¹ Об этом событии писал Константин Багрянородный.⁷² Благодаря его рассказу мы знаем, что хазарские правители просили византийского императора Феофила прислать в Хазарию инженеров, которые бы выстроили для кагана крепость. Просьба была выполнена: инженер и политик Петрон Каматир прибыл с отрядом архитекторов на нижний Дон и они поставили там кирпичную крепость. Названа она была Саркел, что в переводе с тюркского означало “Белая крепость” или “Белая гостиница”. Материалы, полученные в результате изучения развалин Саркела, позволили сделать ряд интересных и существенных выводов о роли этой крепости в степи.⁷³ Очевидно

это был запланированный администрацией каганата таможенно-перевалочный пункт с караван-салями и казармой для хазарских воинов. Через него проходили сухопутные караванные дороги, проложенные по землям Хазарии. С начала X в. крепость стала постепенно застраиваться селившимся разноэтничным степным людом: ремесленниками и земледельцами. Воины-таможенники играли уже менее заметную роль, хотя по-прежнему крепость была хорошо укреплена и охранялась.

Примерно с середины IX в. четко выделилась в степях Дона еще одна этническая группа, которая отличалась от всех остальных обрядом трупосожжения и захоронения праха в неглубоких ямках или сосудах. Ясно, что эта группа и этот обряд существовали в степях и ранее. Но богатые погребения в горшочках и в ямках с насыпанными в них угольками, не концентрирующиеся в могильники (на первой и даже второй стадии кочевания) практически обнаружить в степях невозможно. Существование обряда подтверждается только случайными находками погребений, совершенных по обряду трупосожжения, сопровождаемых роскошным инвентарем, остатками конских захоронений, богатых сбруйных уборов. Кстати, Перещепинский клад многие ученые считают остатками такого захоронения (Й. Вернер и др.). Содержание клада вполне могло быть инвентарем богатого воинского погребения, но существенно то, что никаких следов самого трупосожжения обнаружено не было. Поэтому перещепинскую находку мы сочли возможным считать просто кладом, хотя близкие по содержанию комплексы, безусловно, были богатыми трупосожжениями, свидетельствующими о распространении этого обряда до IX в., когда такие погребения (менее богатые или совсем бедные) стали совершаться на определенных, отведенных для этой цели территориях — общих кладбищах, а кочевники начали постепенно оседать, т.е. заняли постоянные места обитания.

Предположения об этнической принадлежности этой группы населения высказываются пока на уровне гипотез, которые нередко бывают диаметрально противоположны. Не исключено, что правы те исследователи, которые считают эти погребения угорскими (оногурскими).⁷⁴ Погребения действительно аналогичны погребениям VIII—IX вв., обнаруженным в восточном Причерноморье и также, возможно, бывшие угорскими, т.к. именно там располагалась Великая Болгария, включавшая в себя, как говорилось, многие угорские образования. Могильники эти открыты сравнительно недавно, над материалами надо еще много работать, чтобы прийти к более обоснованным выводам. Весьма существенным при дальнейшем исследовании этой проблемы является факт использования в некоторых из трупосожжений IX в. в качестве урн характерных биконических пеньковских сосудов, датировка которых как будто не должна заходить выше VII в. Нахождение их в комплексах IX в.⁷⁵ свидетельствует о прямой связи их с пеньковско-пастьрской

культурой, а это значит, что гипотеза Феттиха-Артамонова о кутригурской (и родственным кутригурам оногуро-утигурам) принадлежности этой культуры имеет реальное археологическое подтверждение.

Кем бы ни были они этнически, материальная культура их та же, что и у остальных жителей каганата, а жили они мирно бок о бок с болгарами. Если учесть, что и на территории Дунайской Болгарии встречаются на могильниках вместе с типичными захоронениями болгар (трупоположениями), трупосожжения в урнах, которыми нередко служили характерные для салтово-маяцкой культуры в целом и для болгар в частности лощеные сосуды, то принадлежность этого населения к близкородственной болгарам группировке представляется очевидной.

По письменным источникам известно, что на протяжении практически всего IX в. в степях бассейна Дона и Днепра кочевали венгры. По археологическим материалам они здесь фиксируются. Очевидно, как и все остальные кочевники, они в первые десятилетия своего формирования в этно-политическое объединение вели круглогодичное кочевание, от которого памятников не остается или они неуловимы для археологов. Кагана их присутствие беспокоило, он всячески старался “закупить” и подчинить своей власти венгерских вождей. Однако, кочуя по степям, венгры не нападали на незащищенные или слабо защищенные земляными валами болгарские поселения. Об этом свидетельствуют снова археологические данные: раскапываемые поселения, относящиеся к IX в., процветали, следы гибели и пожарищ того времени прослеживаются очень редко. Большинство неукрепленных степных поселений и даже некоторые города погибли, были разгромлены и сожжены в начале X в. печенегами. Так, погиб и был заброшен большой портовый город Фанагория и ряд менее крупных портовых поселений, располагавшихся на берегу Азовского моря. Все они в то время были заселены болгарами, хазарами и евреями (торговым людом).

Снова поднялось и большими группами стало отходить из степей Донского бассейна заселявшее их население в начале X в. Шли уже по проторенным дорогам: на Дунай, в лесостепи, в лесные славянские земли (в верховья Дона) и в Волго-Камье (рис. 6). Все это подтверждается прежде всего археологически. В Подунавье появились новые болгарские поселения, относящиеся к X в. и аналогичные донским и крымским того же времени. Тогда эволюционно они уже не могли бы появиться в Дунайской Болгарии, т.к. там уже сложилась общая славяно-болгарская культура и победила христианская религия. В лесостепи попадаются небольшие болгарские могильнички X в., существовавшие несколько десятилетий и принадлежавшие, видимо, болгарским беженцам, остановившимся здесь под защитой аланских укреплений.⁷⁶ Однако лесостепные районы также оказались под угрозой разорения и тогда население отошло еще севернее — в леса, куда кочевникам-печенегам было

трудно, да и не нужно, добираться. На верхнем Дону обнаружены поселения и могильники славян с явными чертами сильного и непосредственного болгарского воздействия: керамика смешанных форм, некоторые особенности в домостроительстве и пр., что нельзя принести, возможно только прийти и сделать самому.⁷⁷ Наконец, в сложившемся к этому времени государстве болгар на Волге также, по данным археологов, хорошо прослеживается болгарская волна эмиграции X в.

Таким образом, это была четвертая и последняя волна болгарских и родственных им этносов на территории Восточной Европы. Следует сказать, что в Волжскую Болгию именно эта волна принесла с собой многие производственные и земледельческие навыки, освоенные ими в Хазарском каганате, где к этому времени многие ремесла, в том числе кузнечное, литейное, гончарное, ювелирное достигли очень высокого уровня, который можно сравнить с древнерусским ремеслом конца X—XI вв.

После нашествия печенегов, прошедших по степям ураганом, жизнь все же сохранилась в разных регионах обширной территории Хазарского каганата. Сами хазары, кочевавшие в калмыцких степях, вообще не были затронуты нашествием так же, как и население многих портовых городов Причерноморья и Крыма. Там остались и болгары, в том числе “черные”, о которых говорилось выше. Не разграбленными оказались и степные города каганата — его столица Итиль и Саркел. Об Итиле, который так и не смогли пока найти археологи, мы можем только предполагать, что там, наряду со многими другими этносами, жили и болгары. Что же касается Саркела, то он был взят русским князем Святославом в 965 году. Князь переименовал его в Белую Вежу, переведя название города на русский язык, а затем город стал степным форпостом русского государства на пути, ведущем в Предкавказье и далее на юг. Однако, население этнически и даже культурно (в быту) не изменилось. Оно осталось прежним, ремесленники по-прежнему делали в своих мастерских привычные для мужчин орудия, детали сбруи, отливали и штамповали поясные бляшки и зеркала, изготавливали для женщин характерные и модные в степях серьги, браслеты и перстни, привычные горшки и кувшины.

Под 1117 г. в русской летописи говорится о беловежцах, которые ушли на Русь.⁷⁸ Видимо, жизнь при половцах в небольшом и плохо защищенном городке стала невозможна.⁷⁹ Переселившиеся на Русь беловежцы довольно быстро растворились в окружавшем их массиве древнерусского населения Переяславского или Черниговского княжеств. На юго-восточной границе Руси стояла небольшая крепостница, называемая летописцем “Белая Вежа новая”. Возможно, что и основана, и заселена она была беловежцами, пришедшими с Дона (в большинстве своем — болгарами).

Довольно большое количество болгар проживало вместе с аланами в Предкавказье. Их поселения с характерной керамикой, датирующие-

ся концом VIII—IX вв., обнаружены и раскапываются в Прикубанье.⁸⁰ Болгарам же принадлежало великолепное Хумаринское городище (развалины белокаменной крепости-города) IX—X вв.,⁸¹ на стенах которого нанесены красной краской надписи древним руническим болгарским (кубанским) письмом.⁸² Однако все эти памятники изучены еще недостаточно. Можно пока только говорить, что, видимо, современные балкарцы являются потомками болгар, пронесшими через тысячелетие свое этническое имя. Но следует подчеркнуть, что вопросы, связанные с этой (предкавказской) частью болгарского этноса, вызывают, вследствие слабой изученности источников и малого количества фактического материала, множество гипотез и предположений, поэтому в данном очерке мы можем только упомянуть о встающих перед исследователями проблемах, но время решения их, очевидно, еще не наступило.

1 Симеонов Б. Источни извори за историята и названието на Аспаруховите българи //Векове, VIII, 1979, кн. I, с. 49-54; Димитров Дим. И. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987, с. 30.

2 История на България, том I: Първа Българска държава. София, 1981, с. 60; Димитров Дим. И. Ук. соч., с. 31.

3 Артамонов М. И. История хазар . Л. Изд-во ГЭ, 1962, с. 79; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979, с. 28, 48.

4 Артамонов М. И. Ук. соч., с. 79-80.

5 Артамонов М. И. Ук. соч., с. 81 и сл.

6 Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 156-158.

7 Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л. 1941, с. 165.

8 Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 72.

9 Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 385-387.

10 Возможно, правильна гипотеза ряда ученых, полагающих, что этническое имя “булгар” происходит от тюркского “bulga”, что значит “смешанные”. См.: Peter B.Golden/ Khazar Studies. Budapest, 1980, с. 42, сноска 115.

11 Артамонов М. И. Ук. соч., с. 110 и сл.

12 Димитров Дим. И. Ук. соч., с. 34 и сл.

13 Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому// ЖМНП, 1883, март, с. 29-30.

14 Артамонов М. И. Ук. соч. с. 103-113, 181-192; Димитров Дим. И. Ук. соч. с. 37 и сл.

15 История Агванъ Мойсея Каганкатваци писателя X века. Перевод К. Патканьяна, СПб., 1861, с. 104.

16 Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. М. -Л., 1950, с. 229.

- 17 Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980, с. 52.
- 18 Петровский Н. М. О летосчислении древних болгар // ИОАИЭ, том XXVII, вып. 6, Казань, 1911, с. 501.
- 19 Артамонов М. И. Ук. соч. , с. 154.
- 20 Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982, с. 88 и сл.
- 21 Артамонов М. И. Ук. соч. с. 157-169; Златарски В. История на българската държава през средните векове, т. I, част I, София, 1970, с. 130-175.
- 22 Патриарх Никофор. Бревиарий // Чичуров И. С. Ук. соч. с. 161.
- 23 Петровский Н. М. Ук. соч. с. 465-476, 501.
- 24 Артамонов М. И. Ук. соч. с. 162 и сл.
- 25 Златарски В. Ук. соч. с. 133-136.
- 26 Артамонов М. И. Ук. соч. с. 66-68.
- 27 Патканов К. Из нового списка ... с. 28. Интерпретация этих наименований и относительная локализация их дана в ук. соч. М. И. Артамонова (с. 168) и у ряда других ученых.
- 28 Феофан Исповедник, с. 60.
- 29 Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 141.
- 30 Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 13-19, рис. 3.
- 31 Сazonov A. B., Ivashchenko Ю. F. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // CA, 1989, № 1; Паромов Я. М. Очерк истории археологотопографического исследования Таманского полуострова//Боспорский сборник, № 1, М., 1992.
- 32 Плетнева С. А. Кочевники средневековья, с. 38.
- 33 Феофан Исповедник, с. 61.
- 34 Артамонов М. И. Ук. соч., с. 171, 172 и сл.
- 35 Дмитров Дим. И. Ук. соч., с. 198; Златарский называет дату основания болгарского государства 680 г./ Златарский В. Ук. соч., с. 204./
- 36 Барапов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990; Барапов И. А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII-X вв.). Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора исторических наук. Киев, 1994.
- 37 Гадю А. В. О черных и внутренних болгара (одна из спорных проблем исторической этнографии южно-русской степи) // Доклады по этнографии. Географическое общество СССР, Л., 1968, вып. 6.
- 38 Артамонов М. И. Ук. соч., с. 378 и сл.
- 39 Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989, с. 53.
- 40 Повесть временных лет, М.-Л., 1950, с. 37.
- 41 Артамонов М. И. Ук. соч. , с. 115.

- 42 История Авганъ, с. 199.
- 43 Плетнева С. А. Ук. соч., с. 13-35.
- 44 Скалон К. М., Маршак Б. И. Перещепинский клад. Л., 1972; Вернер Йохим. Погребалната находка от Малая Перещепина и Кубрат-хан на българите. София. 1988; Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славени (Каталог выставки) София, 1989, рис. 70, 71.
- 45 Бобринский А. А. Перещепинский клад// МАР № 34, П., 1914.
- 46 Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. Археология СССР. М., 1982, с. 19-28.
- 47 Рыбаков Б. А. Древние русы// СА. 1953, том XVII.
- 48 Fettich N. Archaeologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metalkunst // АН. 1951, том XXI.
- 49 Артамонов М. И. Этническа принадлежност и историческото значение на пастирската култура // Археология, 1969, № 3.
- 50 См. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст. н.е. Київ, 1980 (библиография в этой книге — с. 141-149).
- 51 Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 92; Артамонов М. И. История хазар, с. 171 и сл.
- 52 Артамонов М. И. Ук. соч. с. 202-232.
- 53 Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, с. 100-148.
- 54 Артамонов М. И. Ук. соч., с. 209; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 91.
- 55 Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа, с. 193; Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985, с. 97.
- 56 Плетнева С. А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья (VII — начало X вв.) // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1979.
- 57 Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА, 1958, № 62; Плетнева С. А. От кочевий к городам. В обеих работах см. библиографию по этой обширной тематике.
- 58 Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990, Гл. I , с. 6-79; Кызласов И. Л. Рунические письменности Евразийских степей. М., 1994, с. 15-78.
- 59 Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья / / Плиска-Преслав, 2, София, 1981. В этой работе впервые высказана “теория волн” относительно расселения древнего болгарского этноса в восточноевропейских степях. Теория эта была поддержана болгарскими учеными, в частности Димитровым в указ. выше монографии.
- 60 Плетнева С. А. Хазары. М., 1986, с. 45.
- 61 Амбров А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации// Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.

- 62 Dunlop D. M. *The history of the jewish khazars.* New Jersey. 1954, Гл. V и VI, с. 89-170; Артамонов М. И. Ук. соч., Гл. 15, с. 262-288.
- 63 Коковцов П. К. Ук. соч., с. 97.
- 64 Константин Багрянородный, с. 163.
- 65 Примером может быть большое поселение у с. Джеджови Лозя. См. Выжарова Ж. Славянски и славяно-български селища в Български-те земи от края на VI-XI век. София, 1965. Автор монографии занижает датировки этих памятников, исходя не из материала, а из известного по письменным источникам факта прихода праболгар на Дунай в VII в.
- 66 Димитров Дим. И. Ук. соч., с. 262 и сл.
- 67 Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье . Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989, с. 268-269.
- 68 Български средневековни градове и крепости, том I. Варна, 1981.
- 69 Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, том IV. Симферополь, 1995.
- 70 Заходер Б. Н. Ук. соч., с. 185.
- 71 Артамонов М. И. Ук. соч., Гл. 16, с. 288-323; Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа // МИА, 1958, № 62, М.-Л.
- 72 Константин Багрянородный, с. 171, 173.
- 73 Плетнева С. А. Саркел и “шелковый путь” . Воронеж, 1996.
- 74 Михеев В. К. Ук. соч., с. 97.
- 75 Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье, с. 143, рис. 76.
- 76, Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский могильник // СА, 1976, № 3.
- 77 Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984, с. 178-180.
- 78 Повесть временных лет, том I, с. 178.
- 79 Плетнева С. А. Половцы. М., 1991, с. 62-63.
- 80 Ковалевская В. Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав, 2, София, 1981.
- 81 Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- 82 Кызласов И. Л. Рунические письменности.... с. 15-22, рис. I, табл. IV.

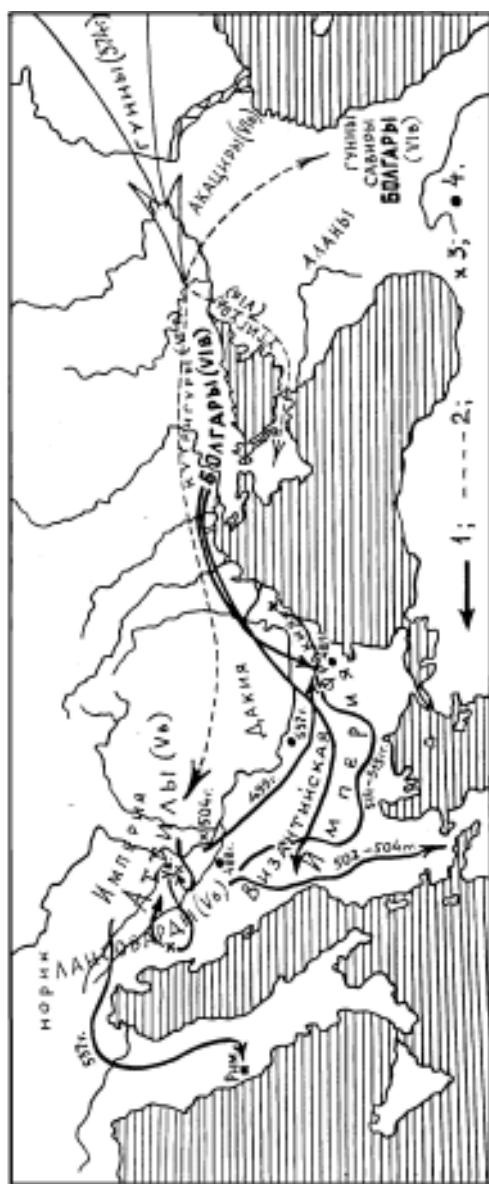

Рис. 1. Карта-схема упоминаний местоположения болгар и их походов в V и VI вв.
Условные знаки: 1 — походы болгар и походы, в которых они участвовали; 2 — основные
пути гуннского нашествия на Европу; 3 — битвы, окончившиеся победами болгар; 4 —
битвы, окончившиеся поражением болгар.

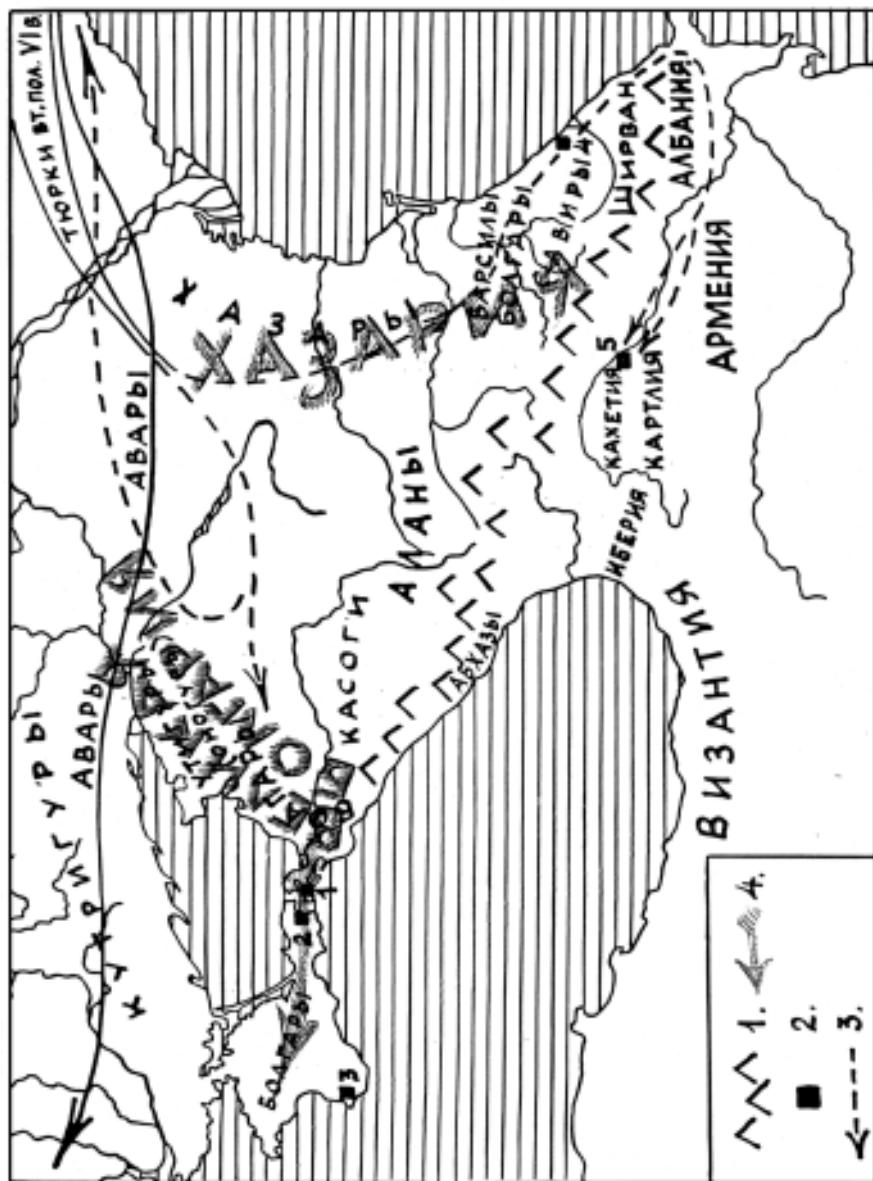

Рис. 2. Карта-схема расположения Великой Болгарии, Хазарии и основных народов и стран, входивших в них и соседивших с ними. Условные знаки: 1 — горы Кавказского хребта; 2 — города; 3 — основные направления тюркских походов; 4 — проникновение болгар в Крым.

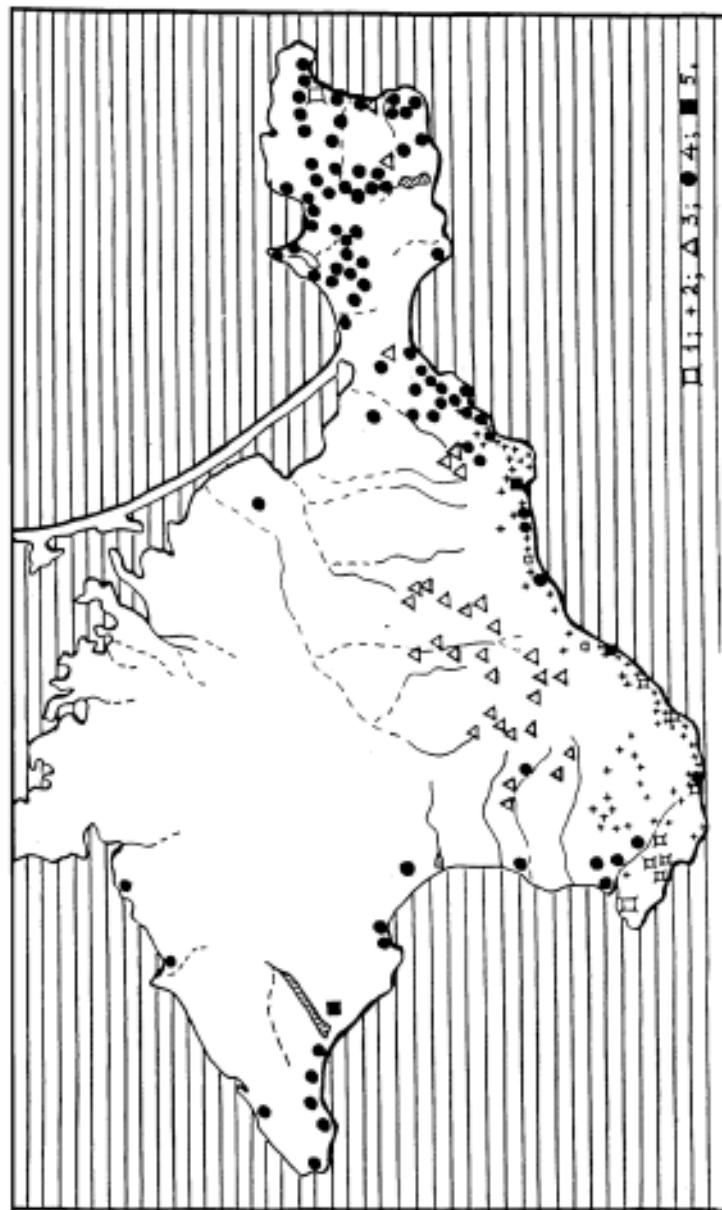

Рис. 3. Расположение поселений в Крыму (карта составлена по данным И. А. Баранова) в VII—X вв. Условные знаки: 1 — византийские города и крепости; 2 — византийские поселения; 3 — болгарские поселения VII в.; 4 — поселения хазарского времени — VIII—X вв.; 5 — хазарские крепости.

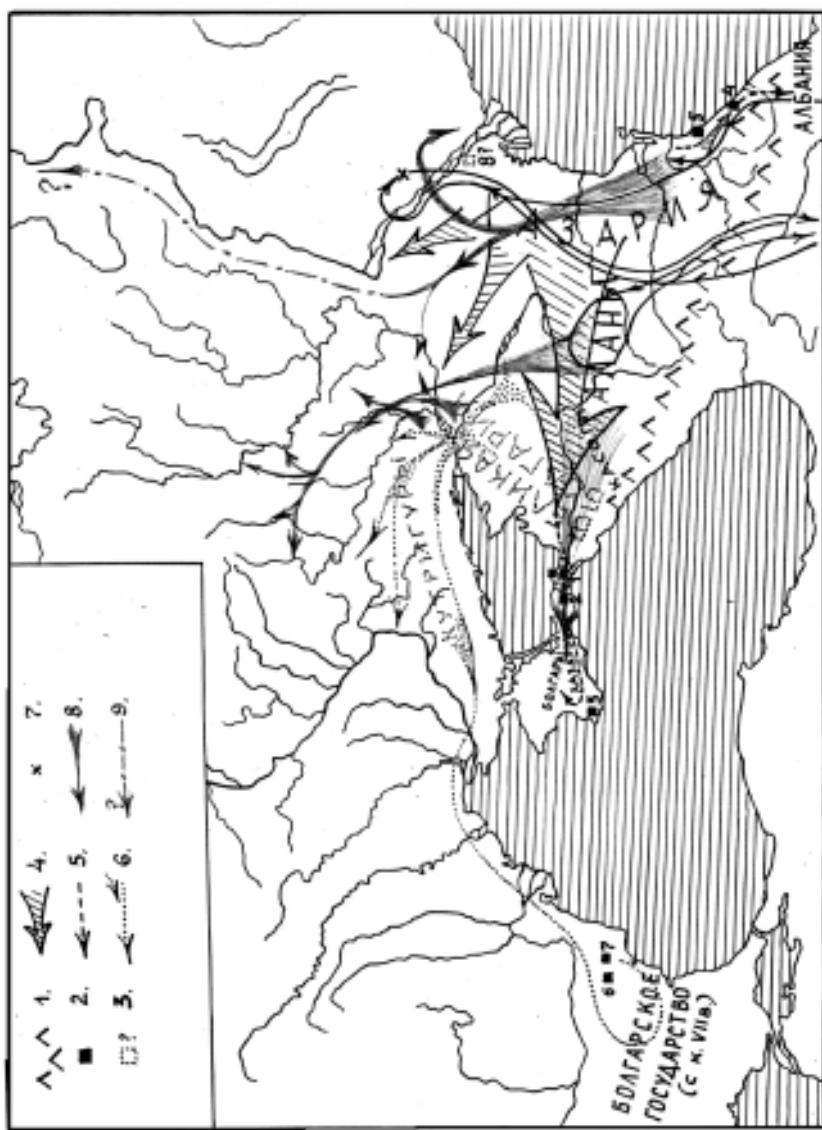
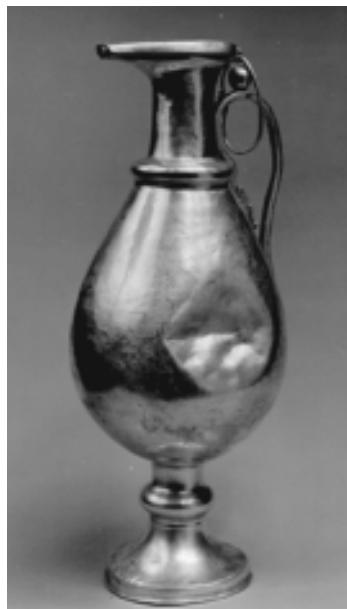

Рис. 4. Карта-схема первого и второго расселения болгар в конце VII и второй половине VIII вв., а также переселения части алан в лесостепные районы бассейна Дона в конце VIII в. Условные знаки: 1 — горы Кавказского хребта; 2 — города; 3 — вероятное расположение ставки кагана на Волге; 4 — направление хазарских ударов во второй половине VII в.; 5 — проникновение хазар в Крым; 6 — откочевки болгар и близкородственных им этносов; 7 — предполагаемое место битвы арабов с войсками хазарского кагана; 8 — переселение болгар и алан после арабских походов (во второй половине — конце VIII в.); 9 — возможное первое отселение болгар и савир из Предкавказья на Среднюю Волгу.

А

Б

В

Рис. 5. Вещи из Перещепинского клада. А — золотой кувшин,
Б — блюдо “епископа Патерна” (золото и серебро),
В — золотые перстни с монограммами ханов Органы и Кубрата.

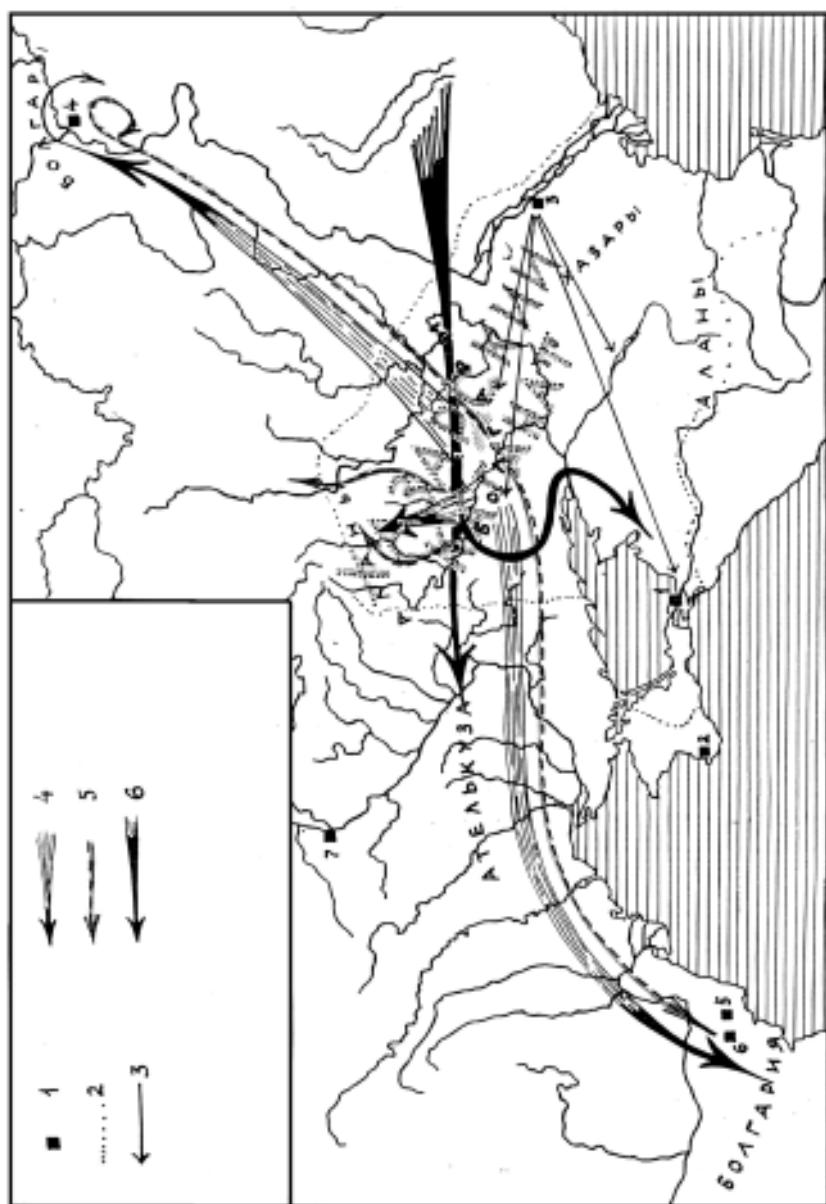

Рис. 6. Карта-схема третьего и четвертого переселений болгар в начале IX и начале X вв. Условные знаки: 1 — города; 2 — примерные границы Хазарского каганата; 3 — возможные направления религиозного давления на болгар из Итиля; 4 — переселение болгар в начале IX в.; 5 — переселение болгар в начале X в. (возможно, частично в конце IX в.); 6 — основное направление печенежского нашествия в начале X в.

А

В

Б

Г

Рис. 7. Вещи IX — начала X вв., характеризующие хазаро-болгарскую культуру.

А — кувшин из Саркела;

Б — кузнечные инструменты с Правобережного Чимлянского городища (хазаро-болгарского поселения);

В — виноградный нож с Правобережного городища, свидетельствующий о наличии вокруг поселения виноградников;

Г — кувшин из Саркела (Х в.).

Е. П. Казаков

Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам)

На всех этапах своей истории волжские болгары находились в тесных контактах с обширным миром тюркоязычных народов. Являясь частью этого мира, волжские болгары всегда сохраняли свою территориальную, политическую и культурную специфику, разительно контрастирующую, в частности, с соответствующими характеристиками соседствующих кочевых языческих племен. В то же время все кардинальные события, происходившие в степях, так или иначе отражались в Волжской Болгарии.

До последнего времени проблема взаимоотношений волжских болгар с тюркоязычными народами остается слабоизученной. В настоящей работе предпринимается попытка, в основном на археологическом материале, выявить привнесенные в страну болгар этнокультурные комплексы и связать их с исторически известными этносами.

Историю Волжской Болгарии (или Булгарии) исследователи разделяют на периоды: раннеболгарский, домонгольский и золотоордынский. В раннеболгарский период болгарские (в данной статье не рассматриваются компоненты угрев и финнов) комплексы на Средней Волге (рис. 1) прямо и непосредственно связаны с древностями салтово-маяцкой культуры, известными по работам И. И. Ляпушкина, С. А. Плетневой и многих других археологов. Это позволило исследователям прийти к единодушному мнению о переселении болгар с юго-востока Европы на Волгу. К настоящему времени, благодаря работам Н. Я. Мерперта, В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова, Е. А. Халиковой и других, на Средней Волге изучено два десятка могильников (вскрыто 1800, преимущественно языческих, погребений) и около 30-ти местонахождений. Отсутствие городищ и селищ с достаточно фиксированным культурным слоем позволяет утверждать, что это был, преимущественно, кочевой, языческий период начального формирования государственности. Наиболее широко исследованными некрополями этого времени являются Кайбельский, I Большетарханский, Танкеевский и Тетюшский.

По материалу I Большетарханского могильника В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков относили время появления болгар на Волге ко второй половине VIII в.¹ С. А. Плетнева отмечала, что болгаро-аланские памятники Подонья с аналогичным материалом датируются с конца VIII в.² Интересно ее предположение, что основная часть болгар ушла на Волгу в середине IX в. в связи с борьбой мусульманской и иудейской партий в Хазарском каганате.³

Учитывая, что типично болгарские захоронения отмечены у г. Волгограда, г. Саратова⁴ можно полагать, что в период расцвета Хазарии

во второй половине VIII — начале IX вв. в Поволжье, в том числе и Среднее, могли состояться сезонные перекочевки болгар. В едином политическом пространстве данного времени на всей этой территории могли мигрировать хазары и аланы. Некоторые материалы позволяют выделить и их комплексы.

В этом выразительные данные дает Шиловский курганный могильник, изученный в 1992 г. Р. С. Багаутдиновым у с. Шиловка Сенгилевского р-на Ульяновской области.⁵ Под двумя курганами выявлены три подбойные могилы. Наиболее богатая состояла из входной ямы и вырубленной в известняке катакомбы. Во входной яме расчищен скелет коня. В дромосе и в катакомбе, дно которой было покрыто толстым слоем древесных углей, в беспорядке находились кости юноши, девушки и мальчика. В беспорядке находились и разнообразные находки (предметы вооружения, конского снаряжения, поясного набора, украшений, посуда: горлышко бурдюка, деревянный сосуд и др.) в том числе золотой солид императора Ираклия и его сына Константина (610—640 гг.). Золотая индикация византийской монеты встречена и в другом погребении. Р. С. Багаутдинов предварительно датировал Шиловские курганы концом VII — началом VIII вв.⁶

Материал данного некрополя до деталей аналогичен проявлениям аланских могильников в лесостепной части салтово-маяцкой культуры. Для них характерны катакомбный обряд, захоронение коня при входе в катакомбу, подсыпка углей и т.д. Вышеописанное богатое погребение совпадает по большинству показателей с захоронениями в катакомбах группы III исследованными С. А. Плетневой в Дмитриевском могильнике. Это так называемые катакомбы с тройными захоронениями, в которых нередко отмечалось ритуальное разрушение скелетов.⁷

Опосредованным свидетельством присутствия аланского компонента на Средней Волге является круговая керамика с приземистым, имеющим наибольший диаметр в нижней части, туловом, встречающаяся в болгарских некрополях. Она была заимствована еще у алан Северного Кавказа, хотя на Волге, наряду с традиционными для болгар лепными плоскодонными горшками, выступает уже как собственно болгарская. Типично аланскими можно считать одноручные круговые сосуды с низким туловом и широко открытой горловиной, встреченные в I Большелтарханском и Танкеевском могильниках.⁸ Эти, т.н. “кружки”, широко бытовали в северо-кавказских памятниках со второй половины VI в. по XII в.⁹ Подобные кружки составляют вторую по численности, после кувшинов, группу керамики на аланских, лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры.¹⁰ С аланскими традициями, возможно, связано положение женщин на боку с подогнутыми ногами в некоторых погребениях Танкеевского могильника (рис. 1, в).

Типичным для центрально-кавказских алан эпохи средневековья является одноручный кувшин из Танкеевского погребения 1140. Он имеет высо-

кую горловину, слив и явно символизирует женскую фигурку. По боковым сторонам в верхней части горловины имеется имитация ушей человека и вставленных в них сережек салтовского типа с напускными бусами.

До настоящего времени остается малоисследованным, вызывающий пристальное внимание историков вопрос о хазарском компоненте в культуре Волжской Болгарии. Общепризнавалось, что, учитывая длительное пребывание страны болгар в составе Хазарского каганата, он должен быть значительным. Вопрос затруднялся тем, что принадлежность тех или иных памятников к хазарам оставалась спорной. Поэтому при характеристике хазар большое внимание обращалось на отрывочные, часто не имеющие твердой привязки к месту и времени, письменные сведения. Из сообщения Ибн-Фадлана мы знаем, что еще в первой четверти X в. Волжская Болгария была в определенной зависимости от Хазарского каганата.

Археологические материалы позволяют выявить комплексы, связанные с хазарами. Так, среди подкурганных комплексов IX в. Ульяновско-Самарского Заволжья выделяется так называемый уренский тип (рис. 2, 2). Он объединяет захоронения на площадках, окруженных округлыми или подпрямоугольными в плане рвами, иногда с перемычками.¹¹ Могильные ямы, имеющие усложненную конструкцию, в том числе подбои, содержали салтовскую керамику, посуду постантитических форм и условно определяемых как "хазарский" (см. ниже) сосуд (рис. 3, 1).

Данные комплексы через подкурганное захоронение, оконтуренное кольцевым ровиком, изученное у с. Абашево Самарского Заволжья,¹² связываются с комплексами более южных районов. Так, аналогичные подкурганные, окруженные рвами, захоронения VIII—IX вв. изучены во многих некрополях низовий Волги и Дона, т.е. в центральных районах Хазарского каганата. Сотрудниками Ростовского университета, в частности, подвергнуты раскопкам V Кировский, V Кастыровский, I Романовский и другие могильники Манычско-Донского междуречья, а также в зоне Донской оросительной системы.¹³ Погребения в этих могильниках находились в ямах, имеющих заплечики и подбои. Несмотря на сильное ограбление, многие из них сопровождались остатками коня, конского снаряжения, вооружения, предметами одежды, золотыми солидами Льва III, лепными, характерными для кочевого населения, плоскодонными горшками с защипами по венчику.¹⁴

Аналогичные подкурганные захоронения исследованы в низовьях р. - Волги Г. А. Федоровым-Давыдовым. Среди них выделяется богатством инвентаря подобное погребение воина с конем под курганом 5 могильника Кривая Лука XXVII (рис. 2, 3).¹⁵ Помимо предметов вооружения, конского снаряжения, поясного набора, золотой серьги, погребенный сопровождался присущей болгарам салтовской круговой посудой и "хазарским" одноручным кувшином с раздутым шаровидным туловом,

украшенным тремя неровными многорядными поясками. На боковых сторонах верхней части шейки сосудов находились полуширные налепы (рис. 3, 2). По форме и орнаменту данный кувшин сопоставим с сосудом из отмеченного II Уренского могильника (рис. 3, 1). Отмечая и близость остального инвентаря, и хронологично (Г. А. Федоров-Давыдов датировал вышеотмеченный комплекс IX — первой половиной X вв.) можно предположительно связывать Кривую Луку XXVII и Урень II с родственными этническими группами.

Исследователи памятников с подкурганными рвами связывали их с печенегами или хазарами.¹⁶ Последние, скорее всего, и оставили данные могильники, так как самые богатые по инвентарю могилы, в том числе с золотыми монетами византийского императора Льва III (717—741) датируются VIII в., когда о каком-либо значительном присутствии печенегов в центральной части Хазарии говорить не приходится. Частые находки византийских изделий, в том числе монет, в указанных памятниках хазар объясняются существовавшим в это время союзом Хазарии и Византии (в 731 г. дочь кагана Чичак была даже выдана замуж за наследника византийского престола), направленного против Арабского Халифата. Отмеченные некрополи концентрируются в междуречье Терека, Волги, Дона и Маныча (рис. 1-А). Это как раз тот регион, что, в основном, оставался свободным от локализованных С. А. Плетневой болгаро-аланских вариантов салтово-маяцкой культуры.¹⁷ Логично предположить, что здесь и мог находиться своеобразный “домен” хазарского кагана.

Относимые к “хазарским” одноручные кувшины с раздутым туловом, вручную украшенные неровными поясками с помощью многозубчатой гребенки и полуширными налепами, встречены и в погребениях конца IX — начала X в. Танкеевского могильника (рис. 3, 37).¹⁸

Во второй трети IX в. в Хазарии разгорается “борьба за веру” между сторонниками мусульманства и иудаизма. Ожесточенно сражающиеся партии призывают к себе на помощь то мадьяр, то печенегов. В конечном итоге печенеги разбили мадьяр и заставили их уйти из Урало-Поволжских степей на запад. После этого печенеги совершают походы на угорские племена Урало-Прикамья. Без поддержки мадьяр последние не смогли отбить нападения и вынуждены были искать убежище у волжских болгар. Во второй трети IX в. прекращают свое существование кушнаренковская, неволинская культуры, исчезают южные ломоватовские и поломские памятники. Носители их в массе переселяются в Волжскую Болгарию. Они оседают в ближайшей к ним северо-восточной части этой страны, где появляются Большиетиганский, XII Измерский, Танкеевский могильники. Во всех из них отмечены характерные проявления культуры угрев: лепная круглодонная керамика с гребенчато-шнуровой орнаментацией, погребальные маски, разнообразные культовые предметы, коньковые, арочные и прочие подвески и т.д.

Печенеги на короткое время заняли земли угров Урало-Прикамья. Возможно, к этому времени следует относить сообщение, сохранившееся в Худуд ал-алам: “На восток и юг от болгар гузы, к западу р. Итиль, на севере — область печенегов”.¹⁹ Впрочем, печенегов с их ярко выраженным кочевым образом жизни всегда притягивала степь. В конце IX в. гузы вынудили их уйти на запад.

Имеются определенные материалы, свидетельствующие о контактах печенегов с волжскими болгарами. Так, яма погребения 623 Танкеевского могильника была, в отличие от других, не узкой, а широкой, а костяк, также в отличие от остальных, ориентирован не на запад, а на северо-восток. На уступе могилы вдоль северной продольной стенки сохранились череп и кости четырех ног от чучела лошади с остатками седла на месте спины (рис. 4). С. А. Плетнева считала подобные захоронения печенежскими.²⁰

В 60-е годы X в. на юго-востоке Европы происходят важные военно-политические события, которые самым непосредственным образомкоснулись и Волжской Болгарии. Нападения печенегов и поход Святослава привел к окончательному разгрому Хазарии. Видимо, из “Черной” Болгарии Кубанско-Азовского региона, где правили потомки Батбая, на Среднюю Волгу переселяется новая волна болгар. Это было уже мусульманизированное население с твердыми земледельческими и ремесленными навыками. Оно привнесло с собой элементы культуры, которых не было у ранних болгар Поволжья, но которые были известны с IX в. в развитых районах салтово-маяцкой культуры: косы-горбуши, прогрессивные типы серпов, лемеха, резаки, разнообразный ремесленный инструментарий. В это время на Волге появляется наследующая позднеантичные традиции Причерноморья и Приазовья т.н. общеболгарская круговая керамика, существующая весь домонгольский период. Она представлена отличающимися от салтовских одноручными кувшинами (рис. 5), корчагами, мисками, горшками, стаканами и т.д. Новая миграционная волна болгар способствовала быстрому завершению кардинальных изменений в болгарском обществе, начавшихся еще со времени Ибн-Фадлана: идентификации, смены язычества мусульманством, укрепления государственности феодальной формации и т.д. С этого времени все, даже сельские некрополи становятся мусульманскими. Этим же временем датируются наиболее ранние слои практически всех (за очень редким исключением) постоянных поселений волжских болгар, не исключая и столичных центров.²¹

Видимо, с этой миграцией в Волжскую Болгию проникают новые элементы кочевого тюркского мира. Так, несмотря на использование болгарами арабского письма, с конца X в. наблюдается широкое распространение руники.²² В это время на памятниках в массе фиксируются лепная керамика с гофрированным венчиком, кувшинообразные сосуды с гирляндообразным орнаментом, изделия с антропоморфными

элементами (рис. 6) и даже котлы с внутренними ушками.²³ Такую посуду из Саркела — Белой Вежи²⁴ исследователи связывают с тюркоязычными кочевниками. Комплексы данной керамики в Волжской Болгарии отмечаются и в XI в. Наиболее выразительно они представлены на Измерском селище (рис. 6). С этого памятника происходит и самая большая коллекция разнообразных ремесленных изделий (более 200 типов накладок, наконечников ремней, пряжек и т.д.) и торгового инвентаря (свыше 200 гирь, десятки весов и их деталей и прочее).

В XI в., вследствие падения Хазарии и слабости северо-восточной Руси, Болгария становится государством, господствующим в экономическом и культурном плане на широкой территории Восточной Европы, контролируя важнейшие речные и сухопутные пути. Высококачественные ремесленные изделия болгар в массе встречаются в землях финнов и угров. Можно полагать, что они успешно реализовались и в среде тюркоязычных кочевников, хотя материала для утверждения этого еще мало. Так, можно отметить использование тюркоязычными кочевниками болгарских изделий в качестве накладок на ремень, на седло.²⁵

Продолжавшиеся весь домонгольский период миграции тюркоязычных кочевников с востока на запад привносили новые элементы культуры в Среднее Поволжье, в том числе и в Волжскую Болгарию. В последние годы на болгарских поселениях в низовьях р. Камы: Речном, Измерском и других селищах встречено значительное число специфичных предметов, имеющих аналогии в далеких памятниках малиновского этапа аскизской культуры. Датируются они концом XI–XII вв. Среди них железная накладка с серебряной аппликацией (рис. 7, 8), т-образные накладки (рис. 7, 2–4), пластинчатая псалия с асимметричными крыльями (рис. 7, 19), фиксаторы султанов на конскую уздечку (рис. 7, 16–18), костяные пряжки (рис. 7, 13). Идентичные предметы представлены в аскизской культуре.²⁶ Возможно, некоторые из этих предметов попадали сухопутным торговым путем, который, по мнению Л. Р. Кызласова и Р. Г. Фахрутдинова, мог связывать Болгию с районами Чулымана в Сибири. Вышеотмеченные предметы характерны для средневековых комплексов хакасов.

В конце XI–XII вв. в памятниках болгар получают широкое распространение новые типы деталей на ремень, изготовленные из сплавов железа. Среди них накладки (рис. 7, 1), короткие массивные (рис. 7, 6, 7, 22) или удлиненные (рис. 7, 9–12) наконечники ремней, пряжки с удлиненным узким приемником (рис. 7, 14, 15) и другие изделия (рис. 7, 5, 24–26). Такие поделки находят параллели в аскизских (хакасских) древностях, а также в памятниках соседствующих с болгарами кочевников Южного Урала.²⁷

Все это может свидетельствовать, что Волжская Болгария нашла свое место в широком мире тюркоязычных народов. Впрочем, если бы эта сравнительно небольшая страна вступила в конфронтацию с соседями, то

исход этого можно предсказать заранее, учитывая, что даже огромная Русь с трудом сдерживал напор кочевников. Некоторые болгарские князья, видимо, участвовали в боевых действиях против своих же вместе с половцами. Так, в сообщении летописи о походе русских на г. Биляр в 1184 г. представитель отряда? прибывшего им на помощь, сообщает князю Всеолоду: “Кланаютсѧ, княже, половцы Емякове; пришли есмо со кназемъ болгарским воевати болгаръ”.²⁸ Встреча эта произошла в центральной части страны — междуречье рек Ахтая и Бездны.

В конце домонгольского периода военное присутствие болгар уже распространялось далеко за пределами их основной территории, доходя до р. Урал (Яик), где их отряды потерпели поражение от наступающих монгольских войск.

После монгольского нашествия, став провинцией Золотой Орды, Волжская Болгария очень скоро восстановила свой экономический потенциал, снова став житницей и “ремесленным цехом” обширного региона. Болгарские ремесленники изготавливали массу изделий, которые распространялись среди кочевого населения Золотой Орды. Так, на II Коминтерновском селище встречено четыре стремени, удила и другие предметы (рис. 8), совершенно аналогичные поделкам из памятников кочевников Урало-Поволжья.

В свою очередь, и тюркоязычные кочевники, особенно в период потрясений второй половины XIV в., переселялись в Волжскую Болгарию. На территории ее насчитывается более десятка языческих некрополей тюркоязычных кочевников (рис. 9). В центральной части страны — Западном Закамье — известны Балымерский²⁹ и Песчанноостровной³⁰ могильники, отдельные женские погребения на Болгарском городище, Лебяжское погребение. Такие погребения появились даже в Предкамье. У с. Рождествено Лайшевского р-на Татарстана на мусульманском кладбище изучено погребение с монетой 759 г. хиджры (1357 г.), сопровождавшееся железными наконечниками стрел, удилами, подпружными пряжками, халцедоновым навершием сабли.³¹ Самое северное погребение, относимое к кипчакам, обнаружено на Камаевском городище в бассейне р. Казанки.³²

Наличие значительной массы кочевого тюркоязычного, преимущественно кипчакского, языческого населения в составе населения Волжской Болгарии вполне объяснимо, так как эта территория объединяла в одном политическом пространстве ряд племен. Не существовало каких-либо государственных границ между болгарами и их соседями, кочующими к югу³³ и юго-востоку от них. Так типично кипчакский могильник выявлен у с. Байряки-Тамак в Бавлинском районе Республики Татарстан. Из разрушенных женских погребений его происходят бронзовые зеркала, железные ножницы, изготовленные в Волжской Болгарии круговые напрясла и серебряная подвеска.³⁴

Вышеприведенные материалы свидетельствуют, что в состав населения Волжской Болгарии на всем протяжении ее истории из районов юго-восточной Европы неоднократно вливались новые, преимущественно тюркоязычные группы.³⁵ В культуре болгар на Средней Волге по археологическим материалам достаточно выразительно выделяются хазарские, аланские, печенежские, позднеболгарские (вторая половина X в.), хакасские, кипчакские комплексы. Некоторые из этих групп вынуждены были искать убежище в стабильной Волжской Болгарии из-за эпохальных политических событий, происходивших на широких пространствах Восточной Европы, другие, постоянно сосуществуя с болгарами, вступали с ними в различные контакты, в том числе и в брачные отношения. О последних, в частности, сообщает Ибн-Фадлан, говоря о жене Алмуша, взятой им из знатного рода огузов.

Волжская Болгария на протяжении большей части своей длительной истории умела находить свою нишу в системе мощных политических объединений Восточной Европы. Добрые отношения болгар с их соседями, видимо, базировались на заинтересованности последних в высококачественных ремесленных изделиях, получаемых в обмен на продукты скотоводства и охоты, и в желании болгар обеспечить спокойствие на своих границах.

Примечания

- 1 Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 65.
- 2 Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА, 1967. С. 135—143 .
- 3 Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 135—143.
- 4 Максимов Е. К. Находки раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 141.
- 5 Багаутдинов Р. С. Шиловская курганская группа // АОУП. Йошкар-Ола, 1994. С. 6—8.
- 6 Багаутдинов Р. С. Шиловская курганская группа... С. 8.
- 7 Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. С. 214—215 и др.
- 8 Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992. С. 133.
- 9 Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, 1962. № 106. Рис. 3, 15, 27.
- 10 Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... — С. 123.
- 11 Багаутдинов Р., Набоков А. Новые материалы о погребальном обряде ранних болгар на Волге // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 17.
- 12 Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Тр. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Т. 230. Куйбышев, 1979. С. 215.
- 13 Копылов В. П. Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы // АО-1979. М., 1980. С. 113; Он же. Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО-1980. М., 1981. С. 113 и др.
- 14 Копылов В. П. Работы в Ростовской области // АО-1981. М., 1983. С. 121; Власкин М. В., Ильюков Л. С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА, 1990, № 1. С. 137—149.
- 15 Федоров-Давыдов Г. Погребение хазарского времени из урочища “Кривая Лука” в

- Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 80—91.
- 16 Власкин М. В., Ильюков Л. С. Раннесредневековые курганы... — с. 150.
- 17 Степи Евразии... — с. 152, рис. 38.
- 18 Казаков Е. П. О взаимодействии волжских булгар с тюркоязычным населением юго-восточной Европы в IX—XI веках (по археологическим данным) // Булгарское село X—XI веков низовий Камы. Казань, 1991. С. 169, рис. 51, 1, 2, 4.
- 19 Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967. С. 45.
- 20 Плетнева С. А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях // МИА, 1958. № 52. С. 153—159.
- 21 Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии... — С. 303—311.
- 22 Казаков Е. П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА, 1985. № 4. С. 178—185.
- 23 Казаков Е. П. Булгарское село... — С. 173, рис. 53, 4, 5, 7; с. 174, рис. 54, 11.
- 24 Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С. 230—239.
- 25 Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 113, рис. 92 и др.
- 26 Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв. // САИ. Вып. Е3-18. 1983. С. 99, табл. XI, 66—68; табл. XII, 32—34 и др.
- 27 Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981. С. 154, рис. 75, и др.
- 28 ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 147.
- 29 Халикова Е. А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. КСИА. Вып. 104. 1965. С. 114—115.
- 30 Руденко К. А. Исследования средневековых памятников в приустьевом Закамье // АОУП. Йошкар-Ола, 1994. С. 118—119.
- 31 Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К. Археологические памятники у с. Рождествено. Изд-во Казанского ун-та. 1962. С. 82—83.
- 32 Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 144—145.
- 33 Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 203, рис. 1.
- 34 Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. С. 94, рис. 47.
- 35 Казаков Е. П. К периодизации кочевнических древностей Закамья VI—XIV вв. (по археологическим данным) // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. II. Уфа, 1992. С. 59—61.

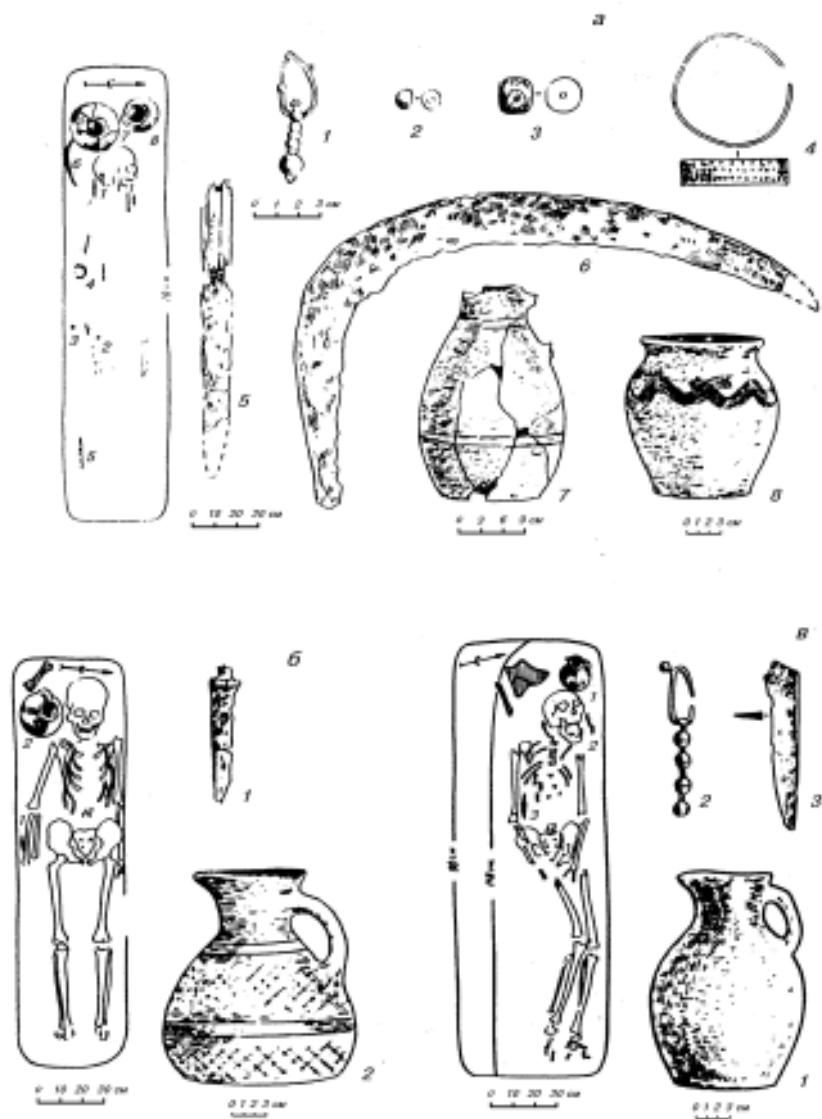

Рис. 1. Болгарские погребения с круговой керамикой из Танкеевского могильника. а — погр. 406, середина X в., б — погр. 527, вторая половина IX в., в — погр. 49, первая четверть X в. а — 1, 4 — бронза; 2, 3 — стекло; 5, 6 — железо. б — 1 — железо, 2 — керамика. в — 1 — керамика; 2 — серебро, 3 — железо.

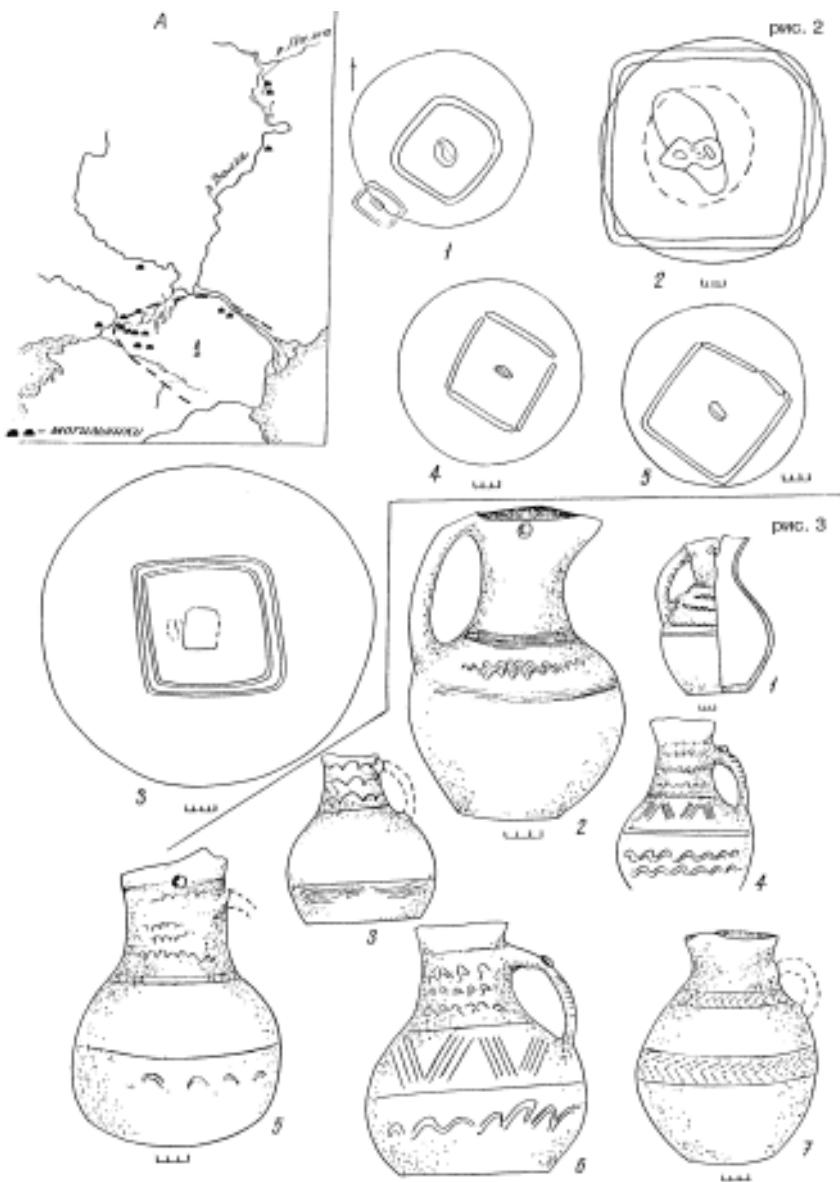

Рис. 2. Подкурганные могильники и погребения с ровиками. А — 1 — предполагаемая центральная часть владения кагана Хазарии. 1 — курган 1 Старомайнского могильника, 2 — курган 4 могильника Урень II, 3 — курган 5 могильника Кривая Лука XXVII, 4 — курган 12 Новосадковского могильника, 5 — курган 22 Новосадковского могильника.

Рис. 3. Одноручные кувшины “хазарского” типа. 1 — курган 5 могильника Кривая Лука XXVII; 2 — погр. 1, курган 4 могильника Урень; 3—7 — керамика из Танкеевского могильника. 3 — погр. 894, 4 — погр. 645, 5 — погр. 870, 6 — погр. 552, 7 — погр. 1130.

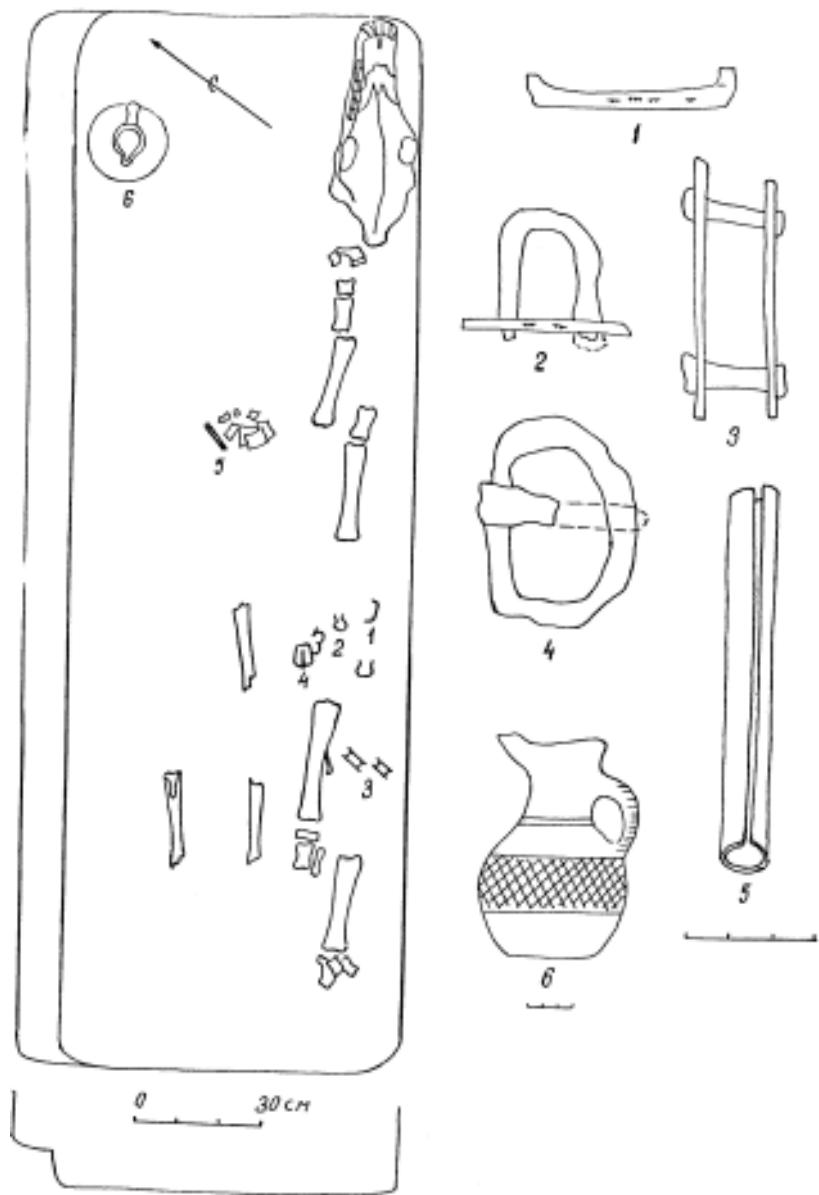

Рис. 4. Погребение 623 (печенежское) из Танкеевского могильника. 1—5 — железо; 6 — керамика.

Рис. 5. Круговая керамика из Измерского селища. Конец X—XI вв.

Рис. 6. Костяные изделия (1, 3) и лепная керамика (2, 4—7) из Измерского селища.
Конец X—XI вв.

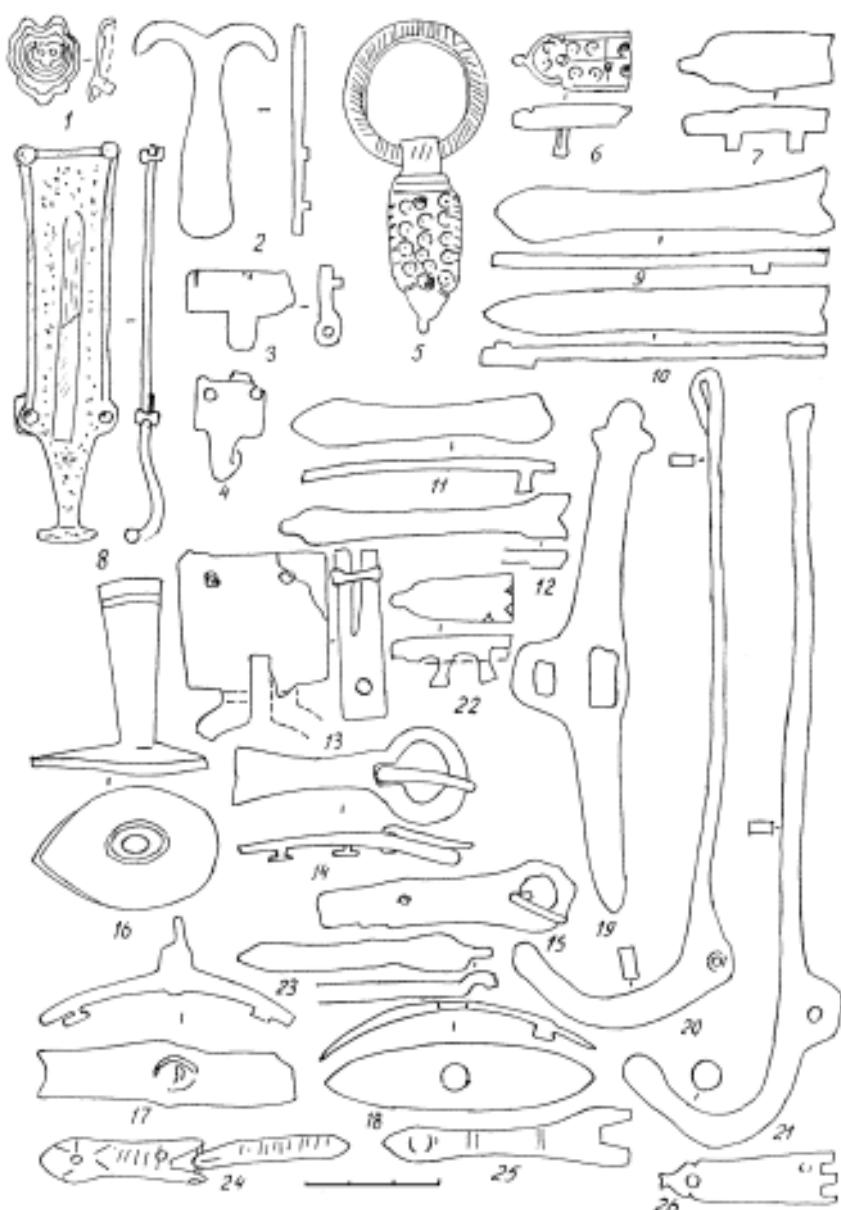

Рис. 7. Металлические изделия с болгарских поселений низовий р. Камы. 1, 17 — Алексеевское VI селище; 2, 3, 6—8 — Остолоповское (Речное) селище; 4, 5, 13, 15, 21 — Измерское селище; 9—12, 14, 18, 19, 21, 23 — Старокуйбышевское I селище; 16 — Старокуйбышевское городище; 1, 5, 6, 23 — сплав металлов; 2—4, 7—12, 14—23, 25, 26 — железо; 13 — кость; 24 — бронза X—XI вв.

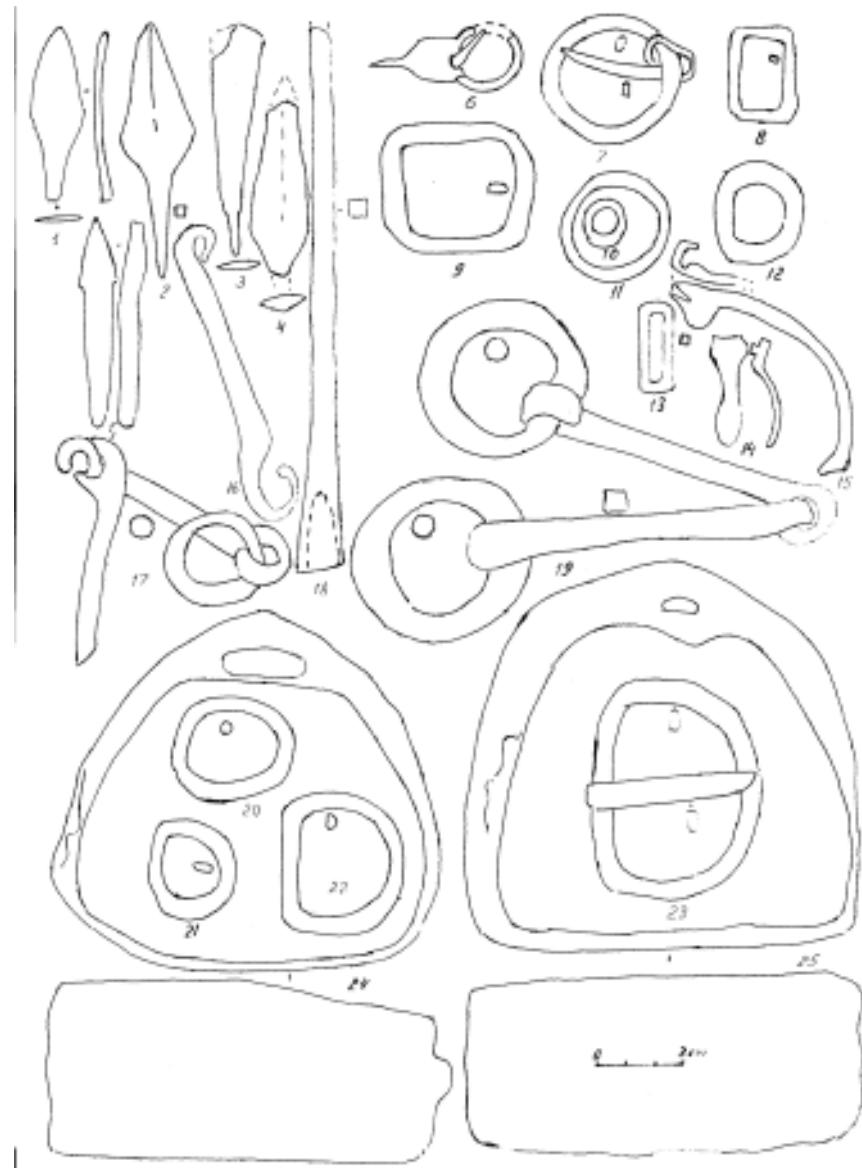

Рис. 8. Железные изделия из Коминтровского II селища. XIII—XIV вв.

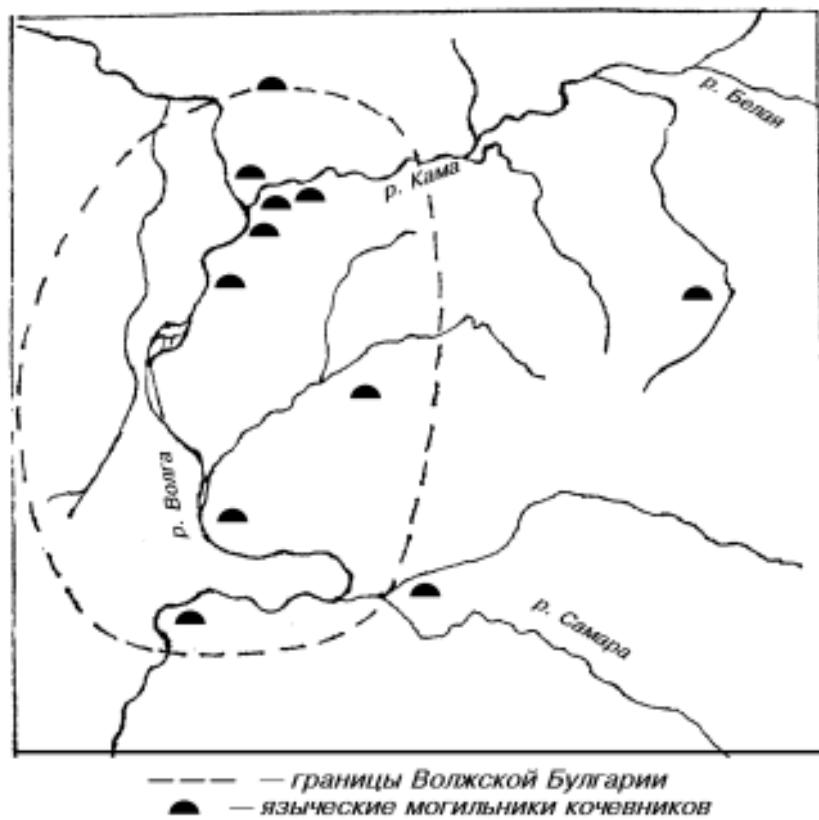

Рис. 9. Могильники тюркских кочевников в Волжской Болгарии и около нее. XIV в.

Н. А. Кокорина

**Основные тенденции развития культуры
Волжской Булгарии в золотоордынский период
(по данным керамики)**

Культура Волжской Булгарии после монгольского завоевания переживает значительные перемены. Керамика является тем ярким диагностирующим материалом, в котором отражаются эти изменения. В данной статье, основанной на результатах сопоставительного анализа посуды Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов [1—3], затрагиваются лишь основные тенденции развития булгарской культуры золотоордынской эпохи, которые могут быть реконструированы по данным керамики.

Завоевательные походы монголов вызвали изменения территории, расселения и состава этнокультурных групп населения Волжской Булгарии [4]. Этнической карте характерно более широкое, чем в домонгольский период, расселение булгар (1) и булгар-сакетимов (XIII группа). Ареал последних выходит теперь за пределы районов Джукетау и Биляра: на севере доходит до Казанки, на востоке — до пермского Прикамья, на западе — до Свияги [3, с. 8, 9, 160].

В поволжских центрах (Болгар, Иски Казань) бытует новая — XIX-ая группа, представленная ремесленниками и купцами — выходцами из Хорезма. Носители этой группы керамики имеют тесные связи с булгарами-сакетимами и тюркизированным финно-угорским населением, вышедшим из районов Верхнего Прикамья (XVIII группа). Свидетельством тому посуда с симбиозными технологическими, морфологическими и декоративными признаками [2, с. 38—49; 5, с. 129—130; 3, с. 14]. Т. А. Хлебникова указывает на присутствие керамики XIX группы в торгово-ремесленных кварталах Болгара (до 10%) вместе с XVIII-ой. Быть может, об этой группе населения упоминает В. Н. Татищев в “Истории Российской”: “Болгары сами о себе скажут, что издревле на Волге жили и язык особый имели, но татарами переведены и с верою купно язык татарской, приняв, употребляют” [6, с. 447].

Своебразная сероглиняная посуда тюрко-угорских традиций (XVII группа), преобладающая в домонгольский период в Суваре и Рождествене [1, с. 201—205], встречается теперь в основном в Болгаре (2, с. 27—29) и реже в Иски Казани и Джукетау [3, с. 9, 10, 13, 14]. На поволжских поселениях заметно увеличилось количество древнерусской посуды (XIV группа): 1,2% на Болгарском и до 16—19% на Сюкеевском городища (7, с. 87, 8). Высокий процент ее в Сюкееве связан, возможно, с использованием подневольного труда пленников в железоделательном производстве и в каменоломнях, выявленных на данном городище. Столь же заметна в этих памятниках поволжская финно-угорская или т.н. “славяноидная” по-

суда (XVI группа): Сюкеевское — 11—12%, Русско-Урматское — 2—5%. В результате контактов булгар и булгар-сакетимов с носителями этих групп керамики в крупных городах (Болгар, Иски Казань) возникает к концу XIV в. гибридная — XX группа [2, с. 49—51].

В центральных и северо-западных районах Предкамья значителен процент поволжско-финской керамики (XXII группа), принадлежавшей мари, мордве и отчасти северным удмуртам (Камаевское — до 3—6%). На востоке Предкамья продолжаются контакты древнеудмуртского населения (ары, VI группа) с булгарами и булгарами-сакетимами, а также с южными соседями — башкирскими уграми (VII группа, т.н. чияликский тип, по Е. П. Казакову) [3, с. 13—15]. Керамика последней группы особенно заметна в Центральном и Восточном Закамье [9, с. 42—47]. Учитывая ареал этой угорской группы и возможную связь ее носителей с городком-крепостью на Нижней Каме по имени Паскерти, согласно Карты братьев Пицигани 1367 г. [10, с. 131], можно предполагать, что они играли определенную роль в защите булгарских городов. Этой группе близка VIII-ая — тюркизированные угры с корнями из юго-восточных районов Башкирии, которые в основном слились с булгарами. Часть их переселилась в Пермское Прикамье (Кыласово городище) и, возможно, в горно-лесные районы Урала [3, с. 8].

Недостаточно изученной остается керамика XXI группы, связанной с кыпчаками-шарами и известной в значительном количестве уже с X—XI вв. в Биляре и Джукетау. В золотоордынский период ее ареал заметно расширяется: Иски Казань, Чаллынское и Сюкеевское городища, ряд поселений Восточного Закамья [3, с. 10, 15, 17]. На Карте братьев Пицигани между Сакетимом (Джукетау) и Паскерти на Каме указан городок по имени Шар [10, с. 131]. Вспомним в связи с ним о топонимах с основой “шар”, выявленных в Закамье Г.В.Юсуповым [11, с. 8, 77, 78]. Можно предполагать их связь с кыпчаками-шарами.

Таким образом, этнический состав населения Волжской Булгарии в золотоордынский период обновляется, благодаря небольшому включению тюркоязычного населения (XIX, XXI, XVIII), более значительному — поволжско-финского (XXII), смешанного финно-русско-татарского (XX), угорского (VI-2) и русского (XIV, XVI группы).

Формирование общебулгарской посуды (I группа) в эту эпоху протекает под знаком не только этнических, но и политических, экономических и социальных факторов. В керамике отражаются как регressive последние завоеваний, войн и смут, имущественная дифференциация городского и сельского населения, так и устоявшиеся вековые традиции. Среди них особенно ощущимы традиции юго-восточных истоков, привнесенные кыпчаками-шарами (XXI) и выходцами из Хорезма (XIX группа).

В городских центрах ее общее количество сокращается до 80%, на сельских поселениях — до 40%, хотя по отношению к остальной доле

общебулгарской — 94—96% — сохраняется с XII в. до конца XIV в. В начале и в конце золотоордынского периода наблюдается возврат к архаичным примесям в виде рубленой травы, шамота и дресвы. Рецептура теста разнообразна, однако наблюдается дальнейшее запесочивание [4, с. 124—127], свойственное керамике XXI и XIII групп. В начале и в конце периода несколько понижается качество отделки и обжига. Напротив, керамика первой половины и середины XIV в. в этом отношении более высокого качества. В это время появляются новые типы мощных печей и совершенствуется гончарство в целом [12—14]. В цветовой гамме в основном сохраняются сложившиеся традиции населения Волжской Булгарии. На западных поволжских поселениях преобладает красно-коричневая, на восточных прикамских — желто-коричневая. К концу XIV в. увеличивается доля серой и желтой, появляется черная. Сохраняются все виды лощения — сплошное, перекрестное, полосчатое, с преобладанием последнего. Перекрестное лощение, столь характерное для раннебулгарской посуды, чаще встречается в керамике второй половины XIII и XIV в. и крайне редко в первой половине XIV в.

Булгарской поливной посуде с X—XI вв. были свойственны желто-коричнево-зеленые тона, а с конца XIV в. появляются изделия в новой — вишнево-малиновой — гамме. Преобладает, однако (около 10% в Болгаре и Иски Казани), разнообразная полихромная керамика (около 50 видов), выполненная в традициях крупных городских центров Хорезма, Ирана, Закавказья, Крыма [15, с. 101—102]. Местными поставщиками такой посуды, наряду с изделиями цветного стекла, становятся в это время Болгар и Иски Казань [16,17].

Ассортимент посуды и других керамических изделий в золотоордынский период значительно вырос. Наряду с известными появились новые виды: кумганы, тазы, дастарханы, копилки, водопроводные и дымоходные трубы, грузила, ядра и иные изделия специального назначения. Стали многообразнее формы столовой, кухонной и тарной посуды. В типологическом отношении они подразделяются на переходные, непереходные, новации и реминисценции. На примере горшкообразных, как наиболее этнодиагностирующей форме, можно проследить следующее. Все восемь типов домонгольского периода, имеющих определенные этнические традиции, продолжают бытовать и в золотоордынский. Возникает ряд симбиозных подтипов. В конце периода в Болгаре появляются горшки типа 9 (с ушками), истоки которых Т.А.Хлебникова [2, с. 77] видит на Нижней Волге, и которые можно связать с посудой сармато-аланского населения (саксины?). Наибольшее количество и разнообразие наблюдается в типах юго-восточных (гузо-кыпчакских) традиций, известных уже с X—XI вв. В то же время происходит сокращение форм юго-западных (болгаро-салтовских) истоков (рис. 1, 2).

Среди кувшинов большая часть типов (19 из 31) юго-западных истоков (Кавказ, Крым); преобладают они и количественно. Необходимо отметить редкие типы (рис. 3, тип 1), которые сохраняют свои морфологические признаки от раннебулгарского времени вплоть до XV в., в том числе с тамгой правящего булгарского рода (Иски Казань), что для этого времени явление редкое [18, с. 89—94]. Среди кружкообразных появляется новая форма в виде кубка (рис. 5, тип 12). Подобные или сходные сосуды изображены на каменных изваяниях из Восточного Казахстана [19, рис. 8,6] и Алтая [20, табл. XV, 98].

Корчаги представлены шестью типами различных традиций, продолжающих развитие домонгольских. Однако корчаги салтово-болгарских форм, хотя и бытуют до конца XIV в., постепенно количественно вытесняются типами юго-восточных истоков или их модификациями (рис. 6). На примере корчаг особенно заметно сходство с посудой южных средне-азиатских центров, что, вероятно, было обусловлено необходимой стандартизацией в условиях активной торговли той эпохи. Во многих отделах блюдообразных появляются новые типы — модификации юго-восточных истоков. Почти все они имеют аналогии в посуде Хорезма. Среди мискообразных значительно больше бытует типов прикамско-приуральских традиций, что связано, вероятно, с активными контактами финно-угорского и булгаро-татарского населения.

Итак, изучение керамики золотоордынского периода позволяет заключить следующее. Сокращение количества керамики, ухудшение ее качества в начале и в конце этого периода связано с разрушением ремесленных мастерских и гибелью самих гончаров, общей смутой и переселением людей на новые земли. Сказались также и изменение сырья, приспособление к новым теплотехническим сооружениям, поиски оптимальной технологии. Со стабилизацией политической и экономической жизни в Золотой Орде с рубежа XIII—XIV и до середины XIV вв., с повышением в этой связи статуса таких булгарских центров как Болгар, Джукетау, Иски Казань и др. гончарное ремесло получило в своем развитии новый мощный импульс. Увеличение и усложнение ассортимента изделий, трудоемкость производства некоторых из них (трубы, изразцы, разнообразная поливная посуда, предметы из цветного стекла), появление новых рынков сбыта булгарской гончарной продукции внутри и вне Золотой Орды требовали большого притока рабочей силы и использования опыта различных ремесленных традиций и школ. Их средоточием стал Болгар, где и происходил обмен опытом и взаимовлияние этих школ и традиций.

Сокращение керамики болгаро-салтовских истоков, наблюдаемое в типах и клеймении посуды, явилось отражением этнополитических перемен той эпохи. Слияние трех основных компонентов булгаро-татарской культуры — болгаро-салтовского, огузо-кыпчакского и финно-угорского — протекало еще в домонгольский период [1, 3]. Этот процесс

продолжается и в золотоордынское время [3], дополняясь родственными включениями. Более заметными становятся в этот период включения финно-угорского и русского населения.¹

Примечания

- ¹ Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Булгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1978.
- ² Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара // ГБОРД. М.: Наука, 1984.
- ³ Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV вв.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1991.
- ⁴ Автор придерживается и продолжает классификацию булгарской керамики по этнокультурным группам, предложенную Т. А. Хлебниковой.
- ⁵ Васильева И. Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // ГБОРД. М.: Наука, 1984.
- ⁶ Татищев В. Н. История Российской. М.; Л.: Наука, 1964.
- ⁷ Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье. Казань, 1985.
- ⁸ Материалы раскопок Сюкеевского городища любезно предоставлены мне для обработки М. Ш. Галимовой.
- ⁹ Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978.
- ¹⁰ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.: Наука, 1985.
- ¹¹ Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- ¹² Кокорина Н. А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань, 1986.
- ¹³ Васильева И. Н. Теплотехническая характеристика гончарных горнов Волжской Булгарии // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
- ¹⁴ Васильева И. Н. Технология гончарного производства населения Волжской Булгарии в X—XIV вв.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1989.
- ¹⁵ Волков И. В. О происхождении гончарства и распределении керамики в Золотой Орде // Вопросы этнической истории Волго-Донья: Матер. науч. конф. Пенза, 1992.
- ¹⁶ Полубояринова М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // ГБОРД. М.: Наука, 1988.
- ¹⁷ Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984.
- ¹⁸ Кокорина Н. А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- ¹⁹ Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. № 4.
- ²⁰ Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.

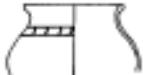
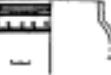
типа даты	1-5	4	
XII-XIV вв.			
XII-XIV вв.			
XII-XIV вв.			
XII-XIV вв.			
	6	5	3
XII-XIV вв.			
XII-XIV вв.			
XIV в.			

Рис. 1. Преемственность горшкообразных форм.

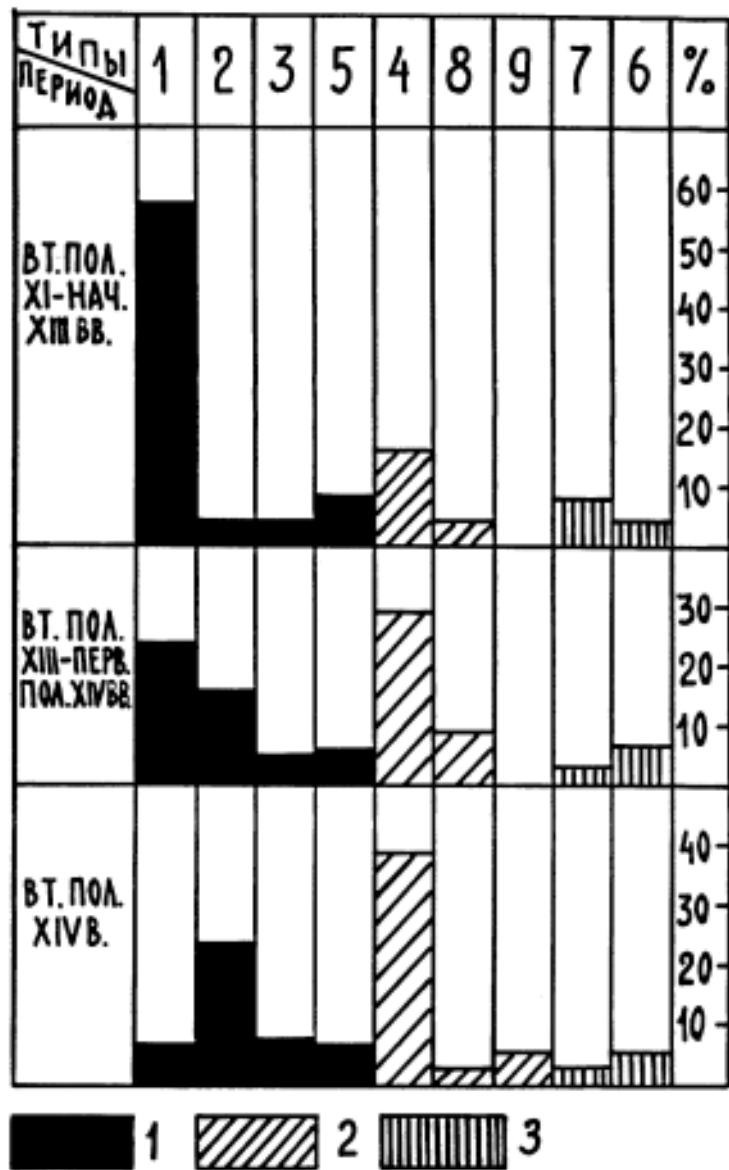

Рис. 2. Количественное соотношение горшкообразных: 1 — типы юго-западных болгаро-салтовских истоков, 2 — типы юго-восточных огузо-кипчакских истоков, 3 — типы прикамско-приуральских финно-угорских истоков; легенда верна и для рис. 4.

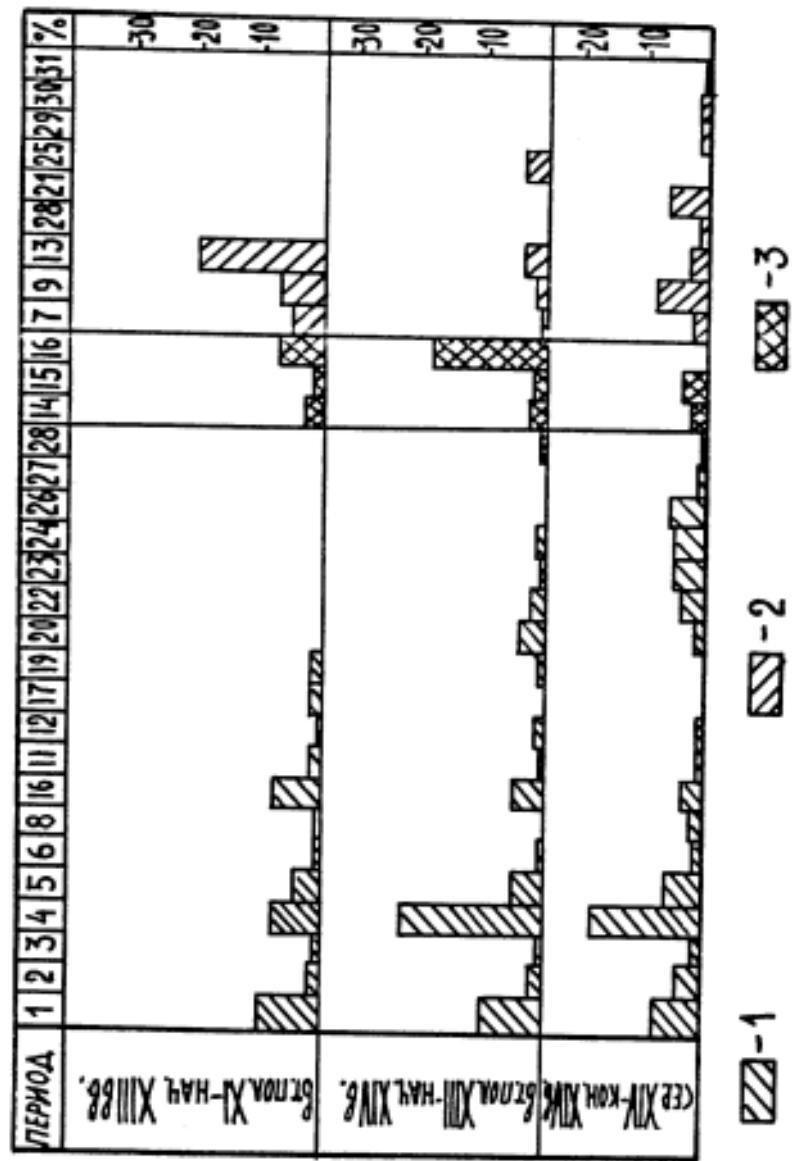

Рис. 4. Количественное соотношение типов кувшинов.

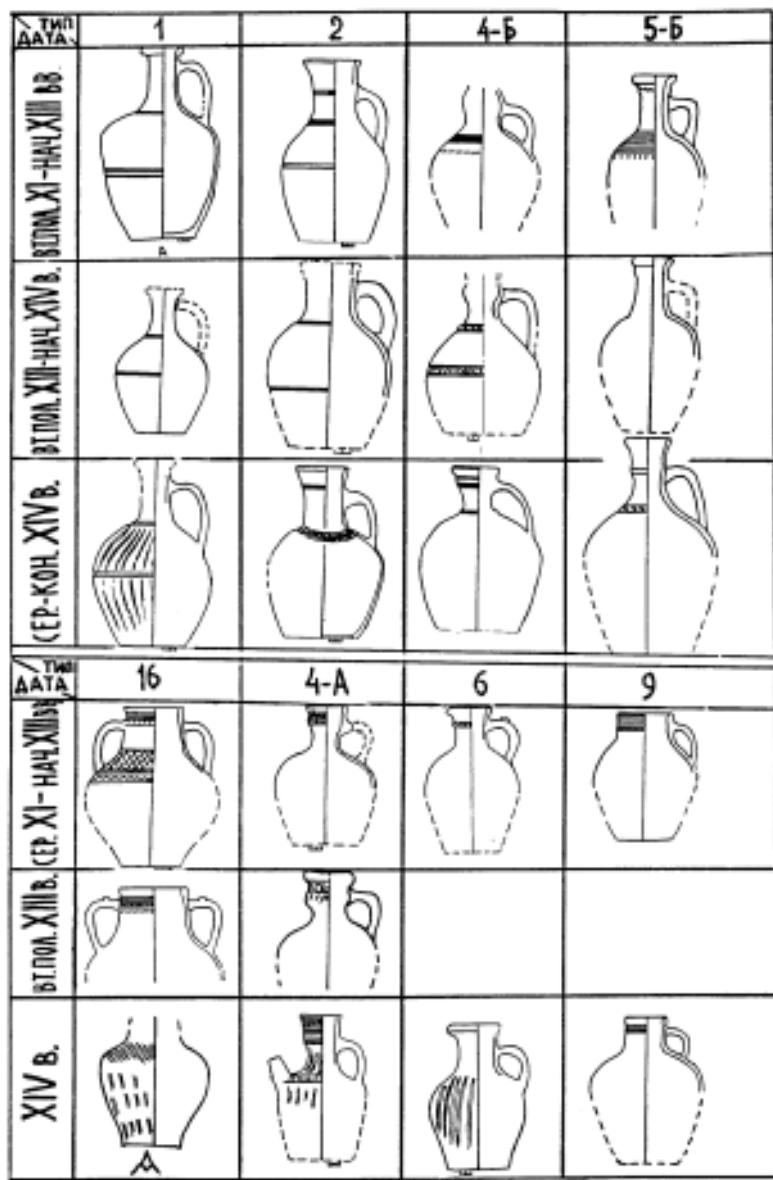

Рис. 3. Преемственность кувшинообразных форм.

ТИП ДАТА	1	3	5	6
ДАТА МЕДИА-НАЧ-НВ.				
ДАТА СЕР-ХОН-ХIV в.				
ДАТА	8	11	12	
ДАТА МЕДИА-НАЧ-НВ.				
ДАТА МЕДИА-НАЧ-НВ.				
XIV в.				

Рис. 5. Преемственность форм кружек и кринок.

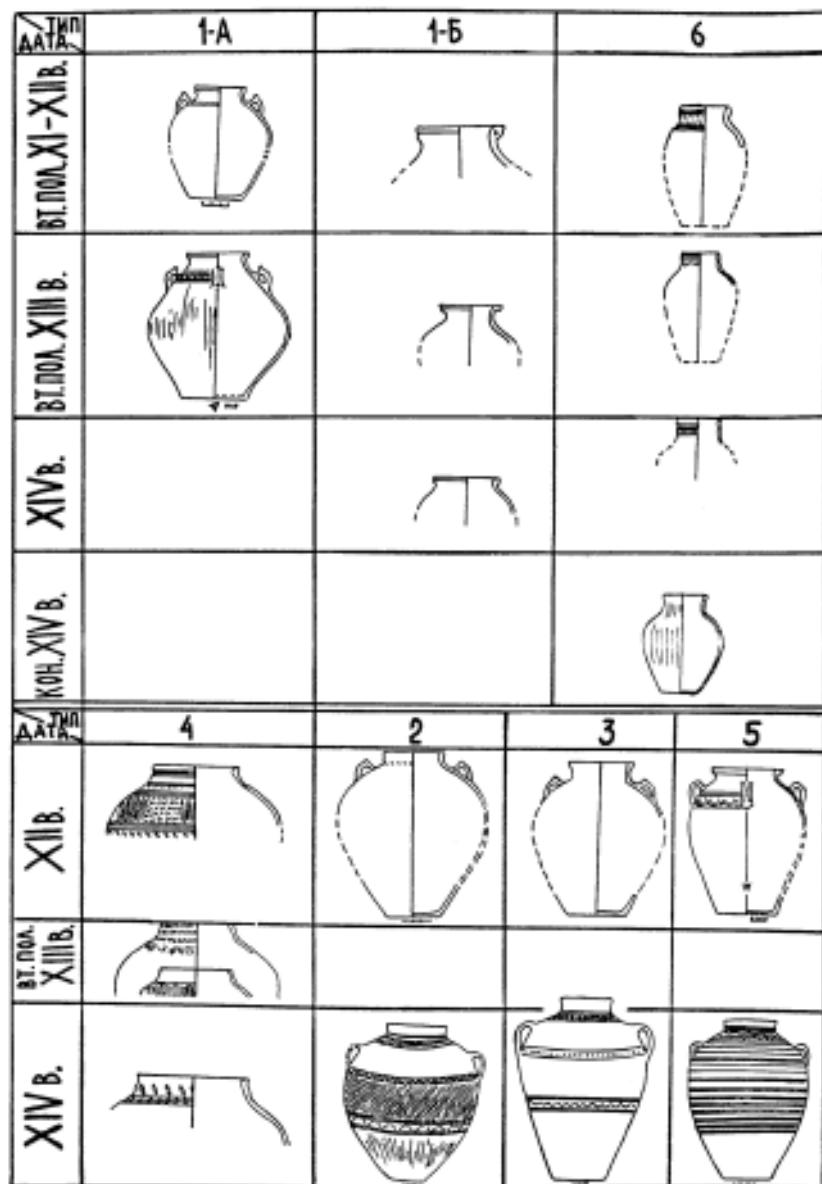

Рис. 6. Преемственность корчагообразных форм.

Г. А. Федоров-Давыдов
**Некоторые итоги изучения
городов Золотой Орды на Нижней Волге**

Долгое время в советской историографии тема Золотой Орды, ее истории и культуры была полузапретной, нежелательной. Тем не менее такие ученые как Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский сумели выпустить в 1950 г. знаменитую книгу “Золотая Орда и ее падение”.¹ Основным пробелом этой книги было отсутствие нового археологического материала. В ней использованы, да и то бегло, иллюстративно, только коллекции из старых раскопок XIX века на Царевском городище А. В. Терещенко.

И в самом деле, археологических работ на золотоордынских городах почти не было. Систематически раскапывался один только Болгар. Но он считался не столько золотоордынским, сколько болгарским. Можно назвать очень незначительные раскопки Ф. В. Баллада на некоторых золотоордынских поселениях и городах Нижневолжского региона, исследования, так же весьма незначительные в Азове, в Крыму, Можше, в Старом Орхее, памятников Золотой Орды близ Воронежа, у Запорожья. Главные золотоордынские города еще ждали своих исследователей.

В 1959 г. А. П. Смирнов и автор этой статьи выступили с инициативой восстановления старой, забытой темы российской археологии, призывая к возобновлению археологического изучения южных городов Золотой Орды.²

В том же 1959 г. эти раскопки начались. Их проводила и проводит по сей день Поволжская археологическая экспедиция. Сначала скромные, они достигли внушительных размеров в 1970—1980 гг. Копались Царевское, Селистренное, Водянское городища в Волгоградской и Астраханской областях. Вслед за ними стали исследовать золотоордынские города и поселения в Крыму, в частности Старый Крым (золотоордынский город Крым, он же Солхат), в Молдове — Старый Орхей (возможно, золотоордынский город Шехр ал-Джедид), Костешты и другие, Белгород-Днестровский (средневековый Аккерман, он же Монкастро), Азов (золотоордынский Азак), Сарайчик и некоторые мелкие золотоордынские поселения на реке Урал, Маджары и другие золотоордынские поселения на Северном Кавказе.

В 1959—1968 и с 1994 г. по настоящее время Поволжской археологической экспедицией раскапывалось Царевское городище (Новый Сарай) на Ахтубе, в 100 км ниже Волгограда (вскрыто около 9 800 м²). Материалы этих раскопок полностью опубликованы.³

В 1967—1974 годах проводились раскопки Водянского городища (Бельджамен ?) близ г. Дубовки в 40 км выше Волгограда на правом берегу Волги (вскрыто около 5 000 м²). Материалы почти полностью опубликованы.⁴ В 1969—1971 годах и с 1975 года по 1995 г. Поволжской

археологической экспедицией велись раскопки Селилренного городища (Сарай) на Ахтубе в 120 км выше Астрахани (вскрыто около 20 000 м²). Некоторая часть этих материалов опубликована⁵ (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972; Булатов, Федоров-Давыдов, 1989; Зиливинская, 1989). Кроме этих трех крупных городиц в последнее время астраханскими археологами раскапывались золотоордынские поселения у Красного Яра и у поселка Комсомольский, у Шереного Бугра, предполагаемый золотоордынский город Хаджи-Тархан — все в южной части дельты Волги.

Золотоордынские города были особым историческим явлением. Уже в XIII в. в правящей верхушке Монгольской империи нашлись люди, которые поняли, что нужно перейти от набегов и грабежей оседлого городского населения к его систематической мирной эксплуатации. Кочевая знать улусов постепенно переходит к политике поощрения ремесел и торговли. Рост городов стимулировался сильной центральной властью, которая обеспечивала их переселенными ремесленниками из покоренных стран и создавала относительное спокойствие на торговых путях. Вначале эти города возникают как форпосты власти завоевателей и административные центры, как перешедшие к оседлости ставки ханов, окруженные дворцами вельмож. Позднее они обрастают жилищами рабов, зависимых людей, усадебных ремесленников, вольноотпущенников. Сильная власть хана создавала такую обстановку, что города могли обойтись без фортификации. Ханы даже запрещали им ее иметь, боясь сепаратизма и сопротивления их власти. Только во второй половине XIV века, когда обострились междуусобицы, появляются кое-где у городов Золотой Орды укрепления.

Любимым местом хана, и не только любимым, но и обязательным для него, остается кочевая Орда, его официальная резиденция. Огромный движущийся по степи город на колесах, с мечетями, мастерскими и рынками, Орда — зимой, видимо, подходила к городским столицам.

Искусственное сосуществование кочевых орд и городов с их мощным ремеслом и торговлей держалось только объединяющей силой общей ханской власти. В степи пышно распускается совершенно чуждая кочевникам яркая городская культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, мусульманской духовной учености, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. Эта культура не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи. В отличие от Болгара и Хорезма.

Золотоордынские города Нижнего Поволжья возникли на “пустом месте”. Нигде не обнаружено подстилающего предмонгольского слоя (исключение составляет только поселение у с. Самосделки близ Астрахани, где обнаружен довольно мощный подстилающий, возможно, предмонгольский слой).

Золотоордынские города развились в быстрые сроки в результате градостроительной деятельности золотоордынских ханов, поддержива-

лись их политикой и, как только центральная власть стала терять силу, пришли в упадок. Золотоордынские памятники хранят не только красивую керамику и изразцы да роскошные предметы аристократического быта, которые поразили всех еще во времена первых раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище в 1840—1850-х годах.⁶ В исследовании центральных золотоордынских городищ был ключ к пониманию важнейшего явления истории — образования, существования и распада одного из монгольских государств — Улуса Джучи — явления настолько масштабного, что оно оказalo влияние на общий ход мировой истории.

Требовалось изучить состав этих городов. Путь к этому лежал через вскрытие больших площадей. Было открыто множество домов и довольно полно исследовано несколько усадеб. Теперь мы уже кое-что можем сказать о социуме золотоордынского города.

Прежде всего было построена классификация золотоордынских жилищ, почти неизвестных ранее.⁷ Она очень чутко отражает социальный состав населения городов. Были выявлены землянки двух типов. Большие прямоугольные без специальной отопительной системы (в среднем площадью около 18 м²), как мы предполагаем, предназначались для рабов; это своего рода камеры, где подневольных работников запирали на ночь, давая для обогрева только жаровни. Более мелкие землянки (площадью в среднем 10—11 м²) представляли жилища бедных, но располагавших большей свободой индивидуальных семей. Они имели суфы-лежанки и печи с горизонтальными дымоходами, т.н. каны.

Рангом выше стоят дома, частично заглубленные в землю. Они тоже имеют суфы и каны. Наиболее бедные наземные дома имели деревянные стены и внутренние кирпичные сырцовые сооружения — стенки суф и канов. Стены — деревянные рамы из брусьев, каркасные и фахверковые конструкции. Характерна систематически повторяющаяся планировка — П- или Г- образные суфы и печи с канами в одной из частей суфы. Значительную часть жилой площади занимает суфа.

Следующий по рангу уровень домостроительства составляли дома с деревянными стенами на кирпичных сырцовых цоколях. Они повторяли планировку домов с деревянными стенами. Полы, как и у полностью деревянных домов, могли быть мощенными жженым кирпичом и имели иногда в центре умывальник — тошнау.

Наиболее богатыми из однокомнатных домов представляются дома с полностью кирпичными сырцовыми стенами, сложенными в несколько рядов. Иногда они имели по два помещения — жилую комнату и каморку для хранения и приготовления продуктов.

Площадь однокомнатных домов в среднем около 25—30 м² (площадь их пола в среднем 11—12 м²). Жилища часто соединялись попарно. Получались конструкции из двух симметрично спланированных домов. Тенденция соединять отдельные дома в сложные конструкции при-

вела к тому, что в золотоордынских городах возникли многокомнатные дома, представлявшие простое механическое соединение однокомнатных. При этом соединяемые ячейки имели повторяющуюся планировку, часто отдельные входы. Могли объединяться дома и с деревянными, и с кирпичными стенами. Площадь таких жилых ячеек — по 15—30 м.²

И наконец, вершину этой иерархической лестницы жилищ, отражающую образ жизни верхового слоя общества золотоордынского города, представляют богатые, многокомнатные дома, иногда дворцового типа.

На усадьбе в юго-восточной части Царевского городища раскопан дом в виде группы помещений, расположенных по периметру небольшого квадратного внутреннего дворика. Основу его представляют два дома на противоположных углах двора, с канами и сухими и с печами для изготовления лепешек — тандырами (соединение кана с тандыром — характерная черта золотоордынского домостроительства). Позднее на двух других углах двора выстраивают еще два примерно таких же дома, и вся конструкция получает симметричную по отношению к центру планировку. Другие помещения по периметру двора — хозяйственные камеры. Рядом с этой усадьбой была раскопана еще одна — с более богатым домом. В начальный период своего существования это был сырцовый дом с мощными стенами, с двумя большими комнатами: одна пустая, другая — с печами, каном и сухой. Позднее на его месте был построен другой дом из жженого кирпича, также с массивными стенами, прямоугольный в плане. В середине длинной фасадной стены с двумя ложными башенками под углом была ниша портала, за ней ряд помещений, деливших весь дом на две части. Внутренние стены делили на 11 несимметричных помещений.

На Селитренном городище исследовано три богатых, многокомнатных дома.

Один из них имел внешние капитальные стены, сооруженные из большемерных сырцовых кирпичей. В середине двух противоположных стен (северной и южной) были симметричные ниши с проходами. Они вели в центральный зал. Посетитель, минуя южный проход, входил в зал с кирпичным полом, окаймленный с боков узкими ступеньками из кирпичей сложенными на них досками. В середине зала — небольшой бассейн, далее — массивная кирпичная платформа, на которой стояла когда-то тахта — то есть трон хозяина дома. По сторонам от этой платформы — проходы: через них можно было пройти в северный айван и выйти из дома.

В дни торжественных церемоний и приемов глава дома сидел на возышении под балдахином, а в зале вокруг бассейна с водой стояли и сидели на уступах вдоль стен домочадцы и гости.

По обеим сторонам центрального зала располагались два больших совершенно пустых помещения. Это тоже, вероятно, парадные залы. Церемонии, культы, приемы составляли важнейшую часть жизни оби-

тателей этого дома. Был еще маленький дворик с колоннами вдоль стен и складское помещение. Рядом с большим домом построены деревянные дома для слуг.

Жилых комнат с лежанками-суфами и отопительными системами всего три. Две из них соединялись проходами между собой и представляли как бы отдельный блок помещений, соединенный с центральным залом и внешним двором такими же проходами. Второй блок помещений составляла одна маленькая спальня и упомянутые выше дворик и помещение для хранения продуктов. Этот блок также соединялся с центральным залом и внешним двором. Оба блока выходили во двор через пристройки, предназначенные для слуг.

Таким был этот дом в середине XIV века. Но затем в течение 20—30 лет он несколько раз перестраивался. Некоторые комнаты делились пополам, причем по нескольку раз в разных направлениях, другие отгораживались от центрального зала, сохраняя связь только с наружным двором, третьи, наоборот, — отгораживались от двора и в них можно было войти только из центрального зала. То закладывают старые проходы, то прорубают новые. Стремятся увеличить жилую площадь: большая семейная община дробится, парадные залы перестраивают в жилые, блоки комнат и отдельные помещения отгораживают наглухо друг от друга — части этой общины живут не в ладах друг с другом.

Уже в 1370-х гг. наступает полный упадок этого дома. Забрасывают центральный зал. Бассейн в нем заполняется мусором. Семья распалась и, может быть, погибла. Новые люди ются в развалинах пышного когда-то дома-дворца.

Нестабильность общества, тревожность жизни, распад больших семейных общин привели ко всем этим многочисленным перестройкам в течение каких-то 30—40 лет.

Сходная картина наблюдалась при раскопках другого еще более богатого дома на Селитренном городище — настоящего многокомнатного дворца. Его центральный зал был огромен — 7x15,2 м. Попадающий в него оказывался вначале на вымостке из жженого кирпича, с суфами по бокам. Затем он ступал на квадратный пол, уложенный шестиугольными плитками и прямоугольными кирпичами, как узорчатым паркетом. В центре зала был устроен большой умывальник — тошноу с по-глотительным колодцем под полом. А в глубине зала имелось квадратное возвышение, выстланное кирпичами, на котором, очевидно, стояла тоже тахта хозяина — крупного аристократа или вельможи.

Таким образом, центральный зал напоминает центральный зал первого дома.

Интересно отметить, что в обоих этих домах-дворцах вход был с юга, а трон хозяина — на севере и обращен на юг. Так же устанавливали трон великого каана — главы всей монгольской империи в его дворце в

Каракоруме, который в середине XIII в. посетил и описал монах Вильгельм Рубрук.

Справа и слева от центрального зала этого дворца располагались жилые и хозяйственные помещения. Это — комнаты с суфами, печами и канами, умывальниками, с кирпичными полами. В коридорах также были полы из кирпичей. В одной комнате обнаружен глинобитный плотный диск с желобком вокруг него — подставка под жернова. Это помещение было домашней мельницей. В другой комнате располагались в массивной суфе две больших печи для лепешек. Это помещение служило пекарней. Была в этом дворце и ванная комната с кирпичным бассейном, от которого отходила система глиняных труб-водопроводов и желобов.

Стены центрального зала побелены и украшены изразцами с росписью, с позолотой, с персидскими стихами по краю.⁸ Другие помещения имели роспись по белой штукатурке. В одной комнате — вероятно, детской — на лежанке, покрытой штукатуркой, прочерчена прямоугольная фигура для игры, т.н. “авилон”, а на стенах этой комнаты много процарапанных рисунков и детских, и взрослых: звери, по возможности постращней, мужчина в короне и тому подобное. Были и надписи уйгурскими и арабскими буквами.

При этом доме раскопан большой банный комплекс — с горячими комнатами, у которых под полом устраивались дымоходы, обогревавшие пол, с комнатами для охлаждений, с большим прохладным бассейном.

Дом построен, видимо, в 1330-х гг. Вскоре он подвергся перестройке. Была сооружена новая капитальная стена и новый вход в центральный зал с юга, снабженный наклонным пандусом. В 1370—1390-м гг., это уже не дворец. Кирпичи полов и многих комнат и коридоров приходят в ветхость, их не берегут, они разрушены, многие комнаты перестроены, разделены на более мелкие помещения. В некоторых коридорах на поверхности кирпичных полов отлагается слой грунта и полы становятся земляными. Стенки бассейна срубают и ванную комнату превращают в обычное помещение. Это период, когда дом служил местом для жизни различным простым людям, вероятно ремесленникам-керамистам. В частности, в одном из помещений в этот период жил керамист, который у себя запас большое количество обломков мозаичных элементов с какой-то стройки, чтобы пустить их на производство новых керамических изделий. Декор центрального зала был содран и собран в нескольких больших кучах, а частично растасчен по помещениям. Он представлял ценность, так как на нем имелась золотая фольга.

Оба больших аристократических дома-дворца на Селитренном городище погибли примерно в одно время — в 60—70-х гг. XIV века. Это был период междуусобиц в Золотой Орде, борьбы за власть группировок аристократии, при которой каждый, захвативший престол хан,правлялся со своими противниками. Городской вельможный патрициат,

участвовавший в этой борьбе, сильно пострадал, представители его энергично уничтожали друг друга, втянутые в эти кровавые смуты. Археология позволила выявить этот процесс. Аналогичную картину дали раскопки богатых усадеб другого золотоордынского городища — Царевского, которое является руинами второй столицы — Нового Сарайя. Например, одна богатая усадьба на этом городище была уничтожена в 1360-х гг. и через нее какой-то хан, захвативший в те годы власть, в столице, приказал провести фортификационную линию города — вал и ров и уничтожил усадьбу.

Третий дом, тоже с толстыми стенами из сырцовых кирпичей, имел в середине большой парадный зал, тоже с помостом и айваном перед входом и по три жилых комнаты по обе стороны этого зала. Жилые комнаты много раз перестраивались.

На Селитренном городище раскопана была еще одна баня. Это была общественная баня. Вход в нее вел с площади перед мечетью.

Сначала входили в холодный предбанник с полом, узорно выполненным кирпичами, с фонтаном в центре, с окнами, имевшими алебастровые решетки и застекленными. Было еще две теплых раздевальни. Горячие помещения обогревались подпольным отоплением — традиция, идущая еще от римских бань. Они образуют типичную для восточных общественных бань крестовидную планировку. Имелся отводящий воду канал с отстойником. Баня предназначалась для зажиточной части населения города.⁹

В отличие от среднеазиатского города этого же времени, золотоордынские города Поволжья имели усадебную планировку. Раскопано частично несколько малых усадеб, с оградами из деревянных столбов и плетеней (на Водянском городище), исследовались усадьбы средней зажиточности и богатые на Царевском городище, частично раскопаны три усадьбы на Селитренном городище, чьи главные дома описаны выше. Эти материалы также позволяют проследить степень социальной стратификации населения, они дают возможность изучить, как группировались в едином комплексе дома различных уровней. Сейчас может быть построен ряд, представляющий переход от бедных к средним и богатым усадьбам. Главные, хозяйственные дома бедных усадеб по своему типу сходны с домами челяди и слуг богатых усадеб.

Размеры золотоордынских городских усадеб значительны и превосходят усадьбы русских средневековых городов. Площадь городских усадеб, раскопанных на Царевском городище, достигает 5200 м² и 7500 м², а нераскопанных, но прослеживаемых по микрорельефу, — и того больше. Видимо это объясняется отсутствием в течение долгого времени фортификации, которая появляется, как показали специальные исследования рвов и валов на Царевском и Селитренном городицах, только в 1360-х гг.

Усадебный принцип планировки золотоордынских городов восходит к городам Монголии XIII в. Как показывают археологические исследования и письменные источники, некоторые эти города возникают в результате концентрации усадеб аристократии вокруг замков-дворцов (больших усадеб) ханов. В этом отношении Царевское городище с его хорошо сохранившимся микрорельефом очень похоже на Каракорумское.

Важнейшей проблемой всякого средневекового города было снабжение его водой и отвод сточных вод. Нам удалось выявить систему подземных дренажей в виде долблевых стволов дерева, образующих длинные системы деревянных труб в канавах. Открыты многочисленные арыки вдоль улиц. На Царевском городище арыки и ров соединялись сетью каналов с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города. Там холмы и отроги речной надпойменной террасы Волги — Ахтубы были соединены дамбами из шлаков и обломков кирпичей, и вода, стекавшая в сезон таяния снегов в низменный район, где был расположен город, задерживалась в этих искусственных водоемах. Таким образом достигалось предохранение городской территории от заболачиваемости, и одновременно создавались запасы воды. Кроме того, арыки наполнялись водой из колодцев, включенных в их систему.

Кроме жилых зданий исследовано несколько общественных. На Селитренном городище раскопана большая мечеть с плоским перекрытием на деревянных колоннах, опирающихся на кирпичные базы, с мощными пylonами портала, с круглым водоемом внутри перед входом. Водоем располагался посреди небольшого открытого дворика. Колонны перед михрабом были или каменные или кирпичные. От михраба к выходу шел расширенный неф (трансепт), а по бокам были два небольших дополнительных прохода в стенах, один против другого. Таким образом, мечеть имела крестовидную планировку, вошедшую в употребление в мусульманском мире именно в эту эпоху.

Другая мечеть была раскопана на Водянском городище. Большой прямоугольный зал мечети разделен колоннами на 6 нефов. Сохранились базы колонн. На юге — михраб. Над ним была алебастовая панель с коранической надписью. Перед михрабом — павильон с деревянными колоннами и в его центре в качестве подставки для корана вкопан кусок большой мраморной колонны. Колонна привезена, очевидно, из какого-либо древнегреческого города Причерноморья, захваченного монголами, где были богатые античные руины. Под колонной оказалась мраморная, коринфская капитель.

К северо-восточному углу мечети примыкал прямоугольный, почти квадратный цоколь минарета, сложенный из больших каменных плит. Над цоколем возвышался круглый ствол минарета. Среди развали кирпичей были найдены плитки с бирюзовой поливой, украшавшие минарет и чередовавшиеся с ними вставки из алебастра, с оттиснутыми на них надписями. Декор дополняли алебастровые панели с меандровым орнаментом.¹⁰

Мечеть на Водянском городище близка в некоторых деталях Болгарской мечети. В строительстве и некоторых чертах культуры этого города отмечается влияние волжско-болгарской культуры.

На Селитренном городище раскопано также здание, являвшееся, видимо, медресе: Г-образное здание с несколькими одинаковыми комнатами — худжрами и одной комнатой побольше — маленькой мечетью с михрабом.

Вскрыто несколько сотен мусульманских могил на Водянском (в районе мечети) и на Селитренном городищах. Составлена классификация погребальных сооружений и выделенные их типы увязаны с антропологическим обликом погребенных. Устанавливается значимая корреляционная связь между монголоидными чертами в физическом облике погребенных и погребальными сооружениями (склепы, мавзолеи). Получены весьма интересные данные по демографии золотоордынских городов Нижнего Поволжья.¹¹

Хотя ислам победил в Золотой Орде, но она и в XIV веке оставалось пестрой в религиозном отношении. В ходе археологических раскопок мы не раз находили предметы православного культа, крестики, иконки. Это — остатки проживания в золотоордынских городах русских, также как русская керамика, находимая в их культурных слоях. Кроме русских православных в Сараях были и католики, которые еще со времен Карпини Рубрука стремились установить связи с монгольскими правителями. Их позиции были особенно сильны в Крыму. Роль русского населения заключалась в том, что оно поставило преграду проникновению католичества на Волгу и далее на Восток.¹²

Значительное внимание мы уделяли все время изучению золотоордынского ремесла. Была исследована стеклоделательная мастерская,¹³ обнаружены ювелирные и костерезные мастерские. Но наибольший материал дали гончарные мастерские. Было раскопано несколько десятков горнов, прослежены этапы технологии производства почти всех групп керамики, как бытовой, так и архитектурно-декоративной. Особо важно отметить, что впервые открыты горны и принадлежности процесса производства кашинной керамики, найдены формы из алебастра, в которых оттискивали кашиные сосуды и изразцы, установлены типы для обжига кашинных изделий, требовавших особых температурных режимов. Отмечено, что каждый вид керамики требовал определенной конструкции горнов.

На нижневолжских золотоордынских городищах получен достаточный материал, чтобы представить себе разные виды организации ремесла.

Были индивидуальные мастерские с узкой специализацией и небольшим объемом производства. Такой была мастерская на Царевском городище (мастер изготавливал только поливные кирпичики, плитки из мозаик и фигурки животных — как дополнительный заработок). Индивидуальной была и мастерская, горн которой открыт на Водянском городище (мастер производил только некоторые виды неполивной красно-

глиняной посуды). Были также усадебные мастерские. Разные по профессии ремесленники работали в таких усадьбах на хозяина. Специализация у них была узкая. Так, в одной усадьбе, раскопанной на Царевском городище, гончар изготавливал только два вида посуды, работая с двумя одинаковыми горнами.

Некоторые усадебные мастерские достигали больших размеров и выпускали более разнообразную продукцию. Но это было исключение. Вероятно, большие мастерские со многими горнами, с техническим разделением труда, с самым разнообразным ассортиментом выпускаемой продукции и работавшие под единым началом, составляют особую форму организации ремесла. Несколько десятков ремесленников объединены здесь в одну мануфактуру, принадлежавшую какому-нибудь богатому и знатному лицу. Применялся, видимо, подневольный труд, возможно использовались рабы. Этот тип ремесленных мастерских хорошо известен в это время на Востоке — так называемая “кархана”, то есть по-персидски — “дом работы”. Такой “карханой” была, наверное, большая гончарная мастерская, раскопанная на Селитренном городище. Производство здесь едино: разные горны ведут выкиды в одни ямы; чтобы избежать простоя горна, в нем производился обжиг другого вида керамики, который часто не подходит для его конструкции (этим пре-небрегают для экономии производственного времени). Наблюдается смешение разных навыков и технических приемов, чего нет в мелких, индивидуальных мастерских.¹⁴

Поволжской археологической экспедицией была создана классификация всех видов керамических и стеклянных изделий, архитектурного декора и другого археологического материала из культурного слоя золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

Золотоордынская культура сложилась в тех городах Золотой Орды, которые были расположены в степи. Это были центральные, собственно золотоордынские города. Их культура являлась сплавом традиций мастеров-ремесленников различных стран, покоренных монголами. Здесь уживались черты китайского искусства и ремесла, среднеазиатского декоративного искусства, черты домостроительства, взятые из Центральной Азии, Китая и Средней Азии. На этой культуре сказалось мощное влияние иранской и закавказской культур, а также традиции ремесла Крыма, Волжской Болгарии. В некоторых областях этот сплав достиг уровня синтеза новой культуры — прежде всего, в художественной керамике, а в других областях мы чувствуем в значительной степени механическое соединение разнородных традиций.

Это — предмет специального исследования, для которого волжская археологическая экспедиция добыла многочисленные материалы. Это предмет будущих дискуссий. Ряд авторов склонны видеть в золотоордынской культуре именно синтез. Вероятно, они правы. С некоторыми

оговорками можно принять этот тезис. Но его следует наполнить живым содержанием.

Сейчас можно выделить два локальных варианта степной золотоордынской культуры: восточный — города южного Приуралья, Поволжья и Северного Кавказа, и западный — города Приднестровья и Крыма. Золотоордынские города были крупнейшими центрами международной торговли. Они были узлами торговых путей, входивших в систему северных маршрутов Великого шелкового пути, связывающего Восток с Западом. Именно в золотоордынскую эпоху движение людей и товаров по этим маршрутам достигло своего зенита. Торговля велась и с Китаем, и с Ираном, и Средней Азией через Хорезм, и с Кавказом, и с Индией, и с Средиземноморьем, и с Русью. В культурном слое золотоордынских городов найдено множество привозных предметов. Остановимся на торговле с Китаем.

На Селитреном городище был найден небольшой клад китайских монет и сделаны отдельные находки их, относящиеся к XIII в. В погребениях, раскопанных на Селитренном и Водянском городищах, были найдены шелковые ткани китайского происхождения. На золотоордынских городищах находят китайские зеркала и местные подражания им.

Много китайского фарфора найдено при раскопках этих городищ (т.н. “селадон” с поливой светлосалатного цвета, посуда с кобальтовой росписью по белому фону, с коричневой росписью по светлокремовому фону). Находят даже фарфоровые ящички-подставки для головы, которые китайцы использовали при спанье.

Этот фарфор породил в самих золотоордынских городах подражания. На Селитренном городище раскопаны горны, в которых обжигали чаши с такого же салатного цвета поливой, но не фарфоровые, а из особой белой массы-песка и глины на kleю, так называемом “кашине”. Там же обжигались и кащинные чаши с белой поливой и росписью синим кобальтом. Они подражают китайскому фарфору не только расцветкой — синий рисунок на белом фоне, но и сюжетами и мотивами росписи — цветы лотоса, хризантемы, букеты в вазах, изображения драконов. Найден обломок чаши с нарисованным мостиком через речку — типичный китайский горбатый мостик. Есть характерные для китайских орнаментов облака, изображались птицы на китайский манер, драконы. Эта керамика, подражающая китайскому фарфору с синей росписью, затем стала модной и в XV веке распространилась по всей Средней Азии и в Иране. Исследователи ее называют “тимуридской”.

Под влиянием китайских мастеров в золотоордынских городах возникло литье чугуна. В Китае оно было известно с начала I тыс. н.э., а в Восточной Европе плавить железо и лить из него изделия еще не умели. Либо котлы и некоторые другие изделия, например, втулки для колесниц.

В золотоордынском искусстве прочно закрепились некоторые китайские орнаментальные мотивы, например, сложный узел, так называемый

“узел счастья”. Этот орнамент встречается в XIII—XIV вв. и в одежде, и на монетах, и в архитектурных деталях, и на изделиях из металла.

Во многих золотоордынских художественных изделиях легко видеть черты китайского искусства: две рыбы — буддийский символ, распространенный в Китае, цветок лотоса, облака — все это китайские элементы. Особенно цветок лотоса. Он встречается всюду — и на майоликовых плитках, украшавших здания в золотоордынских городах, и на керамике, и на изделиях из драгоценных металлов. Есть он и на так называемой “Шапке Мономаха”, видимо, изделии золотоордынских или среднеазиатских мастеров XIV в., подаренному русскому князю татарским правителем. На Царевском городище была обнаружена золотая чаша с ручками в виде дельфинов, выполненная в китайской манере. Такие сосуды были найдены в степях несколько раз. Из погребения Гашун-Уст на Северном Кавказе происходит серебряная пряжка с изображением оленей под деревом — точные аналогии можно найти в искусстве чужеземцев — дальневосточного народа, завоеванного Чингизханом.

А если мы могли бы зайти в золотоордынский жилой дом — самый обыкновенный, рядовой — то наверняка бы нашли в нем теплую лежанку, под которой проходят горизонтальные дымоходы от печи, — это приспособление происходит от китайского отопительного приспособления — каны. На Царевском городище (развалины Нового Сарая) раскопан был дом, стены которого были сооружены из деревянных щитов. В центре была теплая комната с каном, а кругом — холодный неотапливаемый коридор. Этот дом также имеет аналогии в китайском домостроительстве.

Таким образом, монгольская империя, а потом Золотая Орда, сделались тем мостом, который соединил Азию и Европу. Северные маршруты Великого шелкового пути стали в это время главными. В том диалоге, который уже давно вели между собой Запад и Восток, золотоордынским городам суждено было сказать громкое и веское слово. Господство Золотой Орды, ее городов на северных маршрутах Великого шелкового пути заставило Тимура предпринять мощные военные акции против Токтамыша — золотоордынского хана, своим усилием и централизаторской политикой вызвавшего у среднеазиатского завоевателя опасения. Создав огромную средневосточную империю, Тимур восстановил систему южных маршрутов Великого шелкового пути и тем самым повернул русло мировой торговли. Раздробленная Золотая Орда потеряла внутренний стержень торговой жизни и в скором времени сила ее угасла. В степях кочевая стихия захлестнула некогда мощную и яркую городскую культуру. В оседлых районах Золотой Орды, прежде всего в Среднем Поволжье (Казанское ханство) и в Крыму (Крымское ханство), ее наследие было воспринято, продолжало жить и развиваться.

Примечания

- 1 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
- 2 Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. Задачи археологического изучения Золотой Орды. Советская археология, № 4, 1959.
- 3 Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарай в 1959—1962 годах. Советская археология, № 1, 1964; Его же. Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг. Советская археология, № 2, 1966; Его же. Три средневековых нижневолжских города. Вопросы истории, № 3, 1974; Его же. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище. Вестник Московского университета, № 1, Москва, 1981; Fedorov-Davydov G. A. Die Goldene Horde und ihre Vorgänger. Leipzig, 1972; Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарай (Царевского городища). Города Поволжья в средние века. М., 1974; Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг. Поволжье в средние века. М., 1970; Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае. Советская археология, № 3, 1970; Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки усадьбы на Царевском городище. Вестник Московского университета. История, № 3, 1978.
- 4 Егоров В. Л. Мавзолей Водянского городища. Советская археология, № 1, 1980; Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг. Города Поволжья в средние века. М., 1974; Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. Исследование мечети на Водянском городище. Средневековые памятники Поволжья. М., 1976; Мухамадиев А. Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- 5 Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарайя. Новое в археологии. М., 1972; Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М. Керамическая мастерская Селитренного городища. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989; Зиливинская Э. Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- 6 Гусева Т. В. История изучения Нового Сарайя. Вестник Московского университета, № 6, 1975.
- 7 Егоров В. Л. Жилища Нового Сарайя (по материалам исследований 1959—1965 гг.). Поволжье в средние века, М., 1970; Fedorov-Davydov G. A. The Culture of the Golden Horde Cities. Oxford, 1984, с. 33—56; Его же. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. с. 45 и сл.
- 8 Носкова Л. М. Декоративное убранство дворцового комплекса XIV в. в Сарае (Селитренное городище). Советская археология, № 4, 1984.
- 9 Зиливинская Э. Д. Ук. соч.
- 10 Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. Ук. соч.
- 11 Яблонский Л. Г. Мусульманский некрополь Водянского городища. Советская археология. № 1, 1980; Его же. Население средневековых городов Поволжья. Автореферат канд. диссертации. М., 1980; Его же. О палеодемографии средневекового города Сарай Бату (Селитренное городище). Советская этнография, № 1, 1980; Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Г. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- 12 Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- 13 Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII—XIV вв.). Средневековые памятники Поволжья. М., 1976; Наумов Д. В. Химический анализ стекол Селитренного городища. Советская археология, № 13 1973.
- 14 Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М. Ук. соч.

М.Г.Крамаровский
**Золотоординский город Солхат-Крым.
К проблеме формирования городской культуры
(новые материалы)**

Город и городская культура Таврики периода развитого средневековья представляют исключительно сложное явление. Особенность состоит в том, что при сравнительно небольшой территории страны (27 тыс. кв.-км) этно-культурная и конфессиональная гетерогенность деревенского по преимуществу населения привела к формированию городских культур различного типа. Этот процесс стимулировался ориентацией населенников отдельных ландшафтных зон Таврики на различные социокультурные системы за пределами полуострова: кочевнический северо-запад, к XIII в. половецкий в своей основе, естественно тяготел к золотоординскому Приазовью и степному Предкавказью, для оседлого населения Ривьеры и горных районов, где преобладало грекоязычное, вероятно, в большинстве гото-аланское население, жизненно важными оказались исторически сложившиеся связи с городскими центрами Южного Черноморья — Трапезундом на северо-востоке, Константинополем и его спутниками — венецианской Галатой и генуэзской Перой у Проливов, портовыми и континентальными городами сельджукидского Рума на юго-востоке. В XIV в. возрастает значение связей с юго-западным сектором Северного Черноморья. Традиционная маргинальность, отсутствие в предмонгольское время общезначимого для всей Таврики культурно-исторического ядра, близкое соседство с евразийским степным коридором предопределяли ориентацию на формирование разных по направленности, не совпадающих по содержанию и темпам развития путей формирования городских культур полуострова XIII—XV вв.

Феномен Солхата в его двойном, крымско-золотоординском, “гражданстве”, выступающем признаком, по которому город (с учетом культурных доминант) не сопоставим с другими центрами средневековой Таврики. Эту особенность города определила функция, которую можно понять лишь в системе координат централизованного феодального государства, каким Золотая Орда (турк. самоназвание “Улуг Улус” — “Великое государство”) представлена в евразийских отношениях XIII—XV вв. У нового золотоординского центра не было ни античного, ни, судя по существующим археологическим данным, раннесредневекового таврического прошлого. Солхат стал средоточием ремесла и торговли искусственно. Здесь изначально оказался нарушен “нормальный” градообразовательный процесс, основанный на разделении земледелия и ремесла, в результате которого возникает товарное производство, ведущее к формированию рынка. Ферментом будущего города послужила административно-фискальная служба нового краевого центра, проводя-

щего на месте политическое и экономические интересы джучидской ханской власти. В широком понимании задачи идея, по-видимому, состояла в организации на юго-восточном побережье полуострова нового экономического района — зоны контактов, способной под контролем монетного чекана Солхата оживить северное направление “Шелкового пути”. Именно к этой ветви маршрутов стремились морские республики Италии. С открытием по Нимфейскому договору Проливов в 1261 г. исчезло последнее препятствие, разъединяющее степную Евразию с морской торговлей латинян на Леванте. Как известно, уже в 60-е годы начинает работать солхатский монетный двор: первые датированные серебряные монеты (дирхемы) относятся к 665 г. х. = 1266 г.; медные (пулы) — 674 г. х. = 1275 г.

На протяжении всей золотоордынской истории Солхат-Крым доминировал на полуострове в постоянном соперничестве с Каффой. И хотя это был спор двух примерно равных по возрасту административных “столиц” — джучидской и “колониального владения Газзария” — реальная власть в Крыму, несмотря даже на поражение золотоордынцев в локальной войне с генуэзцами в 1385—86 гг., принадлежала Солхату. При этом город опирался не столько на воинскую силу (собственную, или центра), сколько на значение монетного чекана. Солхатский монетный двор обладал монополией региональной эмиссии общегосударственных номиналов. В XIII в. крымским чеканом обеспечивалась торговля Северо-Западного Причерноморья (вплоть до устья Дуная), всей Таврики и Приазовья. От Солхата-Крыма зависело вплоть до первой четверти XIV в. денежное обращение Азака-Таны. Поэтому нас не удивляет, что в пересказе Ибн Баттуты эмир Азова выступает как лицо, подчиненное Толук-Тимуру, темнику, представлявшему в Крыму интересы золотоордынских ханов от Токты до Узбека.

Опираясь на динамику роста числа монетных дворов в регионе, мы вправе выделить в функционировании ордыно-латинской зоны контактов три этапа. Первый — в пределах 60-х гг. XIII в. и до начала правления Узбек-хана: монетная эмиссия осуществляется только в Солхате. Второй — в рамках первой четверти XIV в. — нач. 50-х годов XV в.: монета чеканится в Солхате-Крыме и Азаке. Третий — с 30-х гг. середины XV в. и вплоть до падения Кафы в 1475 г., когда генуэзские и венецианские владения постепенно выходят из-под денежного контроля Золотой Орды и латиняне начинают чекан собственной монеты: монетный двор Кафы учрежден не ранее 1453 г. в период переподчинения генуэзской Газзарии банку св. Георгия (хотя с 20-х гг. здесь получил распространение двуязычный номинал с тамгой Золотой Орды; с 1433 г. — с тамгой Гиреев. Но в 1453 г. изображение св. Георгия заменяется Генуэзским замком); танские аспры чеканятся по указу Венецианской синьории от 13 марта 1461 г.

С генетической природой Солхата-Крыма связана и пирамида его властных структур. На ее вершине уже на первом — догогородском — этапе (40-е — 80-е гг. XIII в.) две фигуры — владельца Крымского улу-са и его представителя “владельца Солхата”. Имя первого неизвестно. В описании встречи египетского посольства 1263 г. он назван “началь-ником десяти тысяч всадников”. Непосредственное управление мес-течком осуществлялась “владельцем Солхата”, что, как можно пред-ставить по аналогии, предполагало отправление баскаческих функций. Сохранилось имя первого такого “баскака” — им оказался кипчак Та-буку. В этот период Солхат описывается как селение /карый/, где прожи-вают кипчаки, аланы и русские; арабский источник дает и второе называ-ние местечка — “Крым”.¹ В.В.Бартольд, опираясь на текст ал-Каль-кашанди, считал, что название “Крым” в конце XIV в. или начале XV в. вытеснило старый тюркский топоним “Солхат”. Топоним “Солхат”, меж-ду тем, попал в сельджукскую хронику Ибн Биби, где встречается в пяти формах: Сулхад, Сулгат, Су/o/лгат, Су/o/лхат, Су/o/лхат.² Написа-ние близкое, хотя и не адекватное последнему — есть и на новооткрытых нами монетах местного чекана: — Су/o/лхат (в сборах Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа — сокращенно СКАЭ ГЭ — таких монет восемь). Монеты с топонимом “Солхат” не датированы, но есть основания отнести их ко времени не позднее второй половины XIII в. В это время, очевидно, пре-обладающим языком в молодом административном центре был тюрк-ский. Тюркский язык безусловно доминировал на его базарах, что отра-зилось в надписях на монетах местного чекана, где выделяется четыре варианта пулов с фразой “сорок восемь — один ярмак”.

В 1263 г. в местечке появляется первая квартальная мечеть. Уже ко второй половине 80-х гг. XIII в. мусульманской общине города понадо-билась новая пятничная мечеть. Из дошедших до нашего времени сле-дов существования трех общин — исламской, христианской и еврейс-кой,³ наиболее целостное впечатление оставляют памятники культуры мусульманского Солхата. Среди них — комплекс медресе и мечети XIV — 2-й половины XV вв. Этот ансамбль, как один из наиболее репрезен-тативных, занимает большое место в истории изучения Солхата. На-шими исследованиями установлено, что строительство сооружений нача-лось с медресе (площадь здания около 837 кв. м; общая площадь рас-копов более 1095 кв. м). В передаче Эвлии Челеби известна строитель-ная надпись, согласно которой медресе построено на средства жены правителя Солхата в 1332—33 гг. В 1925 г. здесь было найдено мрамор-ное надгробие с датой 776 г. х. = 1371 г., принадлежащее основательни-це медресе Инджибек-хатун. Данные стратиграфии подтверждают све-дения утраченной ныне строительной надписи. План медресе Солхата сопоставим с планом медресе Борисийе в анатолийском Сивасе, дати-

рованным 1271—72 гг. С анатолийскими сопоставимы и строительные метки на облицовочных блоках фасада медресе. В начале XV в., возможно, не позднее его первой четверти, медресе погибает. Об этом свидетельствует клад из 608 серебряных монет, обнаруженный в помещении одной из худжр, превращенной в сторожку при усыпальнице основательницы медресе. Самая ранняя монета клада чеканена от имени хана Токты в Сарае ал-Махруса в 710 г. х. = 1310 г.; самая поздняя — с именем Мухаммада Булака (чекан Орду, 778 г. х. = 1378 г.). Часть монет подверглась контрамаркированию в том числе 12 экземпляров надчеканкой в виде Генуэзского замка. Следовательно, клад можно отнести ко времени не позднее первой четверти XV в. Сооружение мечети относится ко второму строительному этапу комплекса. Речь идет о переносе так называемой “Мечети Узбека 1314 г.” (имя золотоордынского хана и дата постройки первоначальной мечети взяты из надписи на портале). Нами установлено, что старый портал стоит на переотложенном слое без нормальных строительных связей с северной стеной новой мечети. Анализ архитектурных деталей мечети 1314 года, ее михраба, анализ плана медресе, его архитектурных деталей и структурных особенностей, анализ строительных меток позволяют прийти к выводу об анатолийской строительной артели, работавшей в Солхате в первой половине XIV в. Судя по характерным деталям архитектурного убранства, наиболее существенным для формирования новой для Солхаты и всего Крыма традиции оказался вклад Амасьи. Тем не менее, вклад анатолийской архитектурной школы не исчерпывает всего спектра архитектурно-строительной культуры мусульманского Солхата. Нисбы двух строителей (архитекторов) — аль-Ирбили — переносят нас на почву Джазиры (Северная Месопотамия): Абдул-Азиз аль-Ирбили в 1314 г. построил в Солхате мечеть (о его первоначальном замысле свидетельствует ее портал и михраб); подлинные постройки Махмуда ибн Османа аль-Ирбили нам не известны, но имя строителя сохранилось на камне, найденном в слое разрушения мавзолея XV в. Тип этого однокамерного мавзолея восходит к купольным мавзолеям XIV в. золотоордынского Болгара, и несколько упрощенно повторяет план мощного однокупольного мавзолея в северо-западном секторе городища, раскопанного нами в сезонах 1991—93 гг. Мавзолей сохранился на уровне нижних кладок и состоит из двух объемов. Первый — в северной части (10,7x10,7 м); второй — в южной (9,0x5,0 м); общая площадь сооружения 159,5 кв. м. Под уровнем пола северного помещения расчищена погребальная камера (4,5x4,5 м) с проемом в восточной стене мавзолея. Пол погребальной камеры сохранился частично — ее дно выстлано плоским кирпичем. В заполнении камеры расчищено не менее 14 костяков. Толщина стен северного объема 2,5 м; стены южного объема — айвана — разновелики: восточная толщиной 2,15 м, западная — 2,35 м,

южная (встроена между пylonами и не несущая нагрузки) — 1,1 м; южная стена сложена на глине, в то время как весь мавзолей сложен на известковом растворе в технике панцирной кладки. В южный объем мавзолея вело парадное крыльцо с пятью ступенями. Парадный зал северного объема мавзолея был декорирован полихромными рельефными изразцами с наполнителем из кашина. Изразцы с бирюзовой поливой (с наполнителем в виде хорошо обожженой красной в изломах глины) украшали купол мавзолея. Судя по монетам, мавзолей возникает не позднее середины XIV в. Таким образом, в границах мусульманского Солхата прослеживаются следы как минимум двух архитектурно-строительных школ, одна из которых связана с анатолийской традицией, а другая — собственно золотоордынская — с линией поволжских столиц, куда, как и в другие районы государства от Булгар до Северного Кавказа, этот стиль приходит из Средней Азии. В XV в. в Крыму тип мавзолея с парадным залом в северном объеме и айваном в южном сохраняется не в поволжском, а в малоазийском — мавзолей Ненекеджан-ханным, дочери хана Тохтамыша, на городище Чуфут-кале (844 г. х. = 1437 г.) — варианте.

Итак, анализ архитектурно-строительной специфики и попытка описания парадигмы городской культуры мусульманской общины Солхата-Крыма привели к выводу о том, что в роли своеобразного индикатора общности северного и южного берегов Черного моря по преимуществу выступает малоазийский компонент, развивающий традиции сельджукидского Рума. Здесь сказалось то объективное свойство культуры, при котором черту между мирами определили не география и политические границы государства, а традиционные связи в торговле и ремесле, в нашем случае усиленные исламскими реформами Берке, но особенно Узбек-хана. Последнее и привело к тому, что пунктир разделительной линии пришелся не на акваторию моря, а на границу степей и крымских предгорий. В полосу “отчуждения” вошли и города крымской Ривьеры, выделенные в особую ордыно-латинскую экономическую зону, а с ними и Солхат, контролировавший выходы в степную часть Золотой Орды.

Особенность интересующей нас парадигмы состоит в том, что, во-первых, центральную роль в формирования облика нового золотоордынского города сыграла исламизированная часть тюркоязычной общины и, во-вторых, что молодая городская культура (принципиально новая для Таврики) выросла из опыта доосманской Анатолии, хотя в отдельных ее компонентах (мавзолеи, майоликовый архитектурный декор, кашинная поливная керамика, некоторые типы украшений) заметно влияние столичных центров золотоордынского Поволжья.

Очевидно и то, что в процессе формирования нового для Крыма типа городской цивилизации произошла смена доминант: старая доисламская тюркская (кипчакская) кочевническая традиция и новая, монгольско-

кая, растворились в городской исламской малоазийской, хотя радикальной смены этносов не произошло. Тем не менее, общая направленность в развитии форм культуры исламского и неисламского населения Солхата соответствует сложившейся в XIII—XIV вв. в понтийском регионе тенденции к сближению, основанной на общности жизненных интересов, сформированных под влиянием единого рынка.

Изучение традиционных форм культуры каждой из общин (от погребального обряда, домостроительства, архитектуры и архитектурного декора до бытовой керамики, торевтики, стеклоделия, отдельных типов украшений, рукописных книг и пр.) требует анализа как минимум на двух взаимосвязанных уровнях — региональном и городских микрокультур. В первом случае велика роль кладовых материалов в масштабе всей контактной зоны, где по количеству и качеству выделяются комплексы денежно-вещевых кладов: Нейзацкого (1886 г.), Судакского (1966), Симферопольского (1967) в Крыму, Бердянского (1892) в Приазовье, из Оцелень-Делени (район Хуш, обл. Яссы (1921) в Молдове.

Принцип взаимного дополнения, характерный для культуры Латинской Романии, но получивший в Крыму свое оригинальное воплощение, оказался разрушен только после катастрофы 1475 г., когда на смену левантийской толерантности пришла монокультура османской идеи. Обратившись к мысли Ф. Броделя о роли рынка в формировании города, можно сказать, что движение, вызванное рынком, привело Солхат в семью городов не типичных для континентальной части Золотой Орды. Скорее здесь можно говорить о городе ближневосточного типа. В соседней Каффе, в отличие от Солхата, городской пейзаж к концу XIV — I-й половине XV вв. приобретает черты космополитического мегаполиса, где микрокультуры исламской и иудейской общин остаются в тени латинской и армянской.

Примечания

- 1 Бартольд В. В. Крым. Сочинения. М., 1965, т. III, с. 467 — 468.
- 2 Duda Herbert W. Die Seltschukengeschichte des Jbn Bibi. Kopenhagen, 1954. s. 285, 323.
- 3 Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII-XIV вв.: Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989, с. 141-157.

С.М.Червонная
**Мусульманская эпиграфика
(резные надгробные камни) в Крыму**

Генезис и художественные особенности крымских мусульманских надгробий изучены фрагментарно.

Эта фрагментарность проявляется и в хронологическом, и в локально-региональном аспекте, и в профессиональном подходе к памятникам, которые обычно исследуются с какой-либо одной стороны. Лингвистов, как правило, интересуют лишь сами по себе эпиграфические тексты и связанные с ними проблемы языка, письменности, почерка, литературного стиля. Историки и археологи обращают внимание на стратиграфию объектов, время их создания, рассматривают и используют резные надгробные камни как важнейший источник сведений по военной, политической, социально-экономической, этнической истории Крыма, разветвленных данных о ханских династиях, семейно-родовых связях, клановых структурах феодального общества. У теологов и исламоведов — свой круг интересов, направленных на символику мусульманских надгробий. В тех немногочисленных статьях, очерках и путеводителях по Крыму, которые можно отнести к искусствоведческой и архитектуроисследовательской профессиональной литературе, основное внимание уделяется конструкции, архитектонике, пластике, художественной резьбе, изобразительным мотивам, орнаментальному декору камней-надгробий, иногда в полном отрыве и от смысла эпитафий, и от сути исламского культа, и от историко-географической привязки произведения искусства к определенному месту и конкретному времени.

Как уже говорилось, и хронологически, и локально основные публикации по крымским камням-надгробиям обычно ограничены временными и географическими характеристиками того объекта (мусульманского кладбища, некрополя), который исследован и опубликован данным автором или группой авторов, скажем, в Старом Крыму (на археологическом базисе Солхатского городища золотоордынского периода) или в Бахчисарае (в ансамбле ханского дворца, строившегося и перестраивавшегося на протяжении XVI—XVIII вв.). Таким образом, мы не имеем до сих пор цельной картины развития крымскотатарских мусульманских надгробий в их эволюции и в полном историческом диапазоне от истоков, от зарождения этого искусства в Крыму до современной модификации данной художественной традиции. Совершенно неисследованной остается также система культурных связей и взаимовлияний (элементов совпадения, сходства, различий, контрастов) крымскотатарских мемориальных сооружений с другими этнокультурными и географическими зонами мусульманского ареала, в частности с памятниками Турции, Кавказа, Татарстана. Актуальной и до сих пор нерешенной остает-

ся задача выявления всестороннего значения данных объектов как памятников истории, этнической культуры крымских татар, мусульманской религии, литературного творчества, письменности, изобразительного искусства и архитектуры.

Ни в коей мере не надеясь и не претендуя на то, чтобы в рамках настоящей статьи восполнить все эти пробелы, мы видим свою задачу в общей постановке цели комплексного научного исследования такого важнейшего пласта крымскотатарской национальной и общеисламской, общетюркской художественной культуры, как резные камни-надгробия мусульманского Крыма. Эта задача в полной мере выполнима лишь при объединении усилий историков, археологов, этнографов, исламоведов, лингвистов-туркологов и арабистов, искусствоведов, при сочетании различных, выработанных в смежных гуманитарных науках методов анализа и описания памятников, при реализации комплексной целевой программы полевых исследований, научных экспедиций (по Крыму и регионам, находившимся в тесных контактах с культурой мусульманского Крыма), анализа и инвентаризации многих музеиных собраний, где рассеяны буквально драгоценные осколки крымскотатарских надгробных камней, порою никем не опубликованных, не прочтенных и даже не взятых на учет музейного хранения.

Вместе с тем нам хотелось бы выделить отдельные моменты и конкретные направления той исследовательской работы в области крымскотатарской эпиграфики (резных камней-надгробий), которая уже проведена нашими предшественниками и начата непосредственно нами в Крыму в ходе комплексных научных экспедиций, проведенных в 1994—1996 годах,¹ внести некоторые новые штрихи в ту общую картину, которая может быть создана коллективным трудом ученых и институтов, заинтересованных в прочтении истории татарского Крыма.

Прежде всего необходима общая характеристика уровня сохранности (степени разрушения) надгробных памятников и целых ансамблей мусульманских кладбищ в Крыму. В целом, здесь выявляется драматическая ситуация тотальных, многократных разрушений национальной культуры и это тем более обидно потому, что Крымское ханство, аннексированное и интегрированное в состав Российской империи в 1783 году — значительно (на два столетия и три десятилетия) позже, чем завоеванное еще Иваном Грозным Казанского ханство, было гораздо богаче сохранившимся к концу XVIII века памятниками татарской надгробной эпиграфики. При цивилизованном отношении к этому культурному наследию Крым мог стать уникальным в Восточной Европе заповедником, где можно было бы на аутентичном материале, на цельных художественных ансамблях проследить все особенности локальных школ и все этапы развития данного искусства и эволюции его форм от эпохи Средневековья к Новому времени. Однако российская администрация

Таврической губернии не только не проявила элементарной заботы о сохранности этого богатейшего художественного наследия, но по сути возглавила кампанию повсеместного варварского уничтожения этих памятников. Об этом с горечью писал в 1927 году один из первых крымскотатарских исследователей старинных мусульманских надгробий Осман Акчокраклы, отмечая, что тысячи надгробий с кладбищ одного только Старого Крыма были варварски уничтожены — камни ушли в постройки XIX—XX вв, так что осталось в этом районе всего чуть более ста памятников.² Однако эти первые разрушения мусульманских надгробий, от которых все же что-то на крымской земле оставалось, были лишь прологом того глобального вандализма, который развязала социалистическая революция и Советская власть и который достиг своего преступного апогея после депортации из Крыма крымских татар. С 1944 года по всему полуострову методично и полностью уничтожались все мусульманские кладбища; надгробные каменные плиты, включая шедевры искусства XV—XVI веков, шли на строительство колхозных свинарников, вмуровывались в мостовые; земли, на которых находились священные для мусульман могилы их предков и святыни-азизы, распахивались и застраивались, чтобы от прошлого не осталось и следа. Надгробия, уже оказавшиеся к тому времени в собраниях краеведческих и исторических музеев Крыма, согласно инструкциям, исходящим из Центра, подлежали уничтожению.

Важно, однако, подчеркнуть, что палачам татарского искусства в Крыму не удалось уничтожить его полностью, не удалось стереть следы исламской сакральной культуры, доминировавшей на полуострове несколько веков. Расхожее и далеко не точное представление о том, будто от мусульманских надгробий и кладбищ в Крыму «ничего не осталось», чаще всего используется нынешней администрацией Крыма для обоснования собственной нерадивости, нежелания проводить тщательные обследования, финансировать научные исследования и экспедиции, включать татарские надгробия в реестр памятников, охраняемых государством.³

Мы не должны забыть тот гражданский подвиг, который совершили в годы изгнания крымских татар из Крыма и варварского государственного крушения их культуры некоторые крымские археологи, музейные работники, краеведы, сумевшие спасти ценнейшие частицы крымскотатарского художественного наследия, в том числе и отдельные надгробные сооружения, и целые мусульманские некрополи и лапидарумы. Так, Мария Георгиевна Кустова, работавшая директором Бахчисарайского дворца-музея в 1940—50-е годы, не позволила разрушить «ханское кладбище» — собрание надгробий на территории заповедника, а Вадим Константинович Гаргуля в 1973 году сумел издать путеводитель по Бахчисараю с довольно полным описанием этих памятников.⁴ В 1969—1975 годах Владимир Нико-

лаевич Гуркович, работавший тогда в Крымском краеведческом музее, по личной инициативе провел ряд экспедиций, тщательно обследовав остатки чудом сохранившихся мусульманских кладбищ. Он обнаружил кладбище Газы Мансур под Чуфут-Кале, описал группу памятников около Джума-Джами в Евпатории, обратил внимание на аварийное состояние некоторых сооружений в Бахчисарайском некрополе, систематизировал русскую литературу, начиная с трудов Петра Кеппена⁵ и переводов А. А. Борзенко и А.Ф.Негри,⁶ освещавшую крымскотатарскую эпиграфику, включив прописанные выдержки в свои научные отчеты, составленные уже в 1980—90-х годах для «Укрпроектреставрации».⁷

На маршруте нашей комплексной научной экспедиции, проведенной в июле 1996 года по горным районам Крыма, лежало село Высокое (Верхний Керменчик) Бахчисарайского района, в окрестностях которого, по предварительным данным, учтенным при составлении маршрута экспедиции, сохранилось старое мусульманское кладбище. То, что мы обнаружили на месте, превзошло все наши ожидания, вызвав одновременно радость и отчаяние. Десятки великолепных мраморных надгробий (саркофагов и отдельных тумбообразных сооружений, увенчанных типичными для мужских надгробий мраморными «чалмами») находятся на этой территории; однако ни о какой охране этих памятников, ни о каких попытках благоустроить территорию кладбища, взять на учет фрагменты и целые группы старинных сооружений нет и речи. Отбитые куски мраморных надгробий валяются на земле и легко могут стать добычей любого случайного охотника за сувенирами. Никаких археологических зондажей, никаких научных исследований древности, продолжительности функционирования данного мусульманского некрополя (исторически тем более интересного, что в этом поселении до конца XVIII века преобладало греческое население, частично принявшее Ислам) не производилось. Только с 1996 года молодой искусствовед Алие Мустафаевна Ибрагимова из Ялты (участвовавшая в работе нашей экспедиции на данном маршруте) приступила к систематической работе (будущей диссертации) по исследованию памятников Верхнего Керменчика — сделала обмеры, фотоснимки, сняла кальки с резной поверхности камней и эпиграфических текстов. Уже на ранней стадии работы выяснилось, что примыкающая к селу Высокое территория старинного мусульманского кладбища — не единственное в этом районе место, где сохранились камни-надгробия. Двенадцатью километрами выше в горах (за домом Сервера Османова, указавшего нам это место) в отличной сохранности стоят три надгробия (мраморные стелы под «чалмами») и отдельно на земле лежит каменная «чалма» — завершение надгробия.

Один только этот пример⁸ свидетельствует о том, что в Крыму есть еще места, где уцелели старинные мусульманские кладбища и отдельные памятники-надгробия, которые ждут своих исследователей. Об этом еще в 1991 году на конференции «Проблемы истории Крыма» говорил в

своем докладе «О состоянии памятников мусульманской культуры в Крыму» Энвер Сеферов, подчеркивая: «Особого освещения требуют мусульманские кладбища, потому что большинство этих объектов распаханы или застроены, разве что единицы сохранились где-нибудь в глубинке. ...Требуется кропотливая работа в локализации этих объектов-святынь».⁹

В комплексе научных проблем, связанных с исследованием мусульманских надгробий Крыма, одной из наиболее сложных является задача выявления истоков этой художественной традиции, ее исходных рубежей, фиксация и датировка наиболее ранних памятников этого круга на Крымском полуострове.

Видимо, формирование этого искусства происходит синхронно с его распространением в других регионах золотоордынского мира, исламизация которого завершается в середине XIII века (с вступлением на престол хана Берке). В домонгольский период ни в одном из восточноевропейских регионов, так или иначе соприкасающихся с исламским миром и даже ставших опорными пунктами раннего проникновения в Восточную Европу мусульманской религии и культуры (а к таким регионам относятся Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Крым, юг Балканского полуострова), мы не встречаем надгробных памятников в виде камней с резными эпитафиями и кораническими текстами. Это невозможно объяснить тем, что такие памятники просто не дошли до нашего времени. Фундаментальные археологические исследования мусульманских некрополей домонгольского периода, в частности, в Волжской Булгарии,¹⁰ свидетельствует о том, что такой формы надгробий в то время просто не существовало. Самые ранние сохранившиеся на территории Татарстана памятники-надгробия с резными мусульманскими эпитафиями относятся к 80-м годам XIII века,¹¹ а известные только по описаниям — к 40-м годам XIII века,¹² но никак не ранее. В Крыму эта исходная хронологическая планка поднимается еще выше, и самые ранние памятники, о которых дошли до нас сведения благодаря отчетам археологической экспедиции, работавшей в 1925—1927 годах в Старом Крыму (на Солхатском городище), и публикациям Османа Акчокраклы,¹³ относятся к концу первой трети XIV века (надгробие шейха Якуба Конийского датируется 1328 годом), а большинство их — произведения еще более поздние, сооруженные между 1330 и 1380 годами.

В этой связи мы можем высказать гипотезу, что происхождение эпиграфических камней-надгробий определенного архитектонического типа (вертикально поставленная каменная стела с остроконечным, стесанным в форме арки или обретающем стилизованный фигурной форму завершением) связано не только и не столько с императивными требованиями исламского культа, сколько с художественными традициями тюркского мира, особенно интенсивно распространявшимися, в том числе

на территории Восточной Европы, в период монгольских завоеваний. Вероятно, эпицентр искусства, откуда шел импульс его распространения, находится не в арабско-иранском пограничье, не в ближневосточных центрах раннего и классического Ислама, а в Центральной Азии, на землях бывшего Тюркского каганата, где еще в доисламский период существовала традиция сооружения каменных «балбалов» (изображений тюркских воинов и военачальников) и каменных плит с древнетюркскими руническими надписями.¹⁴ В золоординском культурном ареале известны случаи вторичного использования древнетюркских каменных плит с руническими письменами в качестве уже мусульманских надгробий. Такой палимпсест найден, в частности, на реке Калмаш в Чекмагушском районе Башкортостана.¹⁵ Калмашский камень первоначально был древнетюркской надгробильной стелой с начертанными на ней родоплеменными тамгами. В XIV веке местные жители превратили его в мусульманское эпиграфическое надгробие, отметив это превращение точной датой (747 год хиджры) и врезав поверх нижнего слоя тамговых знаков мусульманскую эпитафию, весьма выразительную по религиозному смыслу и литературному стилю («Я прибегаю к Богу от проклятого шайтана. Во имя Бога милосердного и милостивого... Надгробильный знак Кукляра сына Буги»).

Возвращаясь в Крым, отметим, что распространению мусульманских эпиграфических памятников (с XIV века) здесь также предшествовала традиция сооружения надгробных камней с высеченным на их лицевой поверхности изображением тамги. Осман Акчокраклы, возглавивший в 1925 году научную экспедицию в степные районы Крыма, собрал, систематизировал и опубликовал десятки рисунков, представляющих собой тамги крымских татар, особенно распространенных в северной, степной («ногайской») части Крыма.¹⁶ Характерно, что по преданиям, которые Акчокраклы записал, опрашивая «старцев татар степной части Крыма», тамги были распределены между племенами и родами самим Чингисханом. Таким образом, и в устной народной памяти традиция такого рода изображений на камнях связывается с эпохой монгольских завоеваний и формирования Золотой Орды. Древнетатарские тамги, весьма разнообразные по формам и семантике, от чисто иероглифических и буквенных знаков до элементов растительного, геометрического орнамента и предметных изображений (гребень, стрела, серп, полумесяц и т.д.), имели самое широкое применение и использовались при клеймении скота, чекане монет, в архитектуре, керамике, были зафиксированы в большом количестве на скале близ деревни Абузлар. В контексте интересующей нас темы важно подчеркнуть, что тамги очень часто изображались на надгробных камнях. Только на одном евпатийском татарском кладбище Акчокраклы нашел 88 тамговых знаков на надгробных камнях. Всего экспедиция 1925 года собрала их более

400 в 40 деревнях степного Крыма, в связи с чем Акчокраклы писал: «Небольшой полуостров Крым вправе быть названным большим музеем тамг, ибо на каждом татарском кладбище в степной части Крыма встречаются сотнями тамги — родовые знаки древнего происхождения».¹⁷ Он особо подчеркивал, что тамги не были феодальными фамильными гербами, ибо они часто встречаются и на крестьянских могильных камнях, и на бедных и скромных надгробиях пастухов, кочевавших в степном Крыму.

Этот момент очень важен для понимания той своеобразной демократической социальной платформы, на которой развивалось со средних веков искусство татарских каменных надгробий, и это так же характерно для Крыма, как для других татарских улусов Золотой Орды и для более поздних ханств, на которые Золотая Орда распалась в XV веке.

Наряду с аристократической традицией классического исламского искусства, которая несла такие формы мемориальных сооружений «высокого стиля», как мавзолей, гробница-усыпальница, тюрбе (дюрбе), распространенные во всем мусульманском мире и отмеченные особым величием, торжественностью, монументальностью, великолепием декоративного убора (пышная резьба, сверкающая мозаика и т.п.), здесь всегда существовала практика сооружения простого, скромного каменного надгробия над могилой человека (татарина-мусульманина), стоявшего на средней и даже на самой низкой ступени социальной иерархии. Причем эта практика не выпадала из сферы искусства, ибо и по своим архитектурным формам, и по характеру резного декора, и по текстам эпиграфий эти памятники представляли собой определенную художественную ценность.

От языческой и кочевнической традиции (стела с древнетюркскими знаками-тамгами) к мусульманскому эпиграфическому надгробию существовал довольно органичный переход, если не в системе резного декора и той философской и литературной нагрузки, которую нес в себе текст мусульманских эпитафий, качественно отличавшийся своей сложностью от простейшего знака-тамги, то в архитектурной форме камней-надгробий. Каменные стелы с тамговыми знаками из степного Крыма, зарисованные и опубликованные Османом Акчокраклы,¹⁸ по своей форме уже довольно близки к тем мусульманским надгробиям, сооружение которых начнется позднее. Это вертикально поставленные прямоугольные стелы, трапециевидные камни, сооружения с завершением в виде треугольного фронтона или арки, очень часто с усечением в верхней части, создающем своеобразный изобразительный эффект «головы» (округлой, треугольной или квадратной) на «плечиках». Смутные воспоминания о фигурных каменных балбалах безусловно вплетались в такого рода сооружения, и традиция эта оказалась настолько устойчивой, что из языческого она перешла в мусульманское (принципиально

отвергавшее пластическое изображение человека) искусство, так что антропоморфные признаки проявлялись здесь довольно четко. Вспомним в этой связи известные стихи А. С. Пушкина, родившиеся в Бахчисарае:

«Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.
Сии надгробные столбы
Венчаны мраморной чалмою...»

Как любопытный историко-археологический парадокс надо отметить то обстоятельство, что в волжско-булгарском регионе нам практически неизвестны ранние каменные надгробия с изображениями знаков тамги, зато довольно широко представлен так называемый (по Г. В. Юсупову) «второй стиль» мусульманских памятников-эпитафий в виде строгих и скромных каменных плит, не особенно богатых орнаментальным декором, с текстами, врезанными в камень строгим геометрическим почерком куфи;¹⁹ в Крыму, напротив, обильно представлены камни со знаками тамги, и от этого примитивного искусства сразу совершается как бы прорыв в XIV столетие, к «первому стилю» татарских камней-эпитафий, украшенных пышной, сочной, рельефной орнаментальной резьбой по камню и пространными текстами, выполненными пластическим, гибким, извилистым почерком «сулье» («суллюс» в крымскотатарской интерпретации). Мы просто не знаем в Крыму куфических надгробий XIII — начала XIV вв., которые могли бы восприниматься в качестве своего рода постепенного стилистического перехода к памятникам середины — второй половины XIV века, которые естественно концентрируются в столице Крымского улуса Золотой Орды — Старом Крыму.

Надо признать, что по сравнению с булгарскими надгробиями этого периода,²⁰ которые довольно однотипны, даже унифицированы по конструктивному решению и формам декора (это всегда вертикальная прямоугольная плита с рельефно вписанной в ее верхнюю часть стрельчатой или килевидной аркой с «плечиками»; внутри этой арки идет сплошной каллиграфический текст эпитафии, обрамленный орнаментальными мотивами виноградной лозы или иными растительными узорами), крымские надгробные камни чрезвычайно разнообразны по очертаниям и формам декора. Здесь тоже встречаются вертикальные каменные плиты прямоугольных очертаний. Один из первых русских исследователей этих памятников в Крыму академик Петр Кеппен, обнаруживший и описавший немало таких сооружений в Отuze, Токлуке и других местах, отмечал, что «...камни, вертикально стоящие, у татар именуют «текильташ» от слова «тик» — крутой, вертикальный, или «тикмэ» (ставить) и от слова «таш» (камень)». Но возведением над могилой умершего простой вертикальной каменной стелы-плиты уже в золотоордынский период крымские татары редко ограничивались, и тот же Кеппен отме-

чал на старых татарских кладбищах «текиль-таши» весьма разнообразной конфигурации. «Нередко эти плиты или столбики, — писал он, — вверху украшаются чалмою: это значит, что тут погребен мужчина [...] над могилами женщин столбики иногда оканчиваются плоскою вверху шляпкой [...] Иногда погребальные камни бывают расписанными, то красного, то синего цвета».²²

Материалом крымскотатарских надгробий служил, как правило, местный светлый известняк и мрамор. Белизна крымских мраморных мусульманских надгробий отличает их от более суровых, темносерых камней, служивших материалом для булгарских надгробий в Среднем Поволжье и Приуралье. Применение дополнительного цвета, раскраска светлого камня, встречавшиеся в крымских мусульманских некрополях как золотоордынского периода, так и позднее, сближают это искусство с кругом северокавказских (сохранившихся, в основном, от позднего времени) мусульманских надгробий с их характерной, порою очень яркой раскраской предметных изображений — оружия на мужских надгробиях, украшений и орудий домашнего труда — на женских. Крымские мемориальные сооружения были одновременно и архитектурными памятниками, произведениями монументально-декоративной скульптуры и монументально-декоративной живописи — объектами синтеза пластических искусств.

Такому разнообразию архитектурных форм и конструктивных решений, которое характерно для крымских надгробий, мы не знаем аналогов в других регионах золотоордынского мира. Это и плоские камни, и столбы шестиугольных очертаний, и круглые тумбы с завершением, напоминающим тюбетейку или иной головной убор, и массивные «двурогие» саркофаги, и саркофаги без «рогов»-спинок, но с завершением в форме двускатной крыши (нечто вроде миниатюрного склепа-дольмена). Среди головных уборов, стилизованное изображение которых прослеживается в завершении каменных надгробий, встречаются и типичные войлочные шапки степняков-кочевников, еще не приобщенных к Исламу.

Характерный пример сооружения в виде каменного массивного, с двумя «рогами»-спинками саркофага — памятник знаменосцу Алемандру, датированный 1374 годом — 776 годом хиджры.²³

Чрезвычайно разнообразны изобразительные мотивы, вплетенные в узоры резьбы по камню на крымскотатарских надгробиях. Аччокраклы зафиксировал на старо-крымских и отузских надгробных памятниках XIV века изображения свечи, лампады, «щита Давыда» (шестиконечной звезды), стилизованных и почти «натуралистических» цветов.

Особый интерес представляет опубликованное им²⁴ надгробие с именем астронома Урус Ходжи. На верхнем полуширении, завершающем этот каменный столп, над каллиграфической полоской, обрамляющей

его рельефным декоративным обручем, выбиты в камни точечные углубления, совокупность которых воспринимается как плеяда звезд на небесном куполе. Ныне этот памятник находится в лапидариуме, созданном при Старо-Крымском историко-краеведческом музее. По мнению руководителя эрмитажной археологической экспедиции в Старом Крыму М. Г. Крамаровского, этот экспонат является уникальным творением во всем искусстве мусульманского мира и Восточной Европы. Особым предметом исследования может служить та сумма астрономических знаний, поразительных для конца XIV века, как бы обгонявших свое время, которая прочитывается и в изобразительной системе расположения звезд, и в самой сферической трактовке небосвода-купола. Если вспомнить о том, что в сложнейшей метафорической изобразительной системе памятника этот звездный небосвод может условно восприниматься как голова человека (здесь небосвод как бы заменяет традиционную чалму), то это заставит нас еще более трепетно ощутить всю философскую сложность данного произведения искусства, автор которого, кажется, действительно совершил немыслимый прорыв из средневековой дали к гносеологическим просторам и нравственным императивам нового времени, напомнив нам и о звездном небе над нами, и о нравственном законе внутри нас.

Каменные надгробия в Крыму сооружались над могилами и простых людей, и знатных беев, и мусульманских деятелей, причисляемых к лицу мучеников и святых. Могилы последних считались «казиами». Это были места массового паломничества, поклонений, мусульманские святыни крымских татар. В одном только Отuze, где, видимо, находилось теккие (монастырь дервишей), куда стекались паломники из разных стран, Акчокраклы обнаружил несколько таких азизов. Надгробия над ними были выполнены в виде вертикальных каменных стел. Это памятники шейху Якубу Конийскому (1328), мученику Идрису сыну Хаджи Яхии Отузского (1361) и шейху Хаджи Яхии сыну Мухаммеда Иракского (1380). Географические характеристики, включенные в эпитафии, свидетельствуют о широком радиусе культурных связей Крыма, простиравшихся и в Ирак, и в сельджукскую Турцию.

В общей эстетической и смысловой выразительности этих памятников, наряду с архитектурным построением и орнаментально-изобразительным резным декором, огромную роль играло поэтическое слово, запечатленное в эпиграфии. Из 145 памятников, изученных экспедицией 1925 года в Старом Крыму и включенных в каталог, составленный Османом Акчокраклы, 95 имели надписи. Мастера-резчики, вероятно, сами были авторами этих текстов, которые бывали скучными и строгими, иногда повторялась и ограничивались выдержкой из Корана, информацией об имени умершего, датой смерти (даты рождения никогда не упоминались), но нередко поражали своей поэтичностью, красноречием, пронзи-

тельным выражением боли и представляли собой частицу высокой восточной поэзии.

Приведем некоторые из них, отмечая в фигурных скобках номера каталога, составленного в Старом Крыму Османом Акчокраклы, и ставя в квадратных скобках даты христианского летосчисления в переводе с хиджры. «Могила благородного юноши Хыдыра, сына Халиля. 744 г. [1343]» {4}. «Это сад [могила] покойного прощенного Сенглю [Менглю —?] Эседуллы, сына Ахмета. Да будет над ним мир. Месяц Шеввеля 738 г. [1337]. Пророк, да будет ним мир, сказал: «Подобно тому, как вы будете умирать, будете жить, и будете жить, как будете умирать». «Смерть есть чаша, каждый человек должен испить ее, и могила есть дверь, каждый человек должен войти в нее». Правду сказал посланник божий» {13}. «О горе, прошла моя жизнь, напрасно прошла она без пользы... провел мимолетно. Не помогли вопли, погиб я в грехах... Нет прощающего друга... Покойного раба могила Эхи (?) Алемадара (знатоносца)» {25}. «Могила принадлежит Али-Эддину, сыну Саад-Эддина Крымского. О Боже, прости!» {41}. Традиция татарских надгробий в Крыму теснейшим образом связана со всей исламской культурой, теологией, представлением о загробной жизни, с мусульманской этикой и религиозной поэзией. Вместе с тем в этом искусстве, особенно раннего, золотоордынского периода, различим дальний отзвук языческой мифологии, языческой знаковой системы и символики, смутных воспоминаний о какой-то каменной фигуре, которая должна сторожить могилу вождя или воина. Между крымскими «текиль-ташами», прежде всего того архитектонического типа, которые А. С. Пушкин назвал «столбами», увенчанными мраморной чалмой, и фигурными «балбалами» кочевников Тюркского каганата и половецких степей гораздо больше сходства, чем между «кабръташами» булгар и казанских татар и тюрко-половецкими «балбалами», ибо на территории Волжской Булгарии и Казанского ханства не только преобладал, но по существу монопольно господствовал, как уже упоминалось, унифицированный тип надмогильных сооружений. Крым был более открыт разнообразным художественным влияниям, и типология мусульманских надгробий была здесь не столь жестко унифицирована. Форма саркофагов с «рогами»-спинками и саркофагов под двускатной крышей имела свои истоки и переклички с таврским, скифским, античным и эллинистическим искусством в Крыму. В то же время надо отметить, что тип надгробия-саркофага с симметричными каменными стелами-»спинками» в изголовье и в ногах (с двух торцовых сторон сооружения) имел широкое, можно сказать, универсальное распространение в исламском мире, и такого рода сооружения встречаются даже среди мусульманских надгробий юго-восточной Азии.²⁵

Искусство крымскотатарских надгробий, казалось бы, чисто мусульманское, чисто сакральное, регламентируемое религиозным погребаль-

ным ритуалом и культом, в то же время соприкасалось и со светской поэзией, любовной лирикой и даже сатирой (вспомним знаменосца, погибшего «в грехах»), и со светской изобразительностью, интересом художника к предметному миру весьма широкого диапазона.

Характерно, что некоторые крымские «текиль-таши» очень похожи на резные камни отнюдь не надгробного назначения, прежде всего на мраморные сооружения над источниками воды (включая священные источники, почитаемые так же, как могилы святых — азизы), а также на строительные («закладные») доски, которые устанавливались обычно над порталом здания и включали в резной каллиграфический текст и кораническую формулу, и дату сооружения, и имя мастера-строителя. В том же Отuze, откуда происходит значительная часть надгробий золотоордынского периода, включенных в каталог Аччокраклы, в стену у входа в Малую мечеть была вкомпирована доска, возможно, перенесенная сюда с места, где находился целебный, почитаемый источник. Резьба по камню (тем же рельефным почерком сульс, какой встречается на всех отузских и старокрымских надгробиях) на этой плите, стилистика текста и художественные приемы обработки камня составляют одно целое с искусством резных надгробий, материалом для которых служил такой же мрамор или известняк. Имя мастера-резчика, приведенное на этой плите, возможно, было именем одного из авторов отузских надгробных камней середины XIV века — искусства, которое уже в средние века не хотело оставаться анонимным. Текст этой надписи гласил: «Этот благословенный колодец построил в дни царствования великого султана Кутлуг Тимур-Бека, — да будет долга жизнь его, — покорный раб бедный Идрис сын Хаджи Яхьи. 760 г. [1358]».²⁶

Традиции каменных надгробных сооружений крымских татар из золотоордынского периода органично переходят в эпоху Крымского ханства. Так же, как в Среднем Поволжье между надгробиями Волжской Булгарии золотоордынского периода и памятниками эпохи Казанского ханства существуют заметные различия (в форме, декоре, архитектуре и пластике сооружений, в литературной стилистике, наконец, в географии их распространения), крымскотатарские надгробные камни XV—XVI вв. и особенно поздние сооружения XVII—XVIII вв. заметно отличаются от памятников из Старого Крыма и Отзу.

Тексты, запечатленные на надгробных памятниках-камнях эпохи Крымского ханства становятся более сложными, велеречивыми по сравнению с эпитафиями золотоордынского периода. Мы имеем здесь дело с творчеством хаттатов — мастеров, которые одновременно были и резчиками камня, и «писцами», виртуозно владевшими не только традиционным сульсом, но всеми почерками классической семерки (из которых особенно любимыми и распространенным в Крыму был дивани), и поэтами, сочинявшими эпитафии. О почетном положении в обществе

таких мастеров свидетельствует то, с каким достоинством многие из них вводят в текст эпитафии свое собственное имя, выражая авторскую гордость своим творением.

Разумеется, и мера поэтического пафоса, и пышность орнаментально-го резного декора, и даже размеры сооружения зависели в каждом конкретном случае и от социального положения умершего, и от воли заказчи-ка, и от индивидуальности резчика-поэта и его мастерства: в одно и то же время сооружались и скромные, строгие, и поистине великолепные в сво-ей торжественной величавости надгробия. И все же общая тенденция развития этого искусства от эпохи Ренессанса (XV—XVI века) через весь XVIII век к закату Крымского ханства, к XVIII веку идет по линии нарастания своеобразной барочной пышности. И тексты, и формы памятников становятся более сложными, затейливо-вычурными, перегру-женными орнаментально-калиграфическим декором.

Сравним, к примеру, эпиграфии на Ханском кладбище в Бахчисарае, взяв несколько примеров в хронологической последовательности.

1699 год: «Молитва за упокой души начальника привратников высо-чайшего двора, покойного Хаджи-Кенаана, сына Алия. 1111 год».

1729 год: «Эта гробница есть ложе одной прекрасной особы, нежное тело которой судьба сравняла с землею. Молитва за упокой души усоп-шей Мемек-Султаны. 1142 год».

1762 год: «Калга Сеадет-Гирей. Ненавистная судьба зарыла в зем-лю алмаз с нитки рода Чингизовых. Много алмазов было у Сеадет-Гирея, наместника Крымского. Ныне один из этих есть Бахт-Гирей Сул-тан, правосудный и умный. Да украшается он счастьем, пока тот (Сеа-дет-Гирей) лежит в земле [...] Тай Хамди [автор эпиграфии] написал год его смерти: при таком счастии да восседает он на украшенном тро-не в раю. 1176 год».

1763 год: «Сын хана Крымского. Ах, еще младенцем отказался от жизни и переселился в царство вечности. Эта райская птица, бросив суетный мир, улетела в сад духовный [...] Я, Муджеми, со вздохом на-писал год его кончины: Бегадыр-Гирей вступил в сад вечности. 1177 год».²⁷

В надгробиях Крымского ханства позднего периода (XVII—XVIII вв.) поражает широкий разброс композиционных решений. Здесь нет единого канона, архитектурного стереотипа, почти обязательного, скажем для сравнения, для всех булгаро-татарских надгробных камней определенного стиля, определенной эпохи. Среди крымских памятников одного хронологического периода (фактически мы имеем дело с ма-териалом XVII—XVIII веков) можно встретить самые различные со-оружения. Это и столп овального сечения, четырехгранных и много-гранных очертаний, и круглая колонна с куполообразным завершением, и плоская стела, поставленная на цоколь или без цоколя, и довольно слож-

ная конструкция между двух параллельно поставленных стел, соединенных друг с другом цепями или оградой, и разновидности саркофагов.

Некоторые формы надгробий встречаются довольно редко. Например, неповторимо-своеобразным представляется нам надгробие в виде массивной колонны с верхним куполообразным навершием (высота памятника 1 м, диаметр — 0,4 м) из нынешнего собрания Феодосийского Краеведческого музея (номер хранения А-35/15, акт 1973 года) известное по тексту, заключенному в картушке, как «могила покойного Агаш (Агуш)-Бека, сына Кулумыша, да смилостивится над ним Аллах». Однако и в тех случаях, когда ничего исключительного в конструкциях нет (четырехгранные и многогранные формы столпов и саркофаги встречаются в крымских надгробиях часто), чувствуется исключительная (в других мусульманских регионах, нам кажется, просто немыслимая) раскованность и свобода художника, который мог сделать надгробие как угодно, не чувствуя себя связанным никаким каноном. Это позволяет говорить о крымскотатарских надгробиях XVII—XVIII вв. именно как о произведениях профессионального искусства, со всеми присущими ему чертами творческой свободы и авторской индивидуальности. Разумеется, это искусство имеет генетическую родственную связь с традициями народного творчества (резьба по камню) и народной мемориальной архитектуры; оно также предопределено сакральным назначением памятника, мусульманским религиозным ритуалом и культом погребений и, вообще, функционирует лишь в границах исламской цивилизации. Но в этих широких границах оно чрезвычайно свободно и по своей художественной природе профессионально, независимо от какого-либо канона и, как правило, не анонимно.²⁸

Обычная для мусульманских надгробий вертикаль не была обязательной нормой для крымского мастера. Мы встречаем здесь (правда, довольно редко) и надгробия в виде горизонтальной каменной стелы. Такова, например, мраморная плита размером 33x42 см из той же феодосийской коллекции (инв. номер 1831, поступила до 1971 г.) с виртуозной орнаментально-калиграфической надписью в две строки. Но особенно широкое разнообразие, можно сказать, настоящее буйство фантазии художника обнаруживается в изобразительных мотивах, которые не только вплетаются в орнаментально-калиграфический узор, но высступают в монументально-пластической форме. Такой формой является изображение чалмы, венчающей мужские надгробия, и шапочки, венчающей женские надгробия на татарских кладбищах Крыма. Не имея права (согласно мусульманской этике и эстетике) на изображение человека, крымский мастер тем не менее ставит памятник умершему как каменный столп, увенчанный чалмой, который начинает походить на стоящую фигуру, ассоциироваться с фигурой человека, причем по головному убору можно отличить мужской силуэт от женского. В этом

художественном явлении сложно переплетаются и очень древние традиции тюркского искусства, и совсем новые, нарастающие в век Проповедания предчувствия секуляризации искусства, пробудившийся интерес к чисто изобразительным мотивам, умение обойти запреты шариата: живое существо изображать, конечно, нельзя, но этот камень, этот столп в чалме, он смотрится почти как человек, и в его силуэте даже можно узнать суровую стать, грузную мощь или юношескую стройность умершего. Надо внимательно присмотреться к тому, с каким пластическим совершенством, с какой тщательностью вырезаны в камне венчающие надгробный памятник шапочки и чалмы. Замечательный пример тому — обвивающая тугим бутоном остроконечное навершие памятника, белоснежно-мраморная, тщательно отполированная чалма надгробия из феодосийской музейной коллекции (инв. номер А-6163). Эта чалма «скручена» выпуклыми рельефными жгутами, их встречное движение энергично, полно динамики. Это одновременно и виртуозно обыгранный узор — чисто орнаментальная плетенка, и реалистическое изображение конкретного предмета, радовавшее художника своей реальностью, своей точной похожестью на настоящую, именно так закручиваемую чалму. И чалма, и женская шапочка служили символами принадлежности умерших к Исламу.

При этом не только в ранних, но и в поздних надгробиях мусульманская символика удивительно переплетается с языческой. Как отмечает в новейшем путеводителе по Бахчисарайскому заповеднику Ю.М. Могаричев, создатели каменных надгробий, отталкиваясь от мусульманской формулы «Смерть есть чаша с вином, которую должно испить все живое», нередко высекали в камне, в верхней части надгробия, своеобразную чашу, которая наполнялась дождевой водой. «Начало такой традиции, — пишет он, — имеет корни в языческой древности, когда верили, что обильный дождь и полив способствовали очищению души...»²⁹ Сочетание с живой водой, естественной зеленью, цветами, которые высаживались над могилой, увеличивало сходство надгробных сооружений с архитектурой крымских фонтанов, декоративным обрамлением водных источников.

Встречаются на крымских надгробиях и рельефные изображения предметов, чаще всего оружия. Примером тому может служить рельефное изображение ятагана на надгробии Селим Гирея (1744), которое символизировало воинскую доблесть умершего хана. Отдельные изобразительные мотивы (изображения лампады, светильника, голубей, кентавров) свидетельствуют о точках соприкосновения и сложных переплетениях исламского искусства и с христианской, и с иудаистской символикой, и с античной мифологией, переосмысленной в возрожденческой и классицистической интерпретациях. Однако такого рода изображения в резьбе по камню на крымскотатарских надгробиях — довольно

редкое исключение, в то время как богатейшие орнаментальные композиции, сопровождая каллиграфический текст эпитафий и переплетаясь с ним, украшают почти каждый надгробный памятник. Наряду с розетками и богатейшими вариациями геометрической плетенки, свидетельствующими об устойчивости и длительности традиций сельджуказма в крымскотатарском монументально-декоративном искусстве, в произведениях позднего периода широкое распространение имеют растительные мотивы, стилистически сближающие народное искусство крымских и поволжских татар. Излюбленным мотивом растительного орнамента в крымскотатарской резьбе по камню был извилистый стебель и лист гороха. В построении узора можно четко проследить его центральную основу (вазон, или куст, или букет, в который трансформировалось изображение «древа жизни») и поднимающееся над ним кружевным орнаментальным облаком, разветвляющимся в стороны растительными побегами, орнаментальное плетение. В этот узор резчики свободно вводили и скрученные спиралью листочки, и молодые побеги, и кружочки, служившие обозначением улиток, и изображения айвы, граната, виноградной лозы, груши и других плодов. Среди растений и цветов варьируются стилизованные изображения тюльпана, розы, шафрана, лютика, гвоздики, малызы. Особо надо отметить характерный для крымскотатарского растительного орнамента мотив кипариса, имевший свои истоки как в окружающей природе, так и в древних традициях сельджуказма, проникавших в Крым из Малой Азии и южного Причерноморья: там кипарис служил символом скорби и знаком вечности; именно эта его символика гармонировала с характером надгробий.

Е. Л. Марков в своих «Очерках Крыма» оставил описание надгробий, сосредоточенных при Бахчисарайском ханском дворце. Над сказать, что их состояние в конце XIX века и их восприятие русским ученым-путешественником мало отличаются от современного. «Через узенькую калиточку, — пишет Марков, — входишь в весело цветущий миндальный садик, с жужжащими пчелами и густою зеленою травою... Среди этой травы стоит несколько высоких каменных гробов с каменными чалмами на головах. Но это только придверники. Из садика вы входите в сырую и пustую, круглую башню, засаженную гробами... Тут уже мрачно и гнило. Тут не одни чалмы, тут и каменные женские шапочки над гробницами ханских жен... На каждом гробу неизбежный стих из Алкорана.

На некоторых иссечены какие-нибудь вооружения; на Менгли-Гирее, например, грозная тяжелая сабля. Горбицы стоят враздробь и вообще находятся без всякого призыва. Некоторые даже разбиты. А между тем, по остаткам разноцветных повязок на шапочках и чалмах заметно, что еще не очень давно какая-нибудь верная рука воздавала почесть покойникам».³⁰

В методологическом плане, в связи с задачами дальнейшего исследования крымскотатарских надгробий нам хотелось бы в заключение настоящей статьи акцентировать два важных момента.

Во-первых, надо иметь в виду теснейшую стилистическую связь крымскотатарских надгробий с другими видами, типами, жанрами и формами крымскотатарской архитектуры, декоративного и изобразительного искусства, поэзии и философско-исторической литературы. Эти памятники нельзя рассматривать изолированно, вне контекста с теми процессами, которые шли в других сферах народного творчества и профессионального искусства крымских татар. При этом некоторые специфические формы крымскотатарского зодчества и искусства особенно близки и тесно связаны со стилистикой, принципами конструктивных решений и декора мусульманских надгробий. Это прежде всего усыпальницы-дюрбе, которых в Крыму сохранилось гораздо большие и от гораздо более позднего времени, чем в других ареалах татарской культуры, например, в Булгаре, в Заказанье или Касимове. С монументальной формой мавзолея всегда по-своему перекликались более скромные по масштабу мусульманские надгrobия-камни, воспроизводя в миниатюре отдельные архитектурные и декоративные мотивы, первоисточником которых служили конструктивные решения и декор мечетей и величественных дюрбе-мавзолеев. В ансамбле Бахчисарайского дворца-заповедника, где каменные надгробия (как изначально возведенные на ханском кладбище, так и привезенные сюда позднее как в единственную зону охраны из мест тотального разрушения мусульманских кладбищ в Крыму) воспринимаются в непосредственной визуальной связи и с ханскими усыпальницами-дюрбе, и с другими сакральными и светскими памятниками крымскотатарской национальной культуры. Здесь эта связь выступает особенно рельефно и может быть прослежена на наглядном материале.

Особо следует подчеркнуть характерное для крымскотатарской национальной культуры сходство и духовное родство надгробных памятников и сооружений над водными источниками, в том числе, знаменитых бахчисарайских фонтанов. Обрамление водных источников, получившее выражение в разнообразных типах настенных, прилегающих к скале или к стене, а также «круглых», рассчитанных на круговой обзор, сооружений, имеет в Крыму немало точек соприкосновения с художественной традицией надгробных памятников. Это проявляется и в архитектурных, прежде всего арочных мотивах, и в резном и живописном декоре, и в эстетическом освоении камня (цветного и белоснежного мрамора), и в активном введении поэтических текстов и коранических формул в каллиграфический узор как надгробия, так и фонтана, и в самом религиозном восприятии священной могилы (памяти предков) и священного водного источника (источника жизни). В крымскотатарской культуре получает распространение очень своеобразная художе-

ственная и эмоциональная форма, возникшая как синкretическое единение надгробия и фонтана: это фонтан слез (и знаменитое бахчисарайское творение художника Омара — отнюдь не единственный пример сооружений такого рода), фонтан печали, фонтан, хотя прямо и не связанный с захоронением, с могилой усопшего, но играющий роль мемориала — памятника, напоминающего и о быстротечных радостях жизни, и о неизбежной разлуке, и о райском блаженстве загробного существования душ праведников.

У искусства надгробий и искусства фонтанов в Крыму была общая сакральная основа, общая опора на фундаментальные пластины философии Ислама, мусульманской этики и эстетики, общая концепция синтеза произведения искусства с окружающей природой. Разделяя это единое мировоззрение, владея постулатами этой веры, крымскотатарский художник мог естественно сочетать в одном лице архитектора, мастера ландшафтного дизайна, декоратора, живописца, поэта и выступать как автор и архитектурно-пластических надгробий, и сооружений над водными источниками и фонтанами, применяя в том и другом случае схожую систему обработки мрамора, резного декора, поэтических эпитафий, исполненных религиозной и мистической лирики. В известной мере это характерно для всех исторических периодов развития культуры Крымского ханства до конца XVIII века включительно.

Вторая проблема связана как раз с тем, обрывается ли эта традиция после аннексии Крымского ханства в 1783 году. При всей неполноте и непоследовательности научного исследования художественного наследия, профессионального искусства и народного творчества крымских татар в XIX—XX столетиях, мы все же располагаем на сегодняшний день достаточным материалом для того, чтобы сделать вывод о непрерывных и не прерванных, несмотря на все тяжелейшие удары, многократно повторявшиеся с конца XVIII до конца XX века и направленные на уничтожение крымскотатарской культуры, живых традициях национального искусства, в том числе в конкретной области мемориальных сооружений и художественных надгробий.

Вспомним в этой связи о судьбе акмечетского кладбища в черте нынешнего города Симферополя, которое прилегало к татарскому поселению Ак-Мечеть (Ак-Месджид) и тянулось от дворца калги-султана (разрушенного русскими войсками в 1771 году) до реки Салгирки. После присоединения Крыма к России мусульманское кладбище начали разрушать, застраивать домами, наконец, в 1820 году на его месте разбили «казенный сад». Однако еще более столетия в этом районе (около дома № 7 по нынешней улице Воровского, бывшей Воронцовской) не только сохранялась, но и благоустраивалась заново могила («азиз») татарского святого Салгир-бабая. По свидетельству казанского учителя-краеведа Ф. Ф. Лашкова, исследовавшего этот памятник в 1889 году,

она располагалась посреди небольшого дворика и представляла собой гробницу, покрытую плитой из известняка с арабской каллиграфической надписью о том, что она построена «боголюбивым шейхом Ассаном в 1257 году»³¹ (1257 год хиджры соответствует 1841 году христианского летосчисления). Таким образом, в середине XIX века в Крыму еще были мастера, владевшие традиционным искусством резных надгробий. Возможно, их же руками возводились широко распространенные в XIX — начале XX вв. по всей территории Крыма каменные фонтаны и сооружения над священными и целебными источниками, выдержаные в традициях мусульманской архитектуры, иногда имитирующие формы порталов, михрабов мечети и надгробных каменных плит (один из таких источников сохранился в горах над поселком Гурзуф, у дороги к бывшему молодежному лагерю «Спутник» по левую сторону при спуске с гор).

Новые мусульманские кладбища в Крыму появляются вместе с возвращением на Родину крымских татар. Вновь над могилами ставятся вертикальные каменные плиты — текиль-таши. Давно выбиты из жизни, ушли в могилу мастера, владевшие каллиграфическим почерком, способные украшать надгробия резными эпитафиями и кораническими формулами. Однако появляются новые генерации профессиональных архитекторов, скульпторов и живописцев, стремящихся овладеть забытым языком и искусством, применяющих (иногда в стилизованных формах, в надписях на русском и современном крымскотатарском языке, внешне напоминающих арабскую вязь) традиционные декоративные приемы оформления надгробий. И исламская символика, и коранические тексты снова появляются на памятных стелах и надгробных камнях. Впервые после депортации это позволили себе в 1970-х годах жители села Донское (бывшего Кернеуч Зуйского района). Именно их землях Муса Мамут совершил 28 июня 1978 года в знак протеста против глумления администрации над крымскими татарами акт самосожжения, всколыхнувший тогда весь прогрессивный мир. Могила Мусы Мамута, оформленная в стиле традиционных мусульманских резных каменных надгробий, до сих пор остается местом массового паломничества. На мусульманском кладбище в Донском были поставлены и другие надгробия (например, Сейару Джемалединову, умершему в 1976 году) в виде текиль-ташей с исламской символикой и арабской вязью.

Теперь, однако, главный акцент переносится на мемориальные сооружения, которые воздвигаются не на месте конкретных захоронений, а как памятники общенационального или локального значения — павшим в войне, ставшим жертвами сталинского геноцида и красного террора, вынужденным оставить родную землю соотечественникам. В формах каменных стел и надписей авторы таких сооружений стараются сохранить некоторое, хотя бы отдаленное сходство с традиционным типом надгробного текиль-таша. Одним из первых в современном Крыму 7 октября 1987

года был поставлен по инициативе крымскотатарской общественности памятный знак в честь жителей деревни Тав-Бадрак (ныне село Скалистое) Бахчисарайского района, погибших от рук фашистских оккупантов. На мемориальной доске здесь запечатлены имена 38 погибших (37 татар и одного русского). Затем, в 1989 году, на Керченском полуострове по инициативе жителей села Новониколаевка Ленинского района Р.Усеинова и Ш.Нафеева на их средства был поставлен памятный знак в честь партизанки Алиме Абденнановой на месте уже не существующего татарского села Джермай-Кашик. К 140-летию со дня рождения Исаима Гаспринского, 21 марта 1991 года, в бахчисарайском пригороде Салачике (на нынешней территории психиатрической больницы) над условно выбранным местом его возможного (уничтоженного) погребения был установлен дипаритовый памятный камень с текстом на русском языке. Весной 1994 года по инициативе Меджлиса крымскотатарского народа был проведен международный конкурс на памятник, посвященный жертвам геноцида — массовой депортации крымских татар 18 мая 1944 года. Среди конкурсных проектов было немало творческих предложений, возрождающих традиции мусульманских дюрбе-мавзолеев и саркофагов, резных каменных стел, соединенных цепями и оградами. Одним из наиболее интересных конкурсных проектов был проект, озаглавленный «Черное дюрбе», молодого крымскотатарского художника Исмета Шейха-Заде. Перекличка со старинными сакральными сооружениями, центрально-купольными мечетями и ханскими усыпальницами-ротондами, была ощутима и в рисунке конкурсного проекта архитектора Ирфана Шемсединова, получившего вторую премию и возглавившего авторский коллектив, начавший работу над окончательным проектом монумента. На месте сооружения будущего памятника в симферопольском парке Салгира 18 мая 1994 года был установлен памятный камень, а во многих городах Крыма к памятной трагической дате — 50-летия депортации и позднее были сооружены памятные знаки и стелы. Некоторые из них не имеют с национальной традицией каменных надгробных сооружений ничего общего, но отдельные памятники, например в Ялте, Евпатории, Судаке, построены с сознательным учетом определенных традиций мусульманских мемориальных сооружений: и формы камней, и их сочетание с природной зеленью и водными источниками (в Ялте), и тексты, заключенные в картуши и стилизованные под арабскую каллиграфическую систему (в Евпатории), и другие художественные особенности продиктованы этой традицией.

Нельзя умолчать при этом о той настоящей «войне», которая объявлена крымскотатарским памятникам шовинистическими силами в Крыму и в атмосфере которой возрождение крымскотатарского мемориального искусства обретает драматический характер. Почти все упомянутые выше новые памятные сооружения подвергались осквернениям, нападениям хулиганов и частичным или полным разрушениям. Особенно возму-

тильная варварская акция была совершена в Симферополе в новогоднюю ночь 1 января 1996 года, когда был разбит и осквернен антитатарскими надписями памятный камень, заложенный на месте будущего монумента жертвам геноцида и депортации в парке Салгирка. Президиум Меджлиса крымскотатарского народа принял по этому поводу специальное заявление от 3 января 1996 года, потребовав от крымских властей остановить вандалов и привлечь к ответственности виновных.³²

Таким образом, проблемы культуры, ее истории и возрождения оказываются в наше политизированное время неразрывно связанными с актуальными политическими задачами национального и правозащитного движения крымскотатарского народа.

Примечания

- 1 Первая комплексная научная экспедиция, финансируемая Меджлисом крымскотатарского народа, была проведена под руководством автора летом 1994 года по программе «Возрождение мусульманской культуры в Крыму». Вторая экспедиция при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект 96-01-18033 и Фонда Джона Д. и Кэтри Т. МакАртуров (индивидуальный исследовательский проект GA 96-41181 A-FSU) была проведена нами по программе «Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного Возрождения» летом 1996 года. В ходе двух экспедиций нами были обследованы Бахчисарайский, Симферопольский, Севастопольский, Ялтинский, Алуштинский и Судакский районы.
- 2 Осман Аччокраклы: Старо-Крымские и Отузские надписи XIII—XV вв. Симферополь: 1927. (Отдельный оттиск публикации в томе 1 (58) «Известий Таврического общества истории, археологии, этнографии»).
- 3 К 1985 году на государственном республиканском учете Украинской ССР находилось 11 крымских мемориальных сооружений мусульманского характера (номера в реестре государственного учета 285/9, 285/11, 285/12, 285/13, 286, 287, 290/4, 296, 297, 298, 299). В 1986 году на учет был взят 12-ый памятник — дюрбе в селе Айовое Бахчисарайского района, на берегу реки Качи. Характерно, что на государственный учет ставятся исключительно монументальные надгробные сооружения типа дюрбе, мавзолеев-усыпальниц, открытой ротонды (над могилой хана Менгли-Гирея Второго); таким образом, взгляд чиновников замечает только масштабные здания, не снисходя до отдельных надгробных камней, которые составляют основной материал крымскотатарской эпиграфики и в данном случае — предмет нашего исследования. К тому же, практически все памятники (буквально за двумя исключениями), оказавшиеся под охраной государства, находятся на территории Бахчисарайского дворца-музея, где их просто нельзя было не заметить (потому они и вошли в республиканский реестр) и где проблемы охраны решены самим статусом музеино-архитектурного заповедника. В то же время в отдаленных горных, степных и прибрежных районах, на остатках чудом уцелевших и продолжающих разрушаться мусульманских кладбищах одинокие каменные надгробия предоставлены своей судьбе и до сих пор не охраняются государством.

Свидетельством полного пренебрежения к памятникам крымскотатарской культуры в Крыму может служить утвержденный Постановлением Правительства Крыма 20 апреля 1995 г. (№ 126) «Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым (по состоянию на 01.01.95 г.)» (Симферополь: 1995). Открываем том 1 этого убористого (на 158 страницах) реестра «Памятники истории и монументального искусства», пытаемся найти хоть что-либо из крымскотатарских надгробий любого периода, из священных мусульманских могил-азизов, из мемори-

альных сооружений, хоть как-то связанных с национальной историей и культурой крымских татар. Напрасно. Огромный труд составителей многостраничного реестра (а до них — труд исполнников, определявших охранные зоны и достойные заботы и охраны памятники, труд скульпторов и архитекторов, их сооружавших, труд жителей Крыма, в конечном итоге финансировавших всю эту «монументальную пропаганду») потрачен, кажется, специально на то, чтобы унизить национальное достоинство коренного народа, подчеркнуть, что нет на крымской земле места могилам и надгробиям крымских татар, что не имеют они ни малейшей ценности. Нет сомнения в том, что чиновники от культуры ведут тотальную войну против крымскотатарского искусства. В оригинал не допущено никаких татарских наименований, никаких воспоминаний о том, что, например, Белогорск веками был Карасу-Базаром, село Земляничное до депортации называлось Орталан, село Ароматное — Шабан-Оба, поселок Зуя — Отракой и так далее.

И это по Белогорскому району — исконной территории, на которой шло развитие истории, культуры, государственности крымских татар. Ни единого крымскотатарского памятника на учете, ни единого имени крымскотатарского художника среди авторов сооружений, ни единого деятеля национальной культуры, чья память оказалась бы достойна внимания крымских властей. И это документ 1995 года! И то, что мы видели на примере Белогорского района, повторяется по всем районам Крыма без исключения.

- 4 В. К. Гарагуля: Бахчисарай. Очерк-путеводитель. Симферополь: 1973.
- 5 Петр Кеппен: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: 1837. В этом исследовании дано первое в русской академической литературе описание и аналитическое исследование мусульманских погребальных памятников в Крыму (в Отузе, Токлуке и других местах, где побывал П. Кеппен).
- 6 А. А. Борзенко; А. Ф. Негри: Бахчисарайские арабские и турецкие надписи.// Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса: 1850. С. 489-524. Публикация содержит самые полные и точные из всех прежних и последующих переводы эпитафий, находившихся в интерьере ханского дворца и на сооружениях в его садово-парковом окружении.
- 7 В. Н. Гуркович: Архитектурно-градостроительные исследования памятников крымских татар. Историко-архивные и библиографические изыскания. [Машинописный текст в нескольких подшивках]. Симферополь: 1991. (Хранится в Крымском отделении Украинского специального научно-реставрационного проектного института «Укрпроектреставрация» в Сиферополе).
- 8 Подробное описание всего найденного включено в дневник и научный отчет нашей экспедиции 1996 года, переданный в Российский Гуманитарный Научный Фонд.
- 9 Э. А. Сеферов: О состоянии памятников мусульманской культуры в Крыму и проблемы их исследования. // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1991, 23-28 сентября. Вып. 1. Симферополь: 1991. С. 111.
- 10 См., например: Е. А. Халикова: Билярские некрополи. //Исследования Великого города. М.: 1976. С. 113-168; Е. А. Халикова: IV Билярский некрополь. //Новое в археологии Поволжья. Казань: 1979. С. 114-118; Е. А. Халикова: Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань: 1986.
- 11 Самый ранний из числа обнаруженных, известных памятников волжско-булгарского ареала датирован 680 годом хиджры (1281-1282). Он найден в 1951 г. около села Русский Урмат Высокогорского района на месте Иски-Казани. Камень имеет стрельчатое очертание, высоту около 145 см и врезанную в плоскость камня с лицевой стороны куфическую надпись. Опубликован в трудах исследователей булгаро-татарской эпиграфики: Г. В. Юсупов: Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: 1960. С. 47; Р. Г. Фахрутдинов: Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов). //Советская археология, 1984, № 4. С. 91.

- 12 О надгробном эпиграфическом камне-памятнике из села Ямбухтино Тетюшского района, относящемся к 1244 году, упоминается в «Булгарской истории» татарского историка Г. Ахмарова: Г.Ахмаров: Болгар тарихы. Казан: 1907.Б. 125.
- 13 Осман Акчокраклы: Старо-Крымские и Отузские надписи...
- 14 Подробнее о том, что представляли собой такого рода «книги-камни» см. в исследовании: С. Г. Кляшторный: Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: 1964.
- 15 Опубликован в статье: Э. Ф. Ишбердин: Камень с «загадочными» знаками. //Советская тюркология, 1980, № 2. С. 64-67, с послесловием С. Г. Кляшторного.
- 16 См.: Осман Акчокраклы: Татарские тамги в Крыму. Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Книга 1. (Отдельный оттиск). Симферополь: 1927. Недавно эта работа в отличном полиграфическом исполнении со множеством иллюстраций переиздана в Турции: Osman Akcokrakli; Ismail Otar: Kirim'da Tatar Tamgalari. Ankara, Haziran, 1996.
- 17 Там же. В русском издании С. 46; в турецком — С. 30.
- 18 Там же. В русском издании С. 36; в турецком — С. 11 приложения — факсимильно воспроизведенной брошюры Османа Акчокраклы, изданной в Бахчисарае в 1926 году на крымскотатарском языке арабским шрифтом.
- 19 См., к примеру, памятник дочери Кинджи Зубайди из Булгара, сооруженный в 1290-х годах, производящий впечатление почти аскетической строгости, со скучным куфическим текстом, врезанным в его неорнаментированную поверхность (хранится в Государственном Объединенном Музее Татарстана, инв. № 5751; опубликован нами в альбоме «Изобразительное искусство Советской Татарии» (М.: 1983), илл. 8).
- 20 По проблемам булгаро-татарской эпиграфики существует богатая историческая, лингвистическая и искусствоведческая литература. Хронологическая последовательность появления основных трудов, посвященных резным надгробным камням мусульманского Поволжья, выстраивается следующим образом: Х. Фаизханов. Три булгарских надгробных надписи. // ИАО. — СПб.; Тип. Акад. наук, 1863. — Т. IV, вып. 5. — С. 395-403; Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме. // ИОАИЭ. — Казань, 1906. — Т. XXI, вып. 1. — С. 92-113; Али-Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI века //ТОИТ. — Казань, 1930. — Т. I. — С. 145-172, табл. I-III; П. Е. Корнилов: К орнаментике булгаро-татарского резного камня. // МОРППТ, вып. 3. Казань: 1929. С. 1-19; П. М. Дульский: Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI-XVII вв. // Там же. С. 22-26; С. Е. Маликов: Булгарская и татарская эпиграфика. //ЭВ, 1947, вып. 1; 1948, вып. 2; Г. В. Юсупов: Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: 1960; Г. В. Юсупов: Новые находки эпиграфий периода Казанского ханства. //ЭВ, 1963, № XVI, С. 72-81; А. Б. Булатов Булгарские эпиграфические памятники XIII-XIV вв. правобережья Волги // ЭВ, 1963. — Т. XVI; А. Б. Булатов. Эпиграфические памятники Закамья XIV века //ЧНИИ — Чебоксары, 1967. — Вып. XXXVI. — С. 198-215; Ф. Х. Валеев: Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: 1975; Д. Г. Мухаметшин: О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища. //Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань: 1976, С. 60-71; А. Н. Khalikov, D. G. Muhametschin: Unpublished Volga Bulgarian Inscriptions. //Acta Orientalia,XXXI (I), 1977, С. 197-125; Ф. С. Хакимзянов: Язык эпитафий волжских булгар. М.: 1978; С. М. Червонная: Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М.: 1987; Д. Г. Мухаметшин: Резьба по камню в Среднем Поволжье XIII — первой половины XVI века. //Труды Академии художеств СССР, вып. 5. М.: 1988, С. 25-217.
- 21 Петр Кеппен: О древностях...
- 22 Там же.

- 23 В каталоге памятников, составленном Османом Акчокраклы и включенным в уже упомянутую работу «Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XV вв.», он опубликован под номером 25.
- 24 Там же, № 57.
- 25 Такую форму «саркофага» носит, например, известное надгробие одного из девяти мусульманских святых острова Ява Маулана Малика Ибрагима, сооруженное в 1419 году в Гресике, в восточной Яве (см.: Die Gaerten des Islam. Hrsg. Hermann Forkl u.a. Berlin:-Stuttgart: 1993. S. 208. Abb. 328).
- 26 Осман Акчокраклы: Старо-Крымские и Отузские надписи...
- 27 Переводы эпитафий, которыми ученые пользуются уже полтора века, даны в указанной выше публикации А. А. Борзенко и А. Ф. Негри.
- 28 Нам важно подчеркнуть эту мысль в контексте давнего спора с носителями вульгарных представлений о том, будто мусульманские народы России, вообще, не имели до революции своего профессионального изобразительного искусства и «первыми художниками» из числа волжских, крымских татар, ногайцев, горских народов Кавказа и т.д. считались лишь те, которые в XX веке получили образование в художественных школах России, в советских вузах.
- 29 Бахчисарайский историко-культурный заповедник. Путеводитель. Редактор-составитель Ю. М. Могаричев. Симферополь: 1995. С. 24. Текст этого раздела путеводителя повторяет буклет: Л. Н. Малиновская: Ханское кладбище (мезарлык). Бахчисарай: 1991.
- 30 Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы Евгения Маркова. Издание второе с 257 картинами и рисунками. СПб.-М.: 1902. Факсимильное переиздание: Симферополь, «Таврия», 1995. С. 75-76.
- 31 [Ф. Ф. Лашков]: Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: 1890. См. об этом также: Л. Н. Выоницкая: Свидетели немые. //Известия Крымского Республиканского краеведческого музея, 1995, № 11. С. 34.
- 32 См.: Национальному достоинству крымских татар нанесено оскорбление. //Авдет, 1996, № 1 (140), 15 января. С. 1.

Имре Баски (Будапешт)
Тамги и этнические названия*
(Вклад тамга-знаков в этногенез татар)

В ноябре 1993 года, мы приехали в Асанчу (Valul lui Train, Румыния) и Омурчу (Valea Seaca, Румыния) с целью сбора материала по этномедицине, этноботанике и фольклору татар. В первый день наших полевых работ в Асанче ходжа Омар Негимеддин и имам Анефи Энвер (оба из местной мусульманской общины) показали нам мусульманское деревенское кладбище. Кладбище (по-тат. «кабристан») находится в самой деревне недалеко от железнодорожной линии (рис. 1) рядом с христианским кладбищем. Мусульманское население Асанчи (Асанча или Хасанча) состоит в основном из татар. 260 из 280 семей - татары, остальные 20 - турки.

Мусульманское кладбище расположено на участке земли, равном примерно 100 м². Оно окружено забором, но не охраняется. Кладбище и ныне является действующим, новые захоронения располагаются по углам и у входа. На новых могильных плитах можно видеть традиционные символы и надписи. Большая, центральная часть кладбища занята древними, частично погруженными в землю, могильными плитами со следами сильной эрозии. Все старое кладбище сильно запущено, заросло травой и сорняками. Домашние животные из близлежащих домов могут беспрепятственно передвигаться по территории кладбища. По причине эрозии представляется невозможным рассмотреть что-либо на большей части могильных камней, однако на некоторых из них можно различить характерные знаки, сохранившиеся в достаточно хорошем состоянии.

Эти знаки, так называемые тамги, хорошо известны и широко распространены во всем кочевом мире как знаки принадлежности. Только взглянув на первый знак, я понял, насколько важно изучить все знаки, имеющиеся здесь и в других местах Добруджи. Поэтому за то короткое время, которым мы располагали, я обошел все кладбище в поисках подобных знаков. В итоге мне удалось зарисовать и сфотографировать 20 знаков, из которых 18 - неповторяющиеся (см. рис. II).¹

Через несколько дней мы работали в Омурче (или Омурчи) (рис. I), расположенной в 4 км от Асанчи. В Омурче проживает 138 семей. Из них 136 татарских семей и только 2 - турецкие. Когда мы пересекли железнодорожное полотно, заметили мусульманское кладбище. Оно было почти такого же размера, как кладбище в Асанче, и, к нашему огорчению, пребывало в таком же жалком и заброшенном состоянии. После того, как мы нашли тамги в Асанче, мы надеялись найти их и здесь.

* Статья печатается по: Imre Baski (Budapest). Tamgas and Names (A Contribution to the Tatar Ethnogenesis)// *Oriqinea Tatarilor*.-Bucuresti:Editura Kriterion, 1997. 64-92 pp. Перевод с английского Э. М. Муртазиной.

Нам повезло. Так как более поздние надгробия располагались вдоль ограды и по углам, старая часть кладбища осталась нетронутой. По материалу,² форме и возрасту эти камни были очень похожи на те, что мы нашли в Асанче. Мы обошли все кладбище и зарисовали все знаки, которые обнаружили и смогли разобрать.³ Мы нашли тамги на 28 надгробиях. Некоторые знаки повторялись, но у 21 знака не было аналогов (см. рис. III). Были сделаны также слайды и фотографии.

В настоящее время я располагаю тамгами-знаками с 48 надгробий из двух деревень. На кладбищах, о которых идет речь, 5 знаков - идентичны, 8 знаков частично идентичны или аналогичны. На надгробиях в Омурчи мы можем наблюдать 11 сложных знаков, в то время как в Асанчи их только 5.

По моим сведениям, до сих пор только два исследователя зарисовали и опубликовали тамги-знаки из Добруджи. Жизела Сулитеану⁴ смогла собрать примерно 40 знаков в различных ногайских деревнях в 1953, 1957, 1958 и 1974 годах. Энвер Махмут,⁵ также занимавшийся исследованием культуры ногайцев, отчасти в тех же деревнях обнаружил 42 знака в 1960-1962 годах.

Принимая во внимание историческое родство между Добруджей и Крымом, важно прежде всего заняться изучением тамг-знаков крымских татар. К счастью, мы имеем основополагающие работы в этой области.⁶ А.Н.Самойлович впервые описал тамги в 1917 году.⁷ Осман Аччокраклы собрал примерно 400 тамг в различных местах Крыма летом 1925 года⁸ (рис. IV, V). В 1927 г. В.И.Фilonенко сделал наброски 150 тамг (см. рис. VI) на трех кладбищах в Евпатории (в татарском Гезлеве)⁹ (рис. VI).

Собранные Аччокраклы знаки были обнаружены в основном на надгробиях в северной (степной) части Крыма.¹⁰ На надгробиях, как правило, не было ни имен, ни дат смерти, но на каждом надгробии присутствовали тамги. Целью нанесения знаков было показать, к какому роду, клану или семье принадлежал покойный. Аччокраклы, однако, вынужден признать, что современные татары и ногайцы, зная свои тамги, не могут сказать, к какому улусу они принадлежат.¹¹

Старые надгробия, исследованные В. И. Фilonенко на трех кладбищах в Гезлеве (Евпатория), свидетельствуют о существовании общего традиционного способа нанесения знаков на надгробия. Одно из кладбищ (№ 3), обследованных В. И. Фilonенко, заслуживает особого внимания, так как описано более подробно и является, по-видимому, самым старым. Оно имеет много общего со старыми кладбищами Омурчи и Асанчи.

Некоторые надгробия частично погрузились в землю, другие упали и раскололись. Только несколько надгробий, очевидно не самых старых, сохранили форму могильных камней, характерную для татарских клад-

бищ. В. И. Филоненко говорит о лежащих повсюду обломках,¹² по форме напоминающих голову, завернутую в чалму.¹³ В Омурчи и Асанчи мы имеем точные аналоги тех камней, которые описывает В. И. Филоненко. Он считает, что кладбище № 3 является самым старым в Гезлеве и относится к тому же времени, а возможно и более раннему, чем Эски-Юрт под Бахчисараем. Самой ранней датой, обнаруженной В. И. Филоненко на могильных камнях, был 1476 г., а самой поздней - 1921. На самых старых могильных камнях он обнаружил только тамги-знаки, нанесенные, в основном, на переднюю, реже на боковую или верхнюю часть могильного камня. Любопытно, что на всех трех кладбищах он обнаружил надгробия 1920-1921 годов, на которых только тамги были выгравированы в старом грубом стиле, свойственном надгробиям XV-XVI веков.¹⁴

Учитывая очевидные признаки сходства между древнейшими кладбищами в Крыму, особенно в Гезлеве, и кладбищами в Асанчи и Омурчи, мы полагаем, что они имеют одинаковый возраст и отражают сходство традиций жителей этих мест.

В этом частном случае эти знаки могут рассматриваться как единственное звено, связывающее племена, кланы и семьи, разделенные временем или географически. Как известно, тамги у кочевых тюрков строго закреплялись за определенным родом или кланом и передавались по наследству от рода к роду, от отца к сыну.¹⁵ Таким образом, сравнительное исследование тюрksких тамг может пролить свет на отношения между тюрksкими племенами (см. рис. VII-VIII). Некоторые ученые принимают это обстоятельство как отправную точку, когда рисуют картину этногенеза различных тюрksких народов.

Предположение о связи тамг крымских татар с этническими названиями, которые были сохранены как названия местностей (в основном как названия деревень) в Крыму, было выдвинуто Османом Ачокраклы, который, однако, признает, что такие исследования следует проводить с крайней осторожностью. Проблема, по его мнению, состоит в том, что тамги повторяются в каждой деревне, поэтому невозможно определить, какой деревне принадлежит тот или иной тамга-знак.¹⁶

Почти одновременно та же идея развивалась и тщательно прорабатывалась В. И. Филоненко,¹⁷ который изучал названия крымских деревень и тамги тюрksких племен (рис. IV). В 1974 г. Р. Г. Кузеев также указывал на важность тамг с точки зрения этногенеза. В то же время он подчеркивал, что тамги не могут использоваться в качестве независимого источника до тех пор, пока не собрано необходимое их количество и не проведены основные исследования по их происхождению.¹⁸

Анализируя тамги-знаки из Доброджи, я сравнивал их с: а) тамгами ногайцев из Добруджи, собранными и представленными Ж. Сулитеану¹⁹ и Энвером Махмутом;²⁰ б) тамгами крымских татар, собранными и представленными О. Ачокраклы²¹ и В. И. Филоненко;²² в) тамгами но-

гайцев, казахов, каракалпаков, киргизов, туркмен и башкир в том виде, в котором они были опубликованы Х. Перле,²³ С. Аманжоловым,²⁴ В. И. Филоненко,²⁵ П. Небольшиным;²⁶ г) тамгами огузских племен, опубликованными Э. Триярским²⁷ (рис. X); д) знаками из Болгарии, собранными и представленными Э. Триярским²⁸ (рис. XI); е) тамгами древних тюрков из северо-восточной части Монголии, опубликованными Э. Триярским²⁹ (рис. XII); ж) тамгами, использовавшимися в Монголии, которые собрал и представил Б. Ринчин³⁰ (рис. XIII); з) тамгами, использовавшимися в Монголии, которые собрал Х. Перле³¹ (рис. XIV); и) знаками принадлежности, использовавшимися в Венгрии³² (рис. XV); ногайскими тамгами из Добруджи, опубликованными Ж. Сулитеану³³ (рис. XVI); ногайскими тамгами из Добруджи, опубликованными Э. Махмутом³⁴ (рис. XVII).

Жесткие рамки статьи не позволяют, к сожалению, детально проанализировать все имеющиеся тамги. Мы ограничимся лишь рядом замечаний и приведем несколько примеров.

Простые тамги-знаки из Асанчи и Омурчи

Говоря о простых или базовых тамгах, мы имеем в виду знаки, не имеющие отдельных линий, например: А³⁵ 1, А7, А16, О³⁶ 7, О26 и т.д. В общей сложности мы имеем 13 простых знаков из Асанчи и 12 - из Омурчи. Некоторые из этих знаков встречаются и на том и на другом кладбище. Из них только три простых знака являются идентичными³⁷ (А1=О18, А8, а возможно и А6=О7, А11=О5). Остальные тамги этой категории можно рассматривать как (близкие) аналоги:³⁸ (О6, О25 - А1), (О7, О10, О22 - А6, А8), (О14 - А13), (О16 - А14), (О23 - А3, А4).

Простые или базовые тамги считаются самыми древними знаками. Тамги также имеют эволюционные закономерности, по своим механизмам сходные с закономерностями эволюции этнонимов. Эти механизмы существуют, но их довольно трудно доказать.³⁹ На первой стадии эволюции знаки символизировали тотемное животное племени и, так как племя носило имя своегоtotема, существовала прямая связь между племенем (кланом), его названием (этнонимом), тамгой-знаком и даже названием тамги. Мы не располагаем какими-либо крымскими знаками того периода.⁴⁰

Мы имеем только тамги, начиная со второй стадии их эволюции, когда люди вели кочевой образ жизни и появились знаки, напоминавшие предметы домашнего хозяйства. Тамги имели собственные названия - названия предметов и орудий труда, использовавшихся людьми в повседневной жизни. Знаки состояли из угловатых и изогнутых линий. Прямые добавочные линии также начали появляться в это время. Названия инструментов редко становились этнонимами.⁴¹ Именно тогда связи между названием тамги и этнонимом стали утрачиваться.

Знаки А1, О18 (см. рис. II, III), например, известные как «шугуш» («чукыч») - «молоток», использовались крымскими татарами, ак-ногайцами /к.⁴² найман, р.⁴³ Жагалбайли), кара-ногайцами, казахами (Кж.⁴⁴, Ож.⁴⁵: племенной союз Алшин и Найман: п.⁴⁶ Жагалбайли; Ож.: к.⁴⁷ Кара-керей), каракалпаки, киргизы (п. Кипчак) и монголов (см. рис. VII-VIII в каждом случае).

Знак О13 называется «элип» по первой букве арабского алфавита (алиф, элиф). Его можно найти у казахов (Ож.: к. Кипчак), киргизов, туркмен, монголов.

Знак А5. Аналогичный знак есть среди знаков, обнаруженных в Болгарии и среди монгольских тамг.

Знаки А6, А8, О10, О22 хорошо известны как «тарак» или «ксан-тамга». Их исходная форма широко распространена по всему миру от Америки до Африки. Мы можем найти их среди тамг крымских татар, ак-ногайцев (к. Янги-Найман, Тубетпес, Ягни-Найман??), кара-ногайцев (к. Кенегес, Аргин), казахов (п.? Таракти), киргизов (п. Джалаир), каракалпаков, башкир, туркмен, монголов и венгров.

Знак А7 называется «килик», «клиш» («меч»). Он используется ногайцами (к. Манжит, р. Темир-Ходжа), крымскими татарами и монголами.

Знак А10 известен в Туркмении как «кара юлу» и «бага». Его также можно найти у киргизов и среди венгерских тамг.

Знаки А11, О5. Этот вид тамг носит название «кхалка» («круг»). Его используют почти все тюрки, а также некоторые нетюркские народы, например: ак-ногайцы, казахи (Уж.:⁴⁸ п. Дулат, Кж.: п. Табин), каракалпаки, киргизы, туркмены (п. Сарик), башкиры, венгры, монголы.

Знак А15 называется «камчи» («кнут», «хлыст») у казахов и используется ногайцами, казахами, киргизами и монголами.

Знак А16 является производным от базового знака, который перечеркивается поперечной чертой. Встречается в Крыму и у монголов.

Знаки О6, О25 могут быть определены как «ергенек-тамги» (??). Они используются башкирами, монголами и венграми.

Знаки О15, О24 также можно встретить в Крыму, у туркмен и монголов.

Знак О20 называется «чомич» («ложка»). Он использовался в Крыму и ногайцами (к. Мангит, р. Мангит, Кугуз, Эргенекли, Бейгунда), казахами, башкирами, монголами и венграми.

Знак О26 является производным от знака О20, широко используемого в Крыму и ногайцами (к. Ток, Мангит, Салжугут, р. Темирходжа, тейпы Киреита и Тойормали), монголами и венграми.

Сложные тамги

Традиционно тамги-знаки (будучи по происхождению знаками при надлежности) имели простую и неизменную форму. Возможно, поэтому

мы имеем довольно мало двойных знаков, которые были бы составлены из простых. У Аманжолова мы смогли найти лишь 5 двойных из 65 знаков.⁴⁹ В этом легко убедиться, изучая тамги различных народов, эпох и мест (см. приведенные рисунки). Кстати, Аманжолов указывает на то, что дополнительные линии или знаки (менее важные) всегда были соединены с базовым знаком.⁵⁰ Однако, в результате деления племен или кланов, вновь возникшие подразделения обычно добавляли несколько штрихов к главному знаку, или, сохранив первоначальную форму тамги, они просто меняли ее положение. Если тамга была на могильном камне, то рядом с ней ставилась добавочная, горизонтальная или вертикальная черта.⁵¹

Двойные тамги из Асанчи и Добруджи

A3, A4, A13 (?тройной), A14 (?состоит из трех или более частей), O8, O9, O11, O14 (?), O16, O21, O23.

Принимая во внимание сказанное выше, тамги A3 и A4 можно рассматривать с двух точек зрения: 1) основная тамга типа A1 - O18, приобретшая дополнительную черту с любой стороны; 2) две независимых тамги, которые были соединены, возможно, потому, что два разных клана или племени объединились. В связи с этим мы имеем другую очень вероятную возможность, касающуюся знаков на могильных камнях: надгробия, имеющие изображения двух знаков на могильных столбах, могут быть женскими. Я хотел бы сослаться здесь на тот факт, что женщина, обычно, не наследовала тамги своего клана, если выходила замуж за мужчину другого клана. После смерти тамга ее родного клана изображалась на ее могильном памятнике. Иногда на женских надгробиях изображалось два знака: один - собственный, другой - принадлежащий мужу.⁵²

Эти знаки могут быть отнесены ко второй или третьей стадии эволюции (см. выше). Дополнительные компоненты зачастую отражали изменения внутри этнических групп.⁵³ Двойные тамги могут быть объяснены с помощью простых тамг. Например, знак A3, который можно рассматривать как зеркальное отражение знака A4, можно образовать с помощью тамг A1 - O18 и O13.

Сравнение тамг из Добруджи с тамгами собранными в Крыму

(См. таблицу*)

Сравнив тамги из Добруджи с тамгами, собранными в Крыму, мы обнаружили, что в отдельных деревнях имеется больше идентичных знаков (например, в Евпатории (Гезлеве, Козлове) - 13, Хидир-бали (Хадир-бали) - 4, Кирлеуте - 3, Абузляре (Хавизляре) - 2, Баккале - 2, Ку-

* Цифрой перед чертой («/») обозначается номер деревни, под которым она дана на рисунке. Цифрой после черты(«/») обозначается номер знака в последовательности тамг данной деревни (см. рис. IV-V)

Тамги из Добруджи (Рис. II, III)	Тамги из Крыма (Рис. IV, V)
A1, O18	= 1/23, 2/3, 7/13, 13/1, 15/4, 17/5. – 1/14, 7/1, 7/35, 15/15, 15/16, 20/21, 24/6, 25/6.
20/1,	
A2, A18	– 2/4, 7/17, 7/24, 11/4, 13/17.
A3	– 12/1.
A4, O19	= 12/1.
A5	– 3/2, 7/39.
A6, A8, O7	= 27. – 1/31, 1/32, 5/2, 5/3, 5/7, 7/42.
7/51.	
A7	= 7/73, 13/5, 25/11. – 7/26, 19/2.
A9	– 23/7.
A10	= 7/31 – 7/46, 7/66, 11/13, 13/6, 13/9, 13/16, 14/5, 15/2,
13/10,	
15/12, 15/14, 29.	
A11, O5	= 7/11. – 4/1, 4/2, 20/25, 25/3.
A13	= 17/2. – 7/58, 19/3, 24/11.
A14/ – O16	– 7/74, 20/3.
A15	= 7/66, 15/14, 29. – 2/5, 7/55, 13/6, 13/9, 13/10, 14/5, 15/12, 18/4.
A16	– 1/34, 2/21, 8/1, 25/10.
O6, O25	= 1/14. – 7/8.
O10, O22	= 2/4, 7/4. – 2/8, 5/6, 7/62, 14/1, 14/4, 27, 28.
O13	= 2/22, 24/14.
O14	– 2/18, 5/4, 7/36, 17/7. – 7/39, 7/58, 8/2, 13/3, 13/4, 13/8, 24/11.
O15, O24	= 9/1, 7/72, 23/10. – 7/2, 7/18, 23/15.
O20	= 7/10, 21/15. – 1/18, 1/28, 2/1, 4/3, 4/4, 7/25, 17/9, 20/6, 21/2,
16/2,	20/6, 21/2,
21/20, 21/23, 21/24, 23/11, 23/12, 24/15, 24/19, 26/1, 26/2.	23/2, 23/3,
O23	= 2/9, 24/13. – 11/5.
O26	– 26/1, 26/2.

чук-асе - 2, Кеймаке - 2, Семене - 2, Танабае - 2), и больше близких аналогов (например, в Гезлеве - 23, Кирлеуте - 11, Кучук-асе - 7, Танабае - 7, Абузляре (Хавизляре) - 6, Аире - 6, Семене - 6, Хдир-бали (Хадир-бали) - 6, Карагурте - 5, Бурун-эли - 4, Буюк-асе - 4, Джулчаке - 4, Камаджи - 4/ и т.д.

Упомянутые выше деревни можно найти в районах следующих городов: Евпатории (15), Бахчисарае ( ), Каффе (4), Акмечите (3), Феодосии (3), Перекопе (3), Карасубазаре (2). Если в районах, о которых идет речь, мы подсчитаем количество деревень, названия которых являются производными от этнонимов, то обнаружим, что в порядке преобладания они расположатся в следующей последовательности: Кипчак (18), Найман (12), Конрат (10), Китай (8), Ойрат (6), Аргин (5), Мангит (4), Ас (4) и т.д. Таким образом, районы Крыма могут быть охарактеризованы присутствием различных этнонимов в названиях деревень. Например, в Евпатории их можно расположить в следующей последовательности: Кипчак (7), Конрат (3), Мангит (2), Ас (2); в Акмечите: Кипчак (6), Конрат (4); в Перекопе: Найман (5), Китай (4), Кипчак (3), Конрат (3), Мангит (2), Ас (2); в Карасубазаре: Ойрат (6), Найман (4), Ширин (4), Аргын (3), Тама (2), Китай (2); в Каффе: Найман (3), Кипчак (2).

Присутствие идентичных и аналогичных тамг-знаков в Добрудже и в Крыму можно объяснить прямыми и косвенными связями, существующими между людьми, которые населяют эти регионы. Характер связей и время переселения могут быть определены в ходе последующих исследований.

Примечания

- 1 Мне хотелось бы выразить глубокую благодарность директору школы мистеру Язару Мемедемину, который предоставил негативы для дальнейшего исследования.
- 2 Могильные камни были сделаны из легкодоступного известняка Добруджи (см.: Suliteanu, c. 15, прим. 4).
- 3 Некоторые из знаков были зарисованы моим помощником мистером Джозефом Багоши.
- 4 Ghizela Suliteanu, Le «TABIN» dans la tradition populaire des Tatars Nogay de Dobroudja (Roumaine): Turcica: (1980), 95-111 pp.; (то же опубликовано на турецком яз.) Dobruca Tatarlar halk geleneğinde «Tabin»: Kirim 1 (1992), 13-21 pp.
- 5 Enver Mahmut, Nogaii dobrogensi și dialectul lor: Analele Univ. Bucuresti, ser. St. Soc., Fil., XIII (1964), 319-336 pp.
- 6 Осман Акчокраклы, Кырымда татар тамгалары. Бакчасарай, 1926; О.Акчокраклы, Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1927, 16 с. - В конце этой работы он дает краткую библиографию тамг (с. 16); В. И. Филоненко. Тамги татарских кладбищ г. - Евпатории. Симферополь, 1928, 22 с. - В конце этого исследования он также публикует библиографию по данной теме из 42 наименований.
- 7 О. Акчокраклы. Татарские... прим. 3.
- 8 О. Акчокраклы. Татарские...
- 9 В. И. Филоненко. Упом. соч., с. 3.
- 10 В южных (прибрежных) и центральных горных районах тамги не были известны (В. - И. Филоненко. Упом. соч., с. 4; П.И.Кеппен. Крымский сборник. СПб., 1837, с. 31-35).

- 11 О. Акчокраклы. Упом. соч., с. 1.
- 12 В южных частях полуострова только мужчины носили головные уборы типа тюрбана. Женщины носили головные уборы с плоским верхом (Кеппен. Указ. соч., с. 32, см. прим. 10).
- 13 Чалма - это вид тюрбана (мужской головной убор).
- 14 В. И. Филоненко. Указ. соч., с. 4-5.
- 15 Таким же образом использовались родовые знаки другими кочевыми народами. О.Акчокраклы, Указ. соч., с. 16; В. И. Филоненко. Указ. соч., с. 13; Bi. Rintchen, Les signes de proprieté chez les mongols: Archiv Orientalni, XXII (1954), pp. 467-473; также см. выше прим.6.
- 16 О.Акчокраклы. Указ. соч., с.1.
- 17 Указ. соч., с.19-21.
- 18 Р.Г.Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974. Автор собрал 3500 башкирских тамг.
- 19 См. прим. 4.
- 20 См. прим. 5.
- 21 Указ. соч., с.4-5.
- 22 Указ. соч., с.8.
- 23 Kh. Perle, Mongol tumniy garlig tamgar khayz sudlakh n' (Исследования этногенеза монгольских племен путем изучения их клановых обозначений), Ulanbatar, 1975.
- 24 С.Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Часть 1. Алматы, 1959.
- 25 См.прим.6.
- 26 П.Небольшин. Очерки волжского низовья. СПб., 1852.
- 27 Э.Триярский. Тамги тюркских племен из Болгарии: UAJG. 47 (1975), с.189-200.
- 28 Указ. соч.
- 29 Указ. соч.
- 30 См. прим. 15.
- 31 Указ. соч.
- 32 Magyar Neprajzi Lexikon. №№ 1, 2, 5. (Венгерская этнографическая энциклопедия) Foszterk. Ortutay Gyula, Budapest, 1977, 1979, 1982.
- 33 См. прим. 4.
- 34 См. прим. 5.
- 35 Буква «А» используется для обозначения тамг из Асанчи, а следующая за ней цифра указывает поряд. номер тамги на рис. II.
- 36 Буква «О» используется для обозначения тамг из Омурчи, а следующая за ней цифра указывает порядковый номер тамги на рис. III.
- 37 Две тамги можно считать идентичными, 1. если это один и тот же знак; 2. если они слегка повернуты. Возможен случай зеркального отражения. Э.Триярский, например, в одних случаях рассматривает их как идентичные, в других - как близкие аналоги (см. прим. 27). С.Аманжолов утверждает, что направление знака не имеет никакого значения (см. прим. 24). Что касается меня, я думаю, что направление знака является его важной характерной чертой. Им можно пренебречь только если речь идет о дальних родственных связях племен и кланов (см. рис. VII). Символ: =.
- 38 Два знака могут рассматриваться как аналогичные, 1. если базовый знак повернут; 2. если они отличаются друг от друга в деталях, малых линиях, точках и т.д. Местоположение компонентов сложных знаков может меняться (см. С.Аманжолов. Указ. соч., с. 11,14, см. сноска). Символ: ~.
- 39 Р.Г.Кузеев. Указ. соч., с.83-84.
- 40 В.И.Филоненко, указ. соч., с.18-19. Но возможно знак № 1 из Абузляра (О.Акчокраклы. Указ. соч., с.4) можно интерпретировать как «змея», в тюркских языках - ийлан, жиylan, ilan и т.д. Хорошо известная «хан» или «тарак-тамга» является очень старым

символом, распространенным во всем мире. Ее можно определить как «орел, летящий высоко в голубом небе».

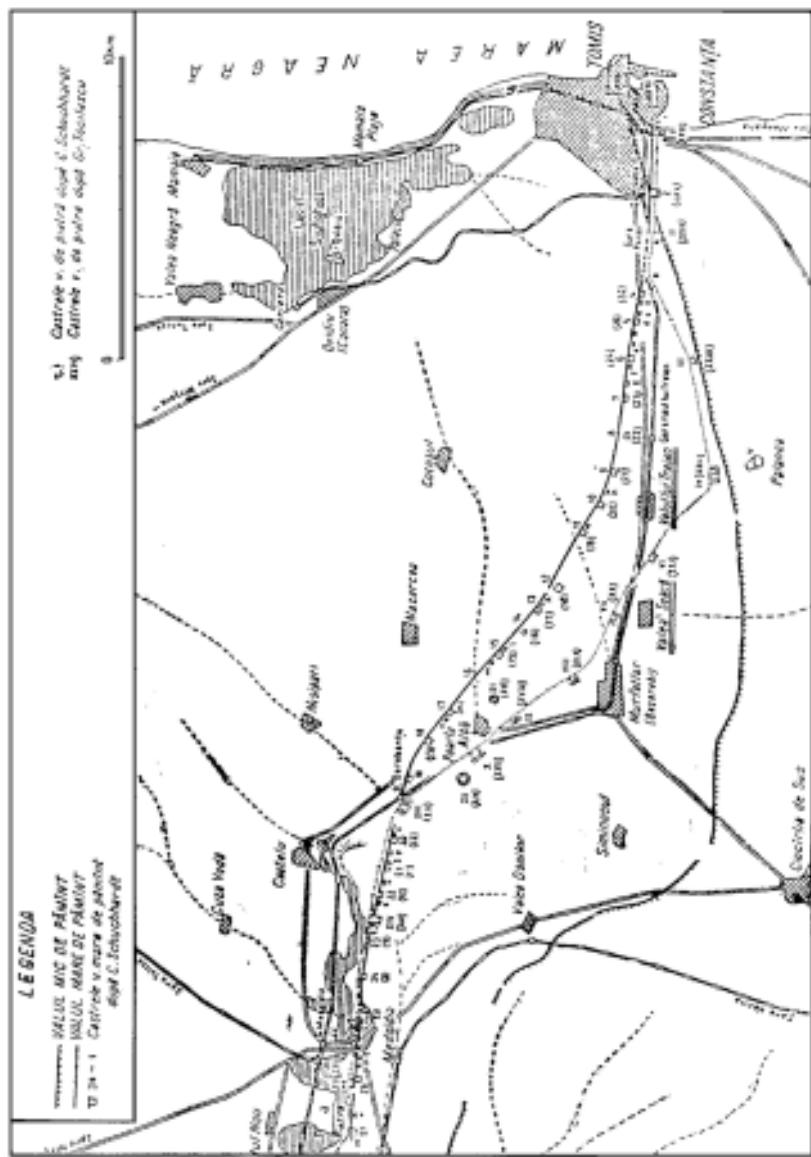
- 41 В.И.Филоненко. Указ. соч., с.18-19.
- 42 к. = клан.
- 43 р. = род.
- 44 Кичи жуз «Малая Орда».
- 45 Орта жуз «Средняя Орда».
- 46 п. = племя.
- 47 к. = клан.
- 48 Улу жуз «Большая Орда».
- 49 Указ. соч., с.12-14.
- 50 Указ. соч., 14.
- 51 О.Акчокраклы, с.10.
- 52 В.И.Филоненко. Указ. соч., с.7.
- 53 С.Аманжолов. Указ. соч., с.10-11.

Иллюстрация I. Кладбище в Асанче. Рисунок А. Хорвата.

Иллюстрация II. Кладбище в Омурче. Рисунок А. Хорвата.

Рисунок I. Карта окрестностей Констанцы.

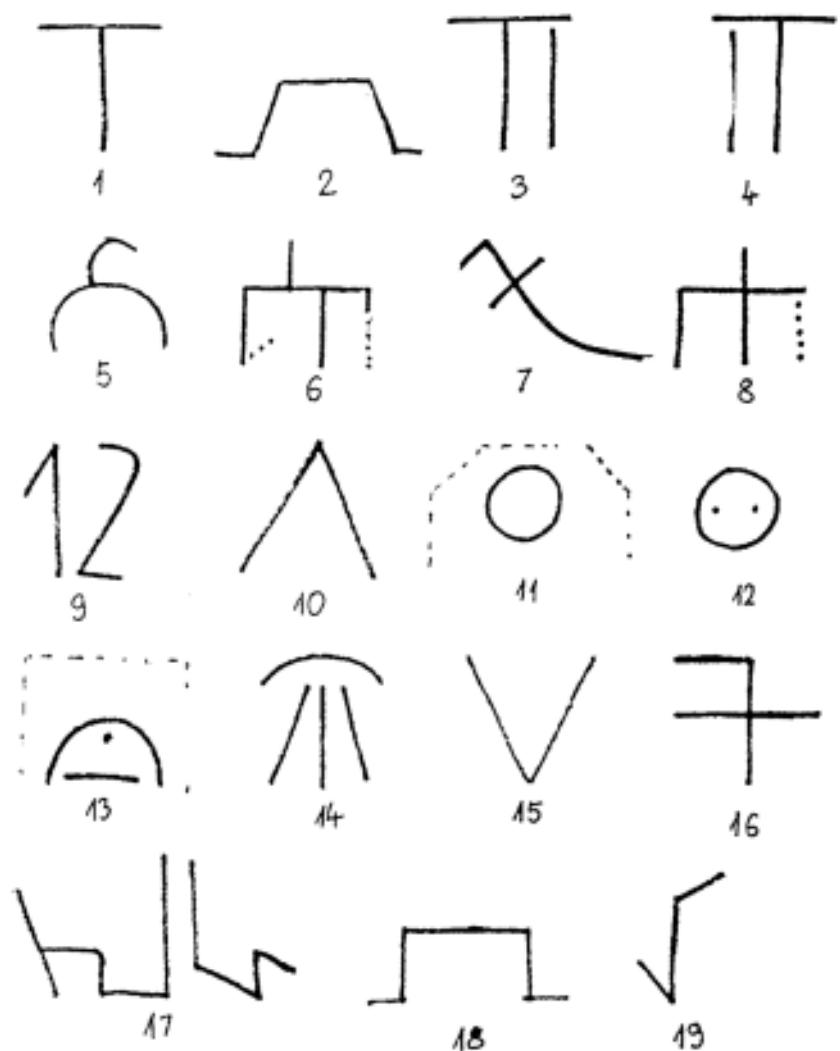

Рисунок II. Тамга-знаки из Асанчи.

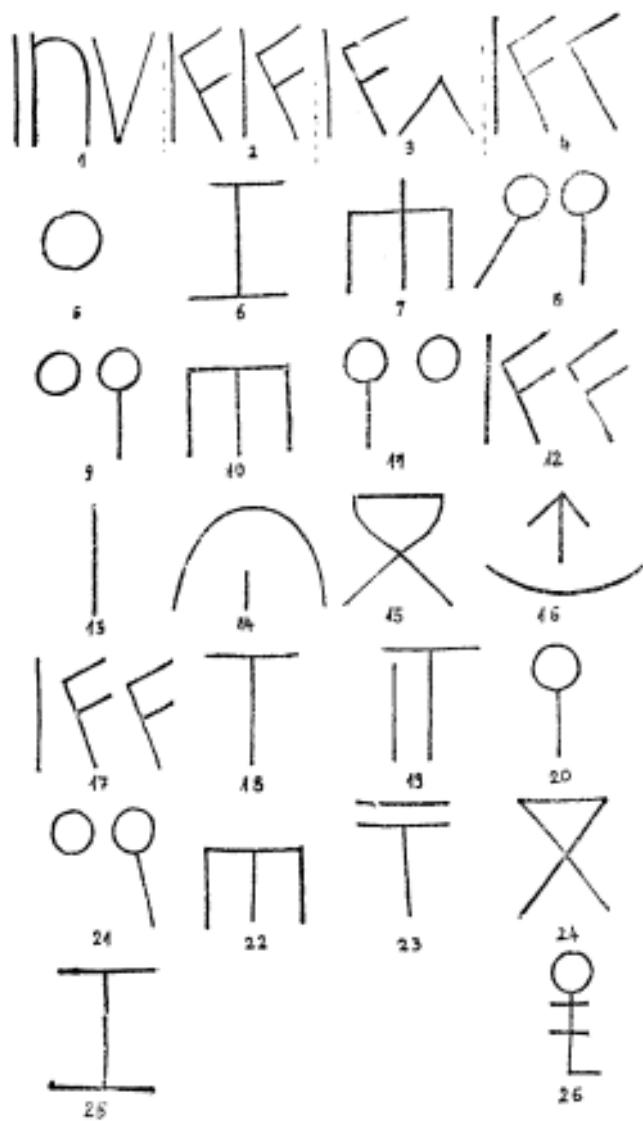

Рисунок III. Тамга-знаки из Омурчи.

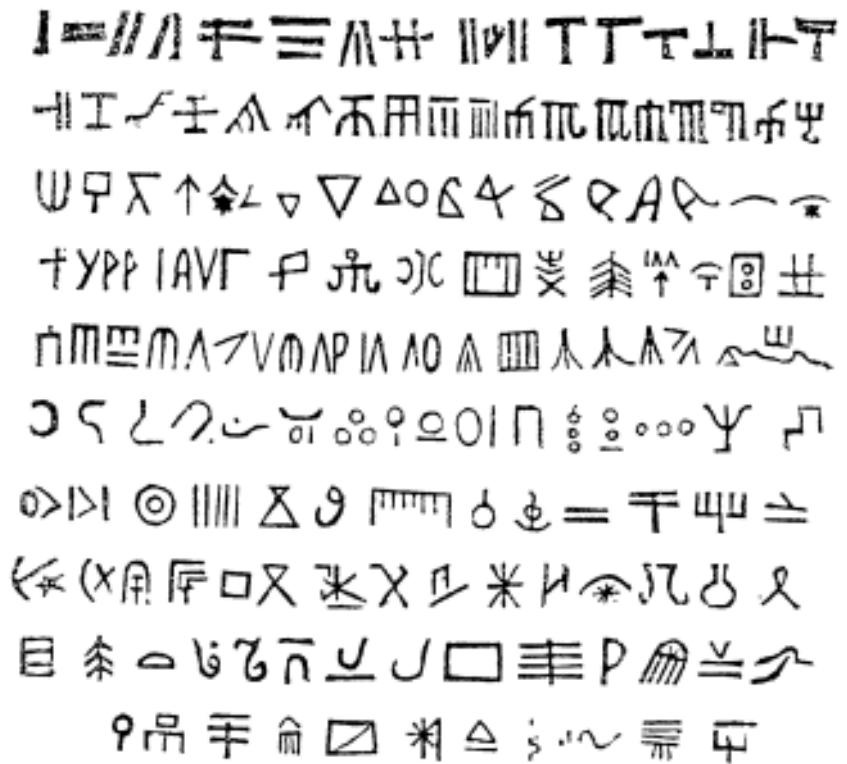
Рисунок IV. Тамги крымских татар по О. Аччокраклы.

1. Abuzlar, 2. Xdir-bali, 3. Alač, 4. Julčaq, 5. Qarağurt, 6. Aydarğazı, 7. Yevpatoriya (Gözleve), 8. Taqıl, 9. Qırq-Çolpan, 10. Qadiš, 11. Qalač, 12. Qaymaq, 13. Kirleut.

Рисунок V. Тамги крымских татар по О. Акчокраклы.

14. Burun-Eli, 15. Tanabay, 16. Qırğız-qazaq, 17. Baqqal, 18. Beş-Plav, 19. Oğuz-oğlu, 20. Aip, 21. Büyüük-As, 22. J̄amal, 23. Kic̄ik-As, 24. Semen, 25. Boy-Qazaq, 26. Qamaji, 27. Aqc̄ora, 28. Qarañgıt, 29. Kenegez, 30. Šiban, 31. Tox̄taba, 32. Bayrać.

Тамги татарских кладбищ г. Евпатории

Таблица № 3

||ХТУЛ, ОСД, ГР||

Рисунок VI. Крымские тамги из Евпатории (Гезлев). По В. И. Филоненко.

Тамга-знаки из Добруджи		А	Г	Д	І	О	Р	Л	А	І	А	П	В
крымских татар	І/І — —												
ногаев	— —												
казахов		Т	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
каракалпаков	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
киргизов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
туркмен	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
башкир	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
болгар	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
огузов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
древних тюрок	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
монголов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
венгров	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Рисунок VII. Сравнительная таблица знаков различных народов и тамг из Добруджи.

Тамга-знаки из Добруджи	Г	Х	А	Ч	Д	М	Т	П	Т	Г	А
крымских татар	Г	Х	А	Ч	Д	М	Т	П	Т	Г	А
ногаев					М	М	Т	Т	Т	Т	
казахов					Т	Т	Т	Т	Т	Т	
каракалпаков					Т		Т				
киргизов							Т				
туркмен		Х				М					
башкир					Д	Д					
болгар	Г		Х		Ч					Г	Л
огузов			Х		М		П			Т	
древних тюрок							Е				
монголов	Х	Д	Ч		М	М				ТТ	СУ
венгров					Л	Г	П			Ц	

Рисунок VIII.
Сравнительная таблица знаков различных народов и тамг из Добруджи.

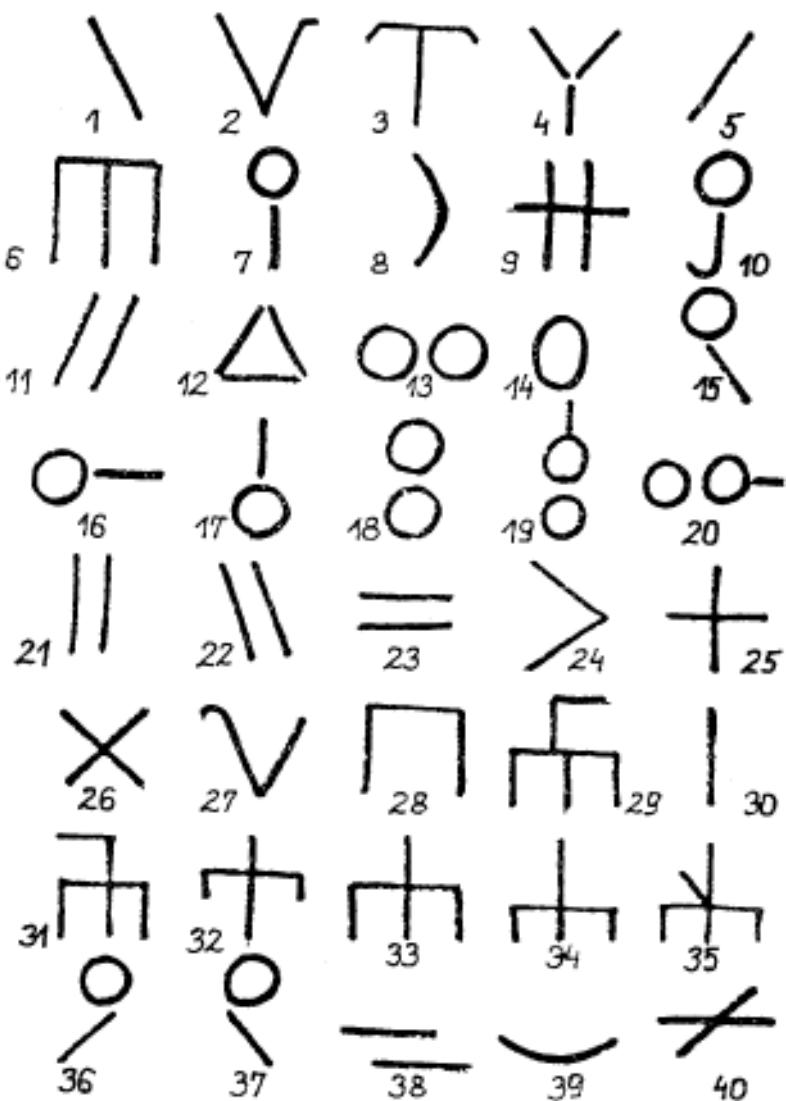

Рисунок IX. Ногайские и казахские тамги. По В. И. Филоненко.

5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
161																			
1	2	3	4																
Т	У	С	Г																
Х	К	М	Л																
+																			

Рисунок X. Огузские знаки. По Э. Триярскому.

Рисунок XI. Знаки из Болгарии. По Э. Триярскому.

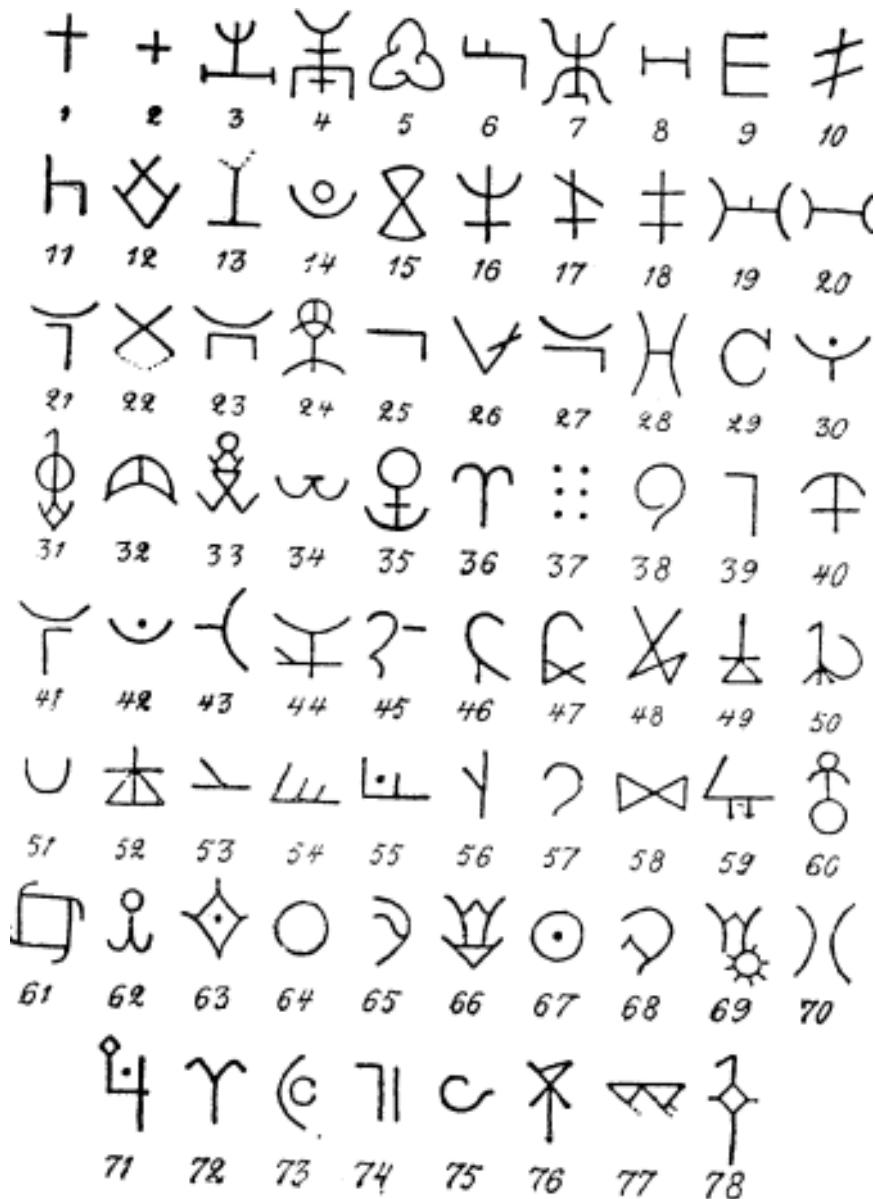

Рисунок XII. Древнетюркские тамга-знаки. По Э. Триярскому.

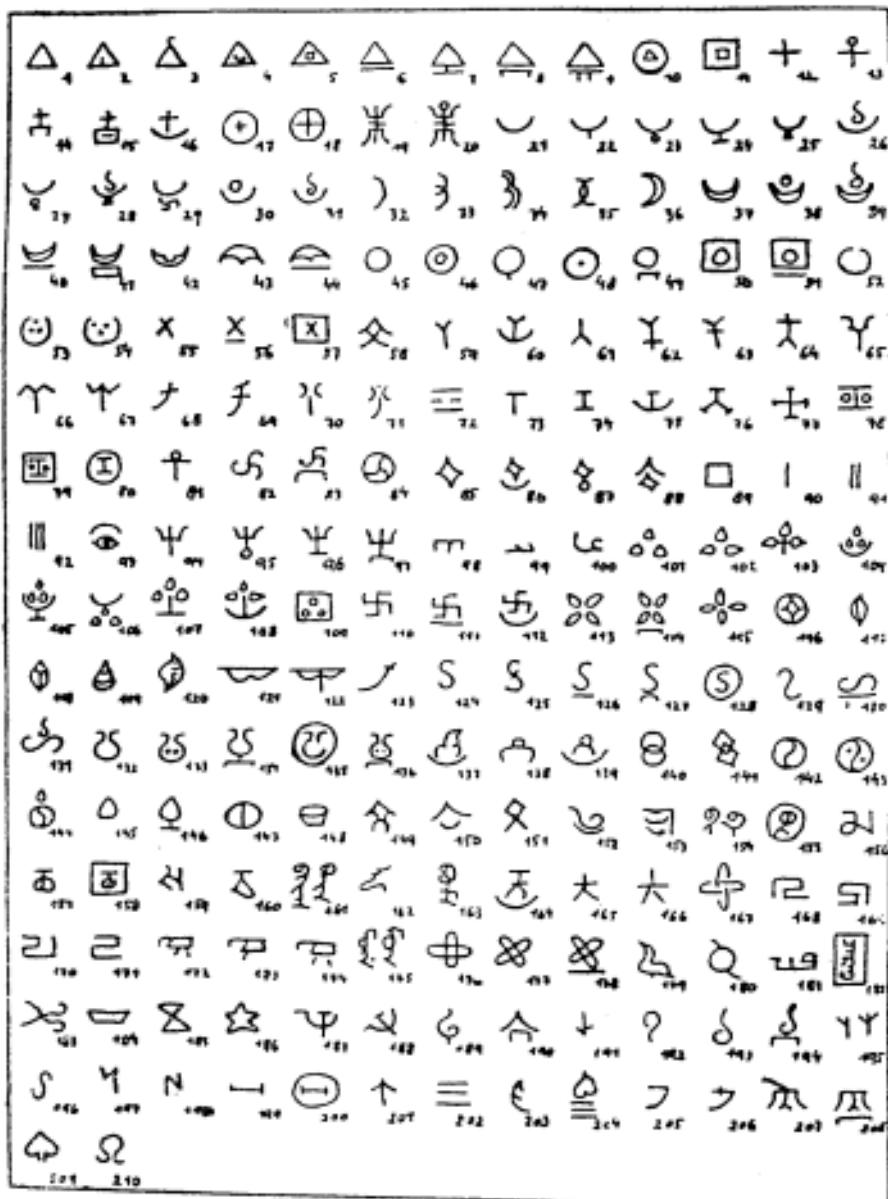

Рисунок XIII. Монгольские тамги. По Ринчену.

II. хүснэгт. Төв алмайн Бүрэн сумын Бичигт Улаан хад Цагаан хороотуу			π	?	35	48	53	+	63	71
1	10	19	29	39	49	59	69	79	89	99
2	11	20	30	60	90	60	10	50	40	30
3	12	21	31	41	51	61	71	81	91	101
4	13	22	32	42	52	62	72	82	92	102
5	14	23	33	43	53	63	73	83	93	103
6	15	24	34	44	54	64	74	84	94	104
7	16	25	35	45	55	65	75	85	95	105
8	17	26	36	46	56	66	76	86	96	106
9	18	27	37	47	57	67	77	87	97	107

Рисунок XIV. Монгольские тамги. По Х. Перле.

Рисунок XV. Венгерские знаки собственности.

[ABF]	[AB]	[AD]	[A]	[A]	[A]
1. Aq Kitay	2. Qara Kitay	3. Gagiltay	4. Nal	5. Mamay	6. Oraq-Ugh
7. Qazayaq	8. Turgaq	9. Bes Alma	10. Nayman	11. Qazh Balqa	12. Elif
13. Eki Elif	14. Toquzhay	15. Qosay	16. Altı Alma	17. Tongus	18. Gemboylaq
19. Getsan	20. Moysa	21. Moysa	22. Qamar	23. Qamar	24. Tarraqi
22. Tarraqi	22. Tarraqi	22. Tarraqi	23. Gemboylaq	24. Turgaq Utuq	25. Nayman
26. Tarraqi	27. Baganai	28. Tarraqi	29.	30.	31. (Bes Alma)
32.	33.	34. (Irgaq)	A. — Ciocirlia de Jos B. — Ciocirlia de Sus C. — Valea Dacilor D. — Ovidiu E. — Valea Neagră ¹ F. — Poiana Albiș	G. — Murighiol H. — Tucea I. — Veteranu J. — Dorobantu K. — Nicolae Billea	

Рисунок XVI. Ногайские тамги из Добруджи. По Ж. Сулитеану.

T	Т	҆	Ӯ	Ӯ	Ҭ
1. Balqa	2. Eipli Balqa	3.	4. Qozhi Balqa	5. Eküipli Balqa	6.
=	И	≡	/	1	>
8. Moisa	9.	10.	11. Irqaq	12.	
Λ	ΛI	E	Ӎ	Ӎ	+
13.	14.	15.	16.	17.	18. Ras
X	+	U	∩	X	JL
19.	20.	21.	22. Nal	23. Koñal	24. Ekiçis
)	)	Д	Ԇ	↑	↑
25.	26. Gagiltay	27. Bolotmek	28. Aiqui	29. Qazayaq	30. Kurek
O	♀	♀	♀	Ӎ	Ӎ
31. Koż	32.	33.	34. Kolda	35.	36.
~T	S	~o	Ԇ	?	♀
37. Qantar	38. Oraq	40. Qoshq	41. Qayinsi	39. Oraq	42.

Рисунок XVII. Ногайские тамги из Добруджи. По Е. Махмуту.

Сведения об авторах

Алексин Александр Александрович — в период публикации статьи в 1963.: ленинградский ученый, кандидат геолого-минерологических наук, старший научный сотрудник.

Гумилев Лев Николаевич — доктор исторических наук, профессор Ленинградского университета, специалист по средневековой истории тюркских и других народов Евразии. Умер в 1992 г.

Кызласов Леонид Романович — доктор исторических наук, профессор Московского университета, лауреат Государственной премии СССР, специалист по первобытной и средневековой археологии и истории Сибири.

Плетнева Светлана Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая группой археологии средневековых степей Института археологии РАН (г. Москва), специалист по археологии и истории степных народов Евразии.

Казаков Евгений Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АНТ, специалист по археологии Волжской Булгарии и финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Кокорина Нина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, специалист по керамике Волжской Булгарии.

Федоров-Давыдов Герман Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Московского университета, специалист по истории, археологии и нумизматике Золотой Орды, искусству средневековых кочевников, русской нумизматике.

Крамаровский Марк Григорьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Госэрмитажа, специалист по средневековой археологии Крыма и Золотой Орды.

Червонная Светлана Михайловна — доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), специалист по искусству народов Евразии, взаимодействию национальных культур и исламской культуре в России.

Имре Баски. К сожалению, сведениями о нем редакция не располагает.

Список сокращений, используемых в журнале

- АО — Археологические открытия
АОУП — Археологические открытия Урала и Поволжья
ВГО — Всесоюзное Географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ГБОРД — Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности
ГЭ — Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург,
Ленинград)
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА — Институт археологии
ИАО — Известия Археологического общества
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии
(при Казанском университете)
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОРРПТ — Материалы по охране, ремонту и реставрации
памятников ТССР (Татарской Социалистической
советской республики)
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТОИТ — Труды общества изучения Татарстана
ЭВ — Эпиграфика Востока

Институт истории Академии наук Татарстана

Шеф-редактор — Рафаэль Хакимов
Главный редактор — Равиль Фахрутдинов

Редакционная коллегия:

Евгений Казаков

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Марк Крамаровский

(Госэрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Азгар Мухамадиев

(Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник, г. Булгар,
Республика Татарстан)

Светлана Плетнева

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Петр Старостин

(Институт истории Академии наук Татарстана)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, г. Москва)

✉ Адрес редакции: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 9

Институт истории Академии наук Татарстана,

☎ Телефон: (8432) 92-92-64, 92-84-82

✉ E-mail: history@ih.kazan.ru, history@tataroved.ru

Дизайн обложки — Миляushi Хасановой. Оригинал-макет — Лии Зигангараевой.

Объем п. л. Подписано к печати Тираж 999 экз.

Отпечатано ЦИТИД УДП РТ. Заказ № 308